

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

1'2007

Екатеринбург – 2007

УДК 400
ББК Ш 100.3
Л 59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА,
кандидат филол. наук М. Б. ВОРОШИЛОВА

Л 59 Лингвокультурология. Выпуск 1 / Урал. гос. пед. ун-т;
Главный ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2007. – 187 С.

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.

УДК 400
ББК Ш 100.3

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а)

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 1

Подписано в печать _____. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – _____. Тираж 100 экз. Заказ _____

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

СОДЕРЖАНИЕ

Алымова Е. В. Астрахань	Образование в зеркале лингвокультурологии	5
Будаев Э.В. Нижний Тагил	Становление когнитивной теории метафоры	16
Волкова Н.И. Сыктывкар	Репрезентанты концепта <i>человек социальный</i> в сфере прозвищ Республики Коми	32
Ворошилова М.Б. Екатеринбург	Лингвокультурный типаж рокера: ассоциативные признаки	44
Григорьева Н.И. Екатеринбург	Эргоним как источник культурно-эстетической информации (на материале названий российских рок-групп)	52
Дзюба Е.В. Екатеринбург	К вопросу о создании модели филологического анализа поэтического текста	57
Докучаева Р.М. Сыктывкар	Структурно-смысловые особенности высказываний адресата в контексте оценки политических событий (на материале мониторинга)	65
Доценко Е.Г. Екатеринбург	С.Беккет в российском лингвокультурологическом пространстве: к проблеме перевода с английского и французского языков	75
Еремина С.А. Екатеринбург	Социальное и индивидуальное в речи уральских политиков	86
Же Ли Симферополь	Семантика концепта <i>толерантность</i> и способы его лексической репрезентации в русском языке	94
Журавлева О.Н. Киров	Луна как действующий персонаж в романе М. Булгакова «Мастер	103

	и Маргарита» (о метафоризации деятельности)	
Каримова Р. Х. Стерлитамак	Понятийная составляющая концепта «труд» (в немецком и русском языковом сознании)	120
Красильникова Н. А. Екатеринбург	Язык, культура и коммуникативная компетенция	129
Олешков М.Ю. Нижний Тагил	Процессуальная модель коммуникации: когнитивный аспект	137
Попов Л.Н. Екатеринбург	Культурно-исторические основания речевого педагогического интонирования	149
Попова Э.Ю. Екатеринбург	К проблеме изучения деловой речи в школе	155
Руженцева Н.Б. Ямбаршева Е.Г. Екатеринбург	Качества хорошей речи в туристической рекламе: диагностирующий эксперимент	159
Шустрова Е.В. Екатеринбург	Представление о небесной концептосфере в афроамериканской художественной картине мира	163
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ		185

Алымова Е. В.

Астрахань

ОБРАЗОВАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Одним из аспектов взаимодействия лингвистики, культурологии и философии становится появление и употребление таких понятий, как «концепт» и «концептосфера» – необходимых звеньев в постижении способов, особенностей и закономерностей взаимодействия языка, культуры и сознания.

Объектом лингвокультурологического исследования нами был выбран концепт «образование», что в свою очередь обусловлено растущими тенденциями создания единого образовательного пространства и подписанием Россией Болонского соглашения. В связи с этим необходимо тщательное изучение систем образования тех стран, откуда мы начинаем заимствовать те или иные концепты.

При изучении выбранного нами концепта «образование / education» мы используем вслед за В.И. Карасиком и Г.Г. Слышкиным понятие «лингвокультурный концепт», считая его наиболее приемлемым для лингвокультурологической парадигмы.

Классифицированные по своим носителям концепты образуют: индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Концепт «образование», как показало наше исследование можно отнести ко всем этим группам. Учитывая социолингвистические ассоциации, возникающие у индивидов в связи с упоминанием данного концепта, можно сделать вывод о том, что концепт «образование» образует микрогрупповую концептосферу. Напр., существует особое восприятие данного концепта учащимися и педагогами отдельного образовательного учреждения. В то же время концепт «образование» формирует и макрогрупповую концептосферу. Как показал проведенный нами эксперимент, такая макрогруппа, как пенсионеры имеет собственный взгляд на концепт «образование». Существует и национальная концептосфера, на формирование которой влияют реалии, существующие в системе образования одной страны и отсутствующие в другой.

В качестве одного из основных постулатов лингвокультурологии можно рассматривать тезис о том, что всякое освещение языка с позиции культуры есть сопоставительное изучение этого языка в сравнении с иностранным или родным. Это позволяет установить как структурные и функциональные особенности языков, так и национальное своеобразие народов и их культур, поскольку именно при сопоставлении проявляется специфика так называемой лингвокультуры как особого типа взаимосвязи языка и культуры. В своем исследовании мы проводим сравнительный анализ концептов «образование» и «education» в российской и англоязычной лингвокультурах.

Одним из основополагающих концептов, наполняющих концептосферу «образование (education)» является концепт «образованный человек \ educated».

Будучи оценочным образованием, концепт «образованный человек» допускает противопоставление образованного и необразованного. Однако данный концепт можно отнести к тем, которые в своих противопоставлениях допускают не двухчастную, а трехчастную структуру. Ср.: «необразованный человек» – человек, не имеющий дипломов и аттестатов, но, тем не менее, не отличающийся глупостью; «необразованный человек» – человек, не проявляющий наличия каких-либо умственных способностей; «необразованный человек» – человек, не являющийся компетентным в той или иной области. Таким образом, антонимичными по отношению к понятию «образованный человек», являются единицы «неграмотный», «глупый» и «некомпетентный», что было выявлено нами экспериментальным путем. Социологический опрос, в ходе которого респондентам предлагалось подобрать антонимы к понятию «образованный человек», выявил дополнительные варианты: *тупой, бестолочь, неопытный, бездарь*. Анализ слов, обозначающих понятие «необразованный» в русском языке дает возможность констатировать, что большинство этих слов стилистически маркированы – разговорные или просторечные. Констатация факта «необразованности» в значении «недостатка умственных способностей» чаще всего допускается в кругу хорошо знакомых между собой людей.

Проанализировав английский концепт «educated», мы выявили наличие антонимии. Зафиксированы следующие антонимичные понятия: *ill-litared, ill-bread, ignorant, unitelligent, negligent*, а так же такие элементы неформальной лексики как *dunce (об ученике), muddle-headed person; a lot of blockheads*. Отличительной особенностью представления данного концепта в сознании англоязычных респондентов является упоминание относительно малого количества стилистически сниженной лексики. Тем не менее, в английском языке в силу более широкого семантического наполнения исходного концепта «education» имеется большее количество синонимов.

Концепт «educated» в английском языке имеет следующие синонимы – high-brow (разг.) – 1. 1) человек, претендующий на интеллектуальность, утонченность; 2) далекий от жизни ученый, интеллигент; 2. высокомерный; enlightened – просвещенный; хорошо информированный; свободный от предрассудков и суеверий; clever; learned; smart; intelligent; well-read; educable.

В качестве мостика между звеньями данной оппозиции могут выступать когнитивные эмоции – любознательность, интерес, и др., определяемые как стремление к получению знаний (*curiosity, desire for knowledge, interest, inquiring mind*). Данные когнитивные эмоции стимулируют действия по приобретению знаний (*study, questioning, ask...*). Суть этих действий заключается в изучении, исследовании, формулировании и постановке вопросов с целью приобретения новых знаний.

Основополагающими для концептосферы «образование»/ «education» являются концепты «учитель» и «ученик»/ «teacher» и «student» .

Teacher – используется как общий термин, применительно к любому лицу, которое учит, как в школе, колледже, университете, так и другом учебном заведении. Когда о человеке говорят «*He is a teacher*» – это означает, что он занимается обучением. Но на практике чаще всего уточняется: *a school teacher, a university teacher* и т.д. Также термин «teacher» используется в общем смысле с такими прилагательными как *good, poor, bad, excellent, experienced*, когда имеется в виду способность передавать знания. **Master / mistress** – во многих выражениях эти слова заменили термин *teacher*, когда

имеется ввиду учитель конкретного предмета. **University teacher** – официальное название человека, преподающего в университете. Тем не менее, люди не знакомые с образовательной терминологией могут называть его lecturer, т.к. teacher у многих ассоциируется именно со школой. **Lecturer** (лектор) – это подтип преподавателя университета, который не только читает лекции, но и проводит семинары и консультации. **Teaching assistant** – это не постоянный член преподавательского состава, а приезжий иностранный преподаватель на кафедре (факультете) современных языков, который приезжает на 1 год для проведения уроков разговорного языка. **Don** – обозначает любого преподавателя, входящего в преподавательский состав. Часто используется журналистами в качестве синонима university teacher из-за своей краткости. **Tutor** – преподаватель, наставник, руководитель группы в университете (Оксфорд), который дает индивидуальные консультации студентам. **Supervisor** – имеет тоже значение, что и tutor, но в Кембриджском университете.

Student – традиционно в британском языке слово student применялось относительно к лицам, обучающимся в университете или колледже. Однако в настоящее время, наблюдается тенденция использования данного слова применительно к лицам, обучающимся в любом учебном заведении, включая школу. Эта тенденция пришла из американского языка. И хотя пока оно относится к ученикам средней школы, но иногда употребляется относительно учеников начальной школы. Слово «student» в английском языке является более широким по семантике, чем в русском. В английском оно может употребляться относительно любого лица, которое что-либо изучает, независимо от возраста, квалификации и уровня образования. Хотя в русской системе образования тоже имеется тенденция применения термина «студент» к ученикам училищ и лицеев. **Schoolchildren / boy / girl** – соответствует русскому «школьник», т.е. используется для выделения этой группы, как отличной от студентов, рабочих и т.д. **Pupil** – соответствует русскому «ученик». Но очень редко используется даже в формальной обстановке. Вместо него чаще используется child, boy / girl. Однако сами ученики не любят обращения “children”, поэтому часто учителя обращаются к ним

«people».

Многие концепты, составляющие российскую концептосферу «образование», являются заимствованными ментальными сущностями. Причины этих заимствований, на наш взгляд, обусловлены процессами глобализации, происходящими в системе образования, и стремлением России, вошедшей в Болонское соглашение, приблизиться к мировым стандартам образования.

Одним из таких заимствований из британской системы образования является концепт «стрим» – деление детей на потоки или группы на ранних этапах средней школы. Это деление активно использовалось в XIX веке, а в середине XX века британский парламент принял закон, не рекомендуемый делить детей на потоки в зависимости от уровня их умственного развития. Так в Британии появились общеобразовательные школы, которые считаются гордостью демократической системы образования. Однако существующая в стране децентрализация позволила некоторым школам и даже отдельным графствам сохранить эту практику.

Поскольку в Советском Союзе в школах обучались вместе дети с разными способностями, некоторые российские учителя с большим энтузиазмом отнеслись к идее «стримов». Но, как отмечает К. Хьюитт, в самой Британии, родине этой идеи, деление на потоки считается несправедливым по отношению к детям, которые лишены возможности прогресса в обучении, поскольку с раннего детства на них лежит клеймо неспособных. Однако в России появляется все больше школ для одаренных детей. Таким образом, в качестве инноваций мы заимствуем то, от чего Британия, имея немалый опыт, уже практически отказалась. Хотя в российской системе образования имеются и свои традиции, такие как дифференциальный подход в обучении, индивидуальные занятия и т.д. Итак, концепт «стрим» («stream») будучи импортированным является квази-концептом для русской лингвокультуры.

Импортированным является и концепт, названный в Российской системе образования «единым государственным экзаменом».

Чтобы каким-то образом сдержать те темпы развития неформального обучения, которые наблюдаются в настоя-

щий момент в Британии, британское правительство ввело общенациональное тестирование базовых знаний учащихся. Учителя, тем не менее, считают, что такое механическое тестирование не является показателем реального понимания предмета учащимся. Единые государственные экзамены остаются камнем преткновения в российской системе образования. И британские, и российские педагоги считают, что подобное общенациональное тестирование исключает элемент творчества, проверку умения неординарно мыслить, а ведь именно этого педагоги добиваются от своих учеников на протяжении всего периода обучения.

Импорт концептов затрагивает различные уровни системы образования. Так в соответствии с подписанным Россией Болонским соглашением возникла проблема с таким концептом, как «ученая степень». Несмотря на всю основательность подготовки российских кандидатов и докторов наук, российские ученые степени не сопоставимы с учеными степенями, существующими в международной системе образования. В большинстве стран они не признаются, что влечет за собой необходимость переаттестации, если кандидат или доктор наук планирует работать за рубежом.

В иностранных словарях отсутствуют словарные статьи российских ученых званий «кандидат наук» и «доктор наук», что создает препятствия для публичного заявления российского ученого о себе. Прямой перевод термина «доктор наук» с русского языка, напр., на английский язык как «Doctor of Science» юридически ведет к понижению статуса российского ученого, поскольку степень «Doctor of Science» не относится к разряду ученых степеней, принятых в мировой образовательной системе. До решения вопросов о взаимной нострификации (приравнивания) ученых степеней при переводе на иностранные языки терминов «кандидат наук» и «доктор наук» Европейский Центр при ЮНЕСКО по вопросам высшего образования рекомендует использовать соответствующие обозначения: «Kandidat Nauk» и «Doctor Nauk». Однако в 1999 году появилась концепция образования для подготовки высококвалифицированных специалистов, получившая название «Глобальная Система Образования» (ГСО). Двухуровневая подготовка высших научных кадров в концепции

ГСО (*докторский уровень и гранд докторский уровень*) наиболее полно соответствует системе аттестации, принятой в России. В рамках концепции ГСО предложена следующая схема нострификации: кандидат наук – Доктор Философии (PhD), доктор наук – Гранд доктор Философии (Grand PhD).

Таким образом, процесс импорта концептов, наполняющих концептосферу «образование», из англоязычной ментальной среды в российскую продолжается, и зачастую мы внедряем те или иные концепты, не принимая во внимание специфику самой российской системы образования и тем самым ломая уже сложившиеся концепты.

Рассматривая концептосферу «образование / (education)», нельзя оставить без внимания такой способ репрезентации концептов, как школьный и студенческий сленг. В школе, особенно в старших классах, сленговые единицы, как правило, употребляются на каждом шагу. Выпускники средних школ, попадая в университеты, в процессе коммуникации стараются приобщиться к студенческому языку, чтобы не отличаться от своих товарищей по совместной учебной деятельности.

Считается, что активно развиваться и пополняться студенческий сленг Великобритании и Америки начал в середине XIX века. Однако, можно предположить, что студенческий сленг существовал с первых дней средневековых университетов. Возможно, самым первым подобным словом было слово *lupi* (лат. «волки»); так называли «шпионов», докладывающих руководству о студентах, которые вместо латинского говорили на родном языке.

Изучение студенческого сленга позволило нам выделить приоритеты современных студентов и старших школьников Великобритании и Америки. Такие предметы первой необходимости, как еда (перекусить – *grazing*; празднование – *caning*) и одежда (брюки – *kegs*; непривлекательное нижнее белье – *shreddies*) находятся лишь на 12 и 13 месте соответственно из 15 выявленных нами категорий. На втором месте после алкоголя и наркотиков идут термины, связанные с высказыванием одобрения. Следующие по значимости слова, связанные с любовными отношениями, сексом и соответствующими частями тела. Такие фразы, как «*on the sniff*», «*out*

trouting», «chirpsing» и «sharking» обозначают процесс охоты за партнером или флирт, в то время как слова «lumbering» и «copping off» означают, что процесс знакомства достиг своей цели.

Трудность изучения студенческого сленга заключается в его быстрой обновляемости. До того как слово успеет зафиксироваться в словаре, оно может частично изменить значение, утратить актуальность или выйти из употребления.

По результатам исследования, проведенного в Кингс Колледже, можно сделать вывод о равнодушии к самому процессу учебы (практически нет сленга, связанного с книгами, лекциями или библиотеками) и ярко выраженной преданности гедонистическим вещам. По мнению британских и американских ученых, самым «долгоживущим» словом является *cool*, а наиболее сложными для понимания и имеющими преимущественно негативные значения в сленге студентов и молодежи вообще являются слова *dog* и *trip*. Более связанным с учебой является школьный сленг, в нем наблюдается гораздо меньше слов с негативно окрашенной семантикой и больше слов, связанных с учебной деятельностью.

С лингвистической точки зрения в студенческом сленге нет ничего нестандартного или не соответствующего языковой норме. В сленге используются те же приемы, что и в поэзии – метафора, метонимия, рифма, аллитерация и другие. Зачастую сленг пополняется за счет лексики, заимствованной из других профессиональных групп. К сожалению, очень много слов, вошедших в студенческий сленг из лексикона наркоманов, что в свою очередь отчасти свидетельствует о том, что именно этот слой населения является для определенной части студентов поведенческим ориентиром. Помимо этого около 30% слов в студенческом сленге составляет табуизированная лексика, относящаяся к сексу. Еще большая группа слов связана с употреблением алкоголя и вечеринок. Лексика, связанная с учебным процессом, составляет в студенческом сленге лишь 2-3%, тем не менее, это очень разнообразная по этимологии и структуре группа слов. Даже в такой относительно маленькой группе можно выделить жаргонные слова, разговорную и коннотативную лексику. Напр.: *beag* – *школьный учитель*; *aggie* – *жарг. «аграрий»*

(пренебрежительное прозвище студентов сельскохозяйственных институтов, синоним глупости и нерасторопности); underclassman (underclasswoman) – разг. «мелюзга» (пренебрежительное выражение, употребляемое студентами старшего курса колледжа или учениками выпускного класса средней школы по отношению к первокурсникам (ученикам 9-го класса) и второкурсникам (ученикам 10-го класса); college widow – разг. «студенческая вдовушка» (жительница университетского городка, вступающая в связь со студентами нескольких поколений.)

Особое влияние на пополнение студенческого сленга Америки оказали события 11 сентября 2001 года, когда в результате теракта погибло огромное количество людей. Эти события повлияли не только на сознание людей во всем мире, но и принесли новые слова и выражения в лексикон американских школьников и студентов. В своей статье журналистка газеты Washington Post Emily Wax приводит примеры выражений, которые дополнили студенческий сленг. Так, напр., об одетых не по моде одноклассниках говорят «Is that a burqa?» («Это что за паранджа?»). После «взбучки» полученной от учителя можно услышать: «It was total jihad», и про самого учителя скажут «he's "such a terrorist"». Про затерявшегося где-то одноклассника могут сказать: "He's as hard to find as bin Laden». Изменилось и само обращение учеников и студентов друг с другом. Когда у палестинского мальчика, обучающегося в одной из американских школ, спросили, не обижается ли он когда его называют «terrorist» или «fundamentalist», он ответил: «Sept. 11 has been such a stressful thing that it's okay to joke a little bit. It's funny. It's not hurtful in the way we say it, 'cause we are kidding around with each other». Несмотря на давность событий 11 сентября, тенденция к уходу от подобной лексики практически не наблюдается. Тем не менее, увеличивается количество новых сленговых выражений, связанных как с учебной деятельностью, так и с повседневной жизнью студентов и рост интереса к изучению этой сферы языка прямо пропорционален росту сленговых единиц его составляющих.

Британский студенческий сленг находит отражение и в Интернет-общении. Эксперты британского министерства об-

разования считают, что литературная грамотность сильно страдает в последнее время, в связи с частым использованием школьниками разнообразных сокращений, «интернет-сленга», принятого в сетевых переписках. Британская газета Daily Telegraph пишет о 13-летней девочке, которая считает, что язык сокращений «проще, чем стандартный английский язык». Сочинение, которое написала девочка, повергло в шок ее преподавателя. «Я не могла поверить в то, что я вижу», – говорит учительница по английскому языку, – «Страница была исписана иероглифами, некоторые слова я просто не могла перевести». Сочинение начинается фразой: «My smmr hols wr CWOT. B4, we usd 2go2 NY 2C my bro, his GF & thr 3 : – kds FTF. ILNY, it's a gr8 plc», что «переводится» как: «My summer holidays were a complete waste of time. Before, we used to go to New York to see my brother, his girlfriend and their three screaming kids face to face. I love New York, it's a great place». Синтия Маквей, доктор психологии из Университета в Глазго, говорит, что текстовые сокращения – это важная особенность молодого поколения: «Они не пишут писем, поэтому написание сочинений необычно и тяжело для них. Они переключаются на то, что им удобно – на текстовые сокращения, которые привлекают их своей простотой».

Что касается русской лингвокультуры и российского сленга школьной и студенческой среды, то, как показывают исследования, российские школьники и студенты практически не отличаются от своих англоязычных сверстников, т.е. они награждают сленговыми выражениями те же предметы, объекты и действия.

Однако, сгруппировав собранный материал по тематическим группам, мы пришли к выводу, что в отличие от британского студенческого сленга, где ядро составляет табуизированная лексика, в русском студенческом сознании преобладают номинации, связанные непосредственно с обучением. Так, нами были выделены следующие тематические группы: 1) обозначения вузов, отдельных факультетов, специальностей: универ, пед; иняз, филфак, истфак, психи (психологи), немцы, англичане, французы (студенты лингвистического факультета); 2) названия учебных предметов и дисциплин: античка (античная литература), физра (физкультура), вышка

(высшая математика), зарубежка/заруба (зарубежная литература), инглиш (английский язык), френч (французский язык), дойч (немецкий язык); 3) обозначения преподавателей и некоторых категорий обучаемых: препод (общее название преподавателей), физрук, амперметр (учитель физики), абитура (абитуриенты), ботаник (отличник); 4) предметные составляющие студенческой жизни: зачетка (зачетная книжка), студик/студак (студенческий билет), степа /степуха (стипендия); 5) значение временных отрезков и элементов расписания: пара, окно; академ (академический отпуск); брейк (перемена); 6) обозначения помещений и другие пространственные обозначения: общага (общежитие), лингафон (лингафонный кабинет); «камчатка» (последние парты в классе, за которыми обычно сидят плохие ученики), публичка («публичная библиотека»), «крупа» (библиотека им. Крупской); 7) названия, связанные с экзаменами: хвост (несданный экзамен или зачет), неуд, автомат (зачет или экзамен «автоматом»), энка (пропуск, зафиксированный преподавателем), бэшка (пропуск по болезни), шпора (шпаргалка).

Довольно большую группу составляют различные экспрессивные обозначения: по-любому («наверняка»), клево, круто, классно, зашибись; облом, фигня, с бодуна («с похмелья»); бухать («пить»), хавать («есть»), тормозить («медленно соображать»), въезжать («понимать»). Данные наименования хотя и не относятся непосредственно к процессу обучения, но тем не менее составляют важную основу студенческого и отчасти школьного сленга, сближая эти разновидности сленга с молодежным сленгом в целом.

Кстати, как и в случае с британским школьным и студенческим сленгом после событий 11 сентября 2001 года, в сленге российских учащихся наблюдается появление связанной с ними лексики, но в отличие от западных аналогов она является значительно безобиднее. Так, напр., «бен ладеном» называют не учителя-тирана, а всего лишь учителя с бородой.

Повлияла на пополнение российского студенческого сленга и российская эстрада, напр., злобную, придирчивую учительницу называют «Веркой Сердючкой».

Также можно выделить и слова-«перевертыши», напр.,

«спиногрыз» – в речи учеников это «учитель», а в речи учителей – «ученик».

В целом, проанализировав студенческий и школьный сленг России и Британии, можно сделать следующие выводы. Студенческий сленг активен. С течением времени уходят одни образования, им на замену приходят новые. Очень высок процент обновляемости лексики, и зачастую до того, как слово успевает быть зафиксированным в словаре, оно либо меняет свое значение, либо выходит из употребления. В студенческом жаргоне много наименований действий и состояний, т.к. жизнь студента очень активна, он переходит от одного вида деятельности к другому. Сленг является одним из способов самореализации, а концептосфера «образование», в состав которой и входят эти разновидности сленга, будет продолжать расширяться, становясь все более уникальной в двух таких разных лингвокультурах, как российская и англоязычная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Карасик В.И. Концепт как категория лингвокультурологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 1 (01). – 2002.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.

Karen Hewitt “Understanding Britain” Oxford University press, 1996.

© Алымова Е.В., 2007

Будаев Э.В.

Нижний Тагил

СТАНОВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ

Три десятилетия назад в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук оказались когнитивные структуры и механизмы оперирования этими структурами. Впоследствии этот процесс получил название когнитивной революции (cognitive revolution), когнитивного поворота (cognitnve turn), приведшего к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии), которая ставит своей целью исследовать как процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира [Болдырев 2001: 8], так и системы репре-

зентации и хранения знаний [Кубрякова 1994: 34]. Когнитивная лингвистика – направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков 1995: 304] и когниция «в ее языковом отражении» [Рудикова 2002: 10].

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как *(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*. Мы взяли в скобки слово *основную*, потому что, как будет показано ниже, не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус именно **основной** операции.

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект).

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д.Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи (работы многих из них представлены в сборнике «Теория метафоры» [1990]). В 1967 году М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры [Osborn 1967]. В разработанной им же теории архетипичных метафор просматриваются истоки современной теории «телесного разума». Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры, как способ описания системности политических метафор у Д. Джемисон [Jamieson 1980],

Отечественному читателю малоизвестны работы американского ученого Дж. Джейнса. Занимаясь проблемой генезиса и эволюции человеческого сознания, Дж. Джейнс предложил оригинальную гипотезу об исторической динамике

функциональной асимметрии человеческого мозга, отраженной в письменных источниках различных исторических эпох. В 1976 году исследователь выпустил книгу «The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind», в которой отдельная глава была посвящена метафорам, что отражает ту роль, которую ученый отводил метафоре в формировании когнитивной системы человека [Jaynes 1976]. Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал, что, метафора – это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания. Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [1976: 50], но большинство людей не осознает метафоричности многих слов – «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [1976: 51]. По Дж. Джейнсу, понять – это значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного.

Все рассмотренные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж.Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в

языке» [Lakoff 1993: 203].

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур-«схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis) [Lakoff 1990, Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Напр., концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают

стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем, можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники—как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф 2004: 26-27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры, разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS MACHINE) или с помощью персонификации (*Inflation is eating up our profits*), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Многообразии современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, охватывающими практически большинство сфер человеческой деятельности.

Сфера применения эвристик этой теории постоянно расширяется за счет включения в научные изыскания материалов все большего количества языков: примером могут служить публикации, посвященные арабским или китайским метафорам. Еще одно направление развития названной теории – это обращение к метафорическому потенциалу невербальных семиотических систем, т.е. исследование концептуальной метафоры в карикатуре, жестах и в визуальном ряде креолизованных текстов.

Пересматривается традиция ограничивать роль метафоры в философии и науке. Хотя когнитивная метафора обычно и противопоставляется традиционному пониманию феномена, возводимому к Аристотелю, исследователи все чаще отмечают, что именно Аристотель первым указал на познавательный потенциал метафоры. Философы последующих поколений не обратили должного внимания на указанную Аристотелем способность «метафоры проникать в сущность вещей» [Лакофф 2004: 213], а «представители естественных наук относились к метафоре пренебрежительно, как лежащему за пределами грамматики средству, характеризующему неряшливое мышление, а не как к законному теоретическому инструменту» [МакКормак 1990: 372]. На настоящий момент широкое распространение получили исследования когнитивного потенциала метафоры в получении научного знания. Влияние концептуальной метафоры на развитие научных идей исследовалось применительно к самой философии, а также биохимии, истории, математике, педагогике, политологии, психологии, генетике, экономике и многим другим научным направлениям.

Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств, как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это во многом объясняет повышенный

интерес современных исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации (А.Н. Баранов, Д. Берхо, Т.С. Вершинина, Р. Дирвен, П. Друлак, Р. Каган, Ю.Н. Караулов, А.А. Каслова, Х. Келли-Холмс, В. Кеннеди, И.М. Кобозева, В. Кристол, Дж. Лакофф, Дж. Лавтон, М. Луома-ахо, Дж. Люл, Дж. Милликен, С.Н. Муране, А. Мусолфф, В. О'Реган, Р. Пэрис, Е. Рефайе, Т. Рорер, А.Б. Ряпосова, О. Санта Ана, Н.А. Санцевич, Е. Семино, Т.Г. Скребцова, А.В. Степаненко, А.М. Стрельников, Дж. Торнборроу, Ю.Б. Феденева, И. Хеллстен, Р. Хюльсе, А. Ченки, П. Чилтон, Н.М. Чудакова, А.П. Чудинов, Й. Цинкен, О.А. Шаова, К. Шеффнер и др.). Подробный анализ современных исследований по концептуальной метафоре в политическом дискурсе представлен в [Будаев, Чудинов 2006].

Исследователей политической метафоры интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Напр., А.Н. Баранов с помощью метафорического анализа показал, что, несмотря на эксплицитное неодобрение взяточничества, политики и предприниматели используют преимущественно органистическую метафору и воспринимают взяточничество как естественное положение дел [Баранов 2004а]. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и соответственно анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем, прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

Смена научных представлений об онтологическом статусе метафоры и ее гносеологическом потенциале легли в основу философского уровня когнитивного подхода к метафоре, однако при решении вопросов о процедурах обработки знаний и механизме метафоризации, способах репрезента-

ции когнитивных структур и их системности мнения исследователей расходятся. На современном этапе можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры: классическая теория концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1993], теория концептуальной интеграции [Turner, Fauconnier 1995; 2000], теория первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996], когерентная модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002; Chung et al. 2003], коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchi 2003a, 2003b, 2004a, 2004b], дескрипторная теория метафоры [Баранов 2003; Баранов, Караулов 1991, 1994], теория метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003] и др.

Несмотря на разнообразие подходов, исследователи до сих пор продолжают развивать и дополнять отдельные положения теории концептуальной метафоры. Так, А. Мусолфф [Musolff 2004] отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной «эволюции» (conceptual evolution) метафор. Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Другими словами, метафора функционирует в политическом дискурсе, подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами. По существу, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих значительное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Отдельное внимание исследователей привлекает ос-

мысление и уточнение постулатов теории «телесного разума». Й. Цинкен [Zinken 2002; 2003], отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор важно учитывать культурный, исторический опыт. Выделив в отдельную группу интертекстуальные метафоры (intertextual metaphors), исследователь показал их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе. Напр., противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [Zinken 2002: 143], коммунистов в Польше в 1989 г. часто метафорически представляли *завоевателями-крестоносцами* [Zinken 2002: 221-223] и т.п. Такой подход перекликается с идеей финского лингвиста И. Хеллстен о необходимости различать общие структурные метафоры (general structural metaphors) и исторические метафоры (historical metaphors), при порождении которых исторические имена и события проецируются на современные политические ситуации [Hellsten 1997]. Сходную позицию занимает Р. Пэрис [Paris 2004], выделяя в отдельную группу исторические метафоры (historical metaphors).

Модифицированный вариант рассматриваемой концепции предложен Д. Ричи в коннективной теории метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b]. Принимая тезис о базовой опосредованности мышления телесным опытом, исследователь отмечает, что метафоры необходимо анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт участников коммуникации [Ritchie 2003b]. Интерпретация метафор напрямую связана с фондом общих знаний и убеждений (common ground) участников коммуникации, поэтому для исследователя важно учитывать этот аспект при рассмотрении интеракции сферы-источника и сферы-мишени. Каждая метафора интерпретируется в специфичном, уникальном коммуникативном контексте и индивидуальные интерпретации могут значительно варьироваться [Ritchie 2004a, 2004b]. Более сложный характер, по мнению исследователя, носят отноше-

ния между концептуальными доменами. Напр., «война» – это не обязательно первичный концепт при осмыслении спора. Существует сложный спектр интерпретаций спора (от простых дискуссий через соперничество до тотальной войны). Рассматривая такие метафоры как "defend," "position," "maneuver," or "strategy" невозможно априори определить, относится ли подразумеваемое к войне, соревнованию атлетов или игре в шахматы. Подобные метафоры отображают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не проекцию одного концепта на другой [Ritchi 2003a].

Подход к концептуальной метафоре в Люблинской этнолингвистической школе проанализирован в работе Й. Цинкена [Zinken 2004]. Автор обсуждает возможность разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка, и указывает на необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя реконструкции языковых картин мира, анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов, количественного анализа, широкого культурного контекста.

Подвергается пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции. Так, группа исследователей из Бирмингемского университета указывает на то, что при анализе междоменных корреляций (*inter-domain influences*) в концептуальной метафоре следует учитывать обратное влияние (*reverse influence*) сферы-цели на сферу-источник, которое наиболее очевидно проявляется в вопросах и командах [Barnden et al. 2004]. С. Коулсон отмечает, что возможны метафоры, в которых сфера-мишень служит основанием для обратного осмысления сферы-источника, иллюстрируя это положение на примере анализа метафорической номинации компьютерного вируса «Братья Менендес». Братья Менендес убили своих родителей, и по праву наследования им полагалось значительное состояние. На открытом судебном процессе они заявили, что долгое время подвергались насилию со стороны родителей, а убийство было самообороной (родители в момент убийства были безоружны, а оба брата были в возрасте старше 20 лет). Компьютерный

вирус «Братья Менендес», уничтожая файлы, оповещает пользователя о том, что он был жертвой физического и сексуального насилия со стороны уничтоженных файлов. С одной стороны вирус – мишень для метафорической проекции, с другой – содержит в себе инференции, оценочные интерпретации реального случая с братьями Менендес [Coulson 1996: 143-158].

Как отмечает А.Н. Баранов, не всегда концепты сферы-мишени более конкретны, чем концепты сферы-источника (напр., метафоры со сферами-источниками ЛИТЕРАТУРА, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, ИСТОРИЯ). В таких случаях следует говорить не о прояснении, а о переструктурировании сферы-мишени. Вместе с тем «в целом следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису об однонаправленности» [Баранов 2004б: 11].

Большой интерес теория концептуальной метафоры вызвала у исследователей психолингвистического направления. Основные сомнения у психолингвистов возникали по вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами и не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемые носителями языка. Интересный эксперимент по верификации предположения Дж. Лакоффа о «телесном разуме» и подсознательном характере базовых концептуальных метафор был проведен в Калифорнийском университете в Санта Круз Р.В. Гиббсом и Н.Л. Вилсон [Gibbs, Wilson 2002]. В ходе эксперимента было установлено корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. При этом корреляции не варьировались в зависимости от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков – бразильцы и американцы). В этой же публикации авторы рассматривают исследования, подтверждающие взаимовлияния между активацией отвечающих за моторику участков головного мозга и лингвистическими выражениями, связанными с телесным опытом взаимодействия с окружающим миром.

Альтернативный подход к анализу когнитивной мета-

форы, известный как теория концептуальной интеграции (теория блендинга), развивается с середины последнего десятилетия прошлого века (Дж. Барнден, С. ван Петтен, Т. Вил, Дж. Грэди, М. Тернер, С. Коулсон, Т. Оукли, Ж. Фоконье и др.). Следует, однако, подчеркнуть, что идею «смешения» концептов обозначил еще А. Ричардс, отмечая, что «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [Ричардс 1990: 46].

Основатели рассматриваемой теории М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, как эксплицировано в теории концептуальной метафоры, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории разрабатывался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье (анализ теории см. [Скребцова 2000: 137-146]) и теории концептуальной метафоры, отдельные положения которой подверглись пересмотру [Coulson 1996; Turner, Fauconnier 1995; 2000 и др.]. Прежде всего, М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space model). По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель представляет собой только частный случай более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов, для экспликации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (middle spaces). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space) или бленд (blend). Исходные пространства соотносятся со сферой-

источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух.

Ментальные пространства не тождественны концептуальным доменам. Ментальное пространство – это относительно небольшой «концептуальный пакет», который эксплицитно заимствует из концептуального домена только часть структуры и конструируется для понимания конкретной ситуации или действия [Turner, Fauconnier 1995: 184]. Применительно к метафорам исследователи нередко используют понятие «исходный домен» (input domain), что является научным термином-блендом, совмещающим идеи теории концептуальной метафоры и теории концептуальной интеграции.

Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы (роли, фреймы и схемы), присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. В бленде «сшиваются» детали исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зависит от исходных пространств и имеет собственные потенции к дальнейшему развитию. По метафорическому выражению исследователей бленд «живет своей собственной жизнью» [Turner, Fauconnier 2000: 137].

Такой подход можно продемонстрировать на примере некогда популярной в Вашингтоне политической метафоры: «Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг» [Turner, Fauconnier 2000: 133-134]. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющем пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузальную и событийную структуру из известного сценария «Клинтон» (Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение*). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности

первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника. Если метафорические инференции выводить только из ментального пространства-источника, то Клинтон должен потерять президентский пост. Полученные инференции не выводятся и из пространства-цели. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Эта «невозможная» структура не доступна из исходных пространств, она конструируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции.

Как показывает представленный обзор, когнитивный подход к анализу метафоры занимает ведущее положение в современной метафорологии, но очень многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными. Предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория получила широкое признание в мировой науке и нашла многостороннее применение в практических исследованиях, вместе с тем эта теория активно развивается и интерпретируется во многих научных школах и направлениях, получая новые импульсы к эволюции в рамках различных методологических установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // *Общественные науки и современность*. 2004а. № 2.

Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004б.

Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М., 2003.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Русская политическая метафора*. Материалы к словарю. М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Словарь русских политических метафор*. М., 1994.

Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии*. Тамбов, 2001.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. № 4.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004.

МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990.

Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2002.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2002.

Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н.Л. Сухачева. СПб, 2000.

Теория метафоры : Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003.

Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor // *Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference* / ed. Yuchau E. Hsiao. Cheng-Chi University, 2002.

Barnden J.A., Glasbey S.R., Lee M.G., Wallington A.M. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2004. Vol. 19. № 1.

Chung S., Ahrens K., Sung Y. “STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study in Mandarin Chinese, English and Spanish // *Proceedings of the 17th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC)*. Singapore, 2003c.

Coulson S. The Menendez Brothers Virus: Analogical Mapping in Blended Spaces // *Conceptual Structure, Discourse, and Language* / Ed. A. Goldberg. Palo Alto, 1996.

Drulak P. Metaphors and Creativity in International Politics. *Discourse Politics Identity* // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.

Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. Bodily action and metaphorical meaning // *Style*. 2002. Vol. 36 (3).

Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // *Conceptual structure, discourse and language* / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996.

Hellsten I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // *Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research* / ed. J. Koivisto, E. Lauk. Tartu, 1997.

Jamieson K.H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // *Quarterly Journal of Speech*. 1980. Vol. 66.

Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bi-cameral mind. Boston: Houghton Mifflin, 1976.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought*. / ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1 (1).

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm> – 1991.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.

Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53.

Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. № 3.

Ritchie D. “ARGUMENT IS WAR”- Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // *Metaphor and Symbol*. 2003a. Vol. 18. № 2.

Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // *Metaphor and Symbol*. 2003b. Vol. 18. № 1.

Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the

Conversation // Metaphor and Symbol. 2004a. Vol. 19. № 3.

Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // Metaphor and Symbol. 2004b. Vol. 19. № 4.

Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // Journal of Social Issues. 1993. Vol. 49.

Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (2).

Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. № 3.

Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.

Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // Discourse and Society. 2003. Vol. 14. № 4.

Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.

© Будаев Э.В., 2007

Волкова Н.И.

Сыктывкар

РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛЬНЫЙ В СФЕРЕ ПРОЗВИЩ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Человек понимается и объясняется разными науками и учеными по-разному; одни считают его центром Вселенной, а другие – представителем Микрокосма. Первая позиция позволяет «... обсуждать проблемы человека как составной части Макрокосмоса, астральный мир Космоса и мир человека. Мир человека не только в его биологической представленности как тело Природы, но и в его сопряженности с биопсихосоциальной природой, простирающейся в сферу мышления, сознания и языка» [Малинович 2006: 879]. Ещё М. Хайдеггер утверждал, что «сущность человека покоится в языке» [Хайдеггер 1993: 259].

Внешний и внутренний мир человека достаточно хорошо

представлен в сфере прозвищ Республики Коми. Эти дополнительные именованья позволяют концептуализировать биопсихосоциальные проявления человека и представлять их в языке вербально посредством слов и словосочетаний.

Социальная составляющая «является одним из основных категориальных признаков атрибуции человека» [Малинович 2006: 882], и поэтому она находит свою интерпретацию в антропонимиконе Республики Коми. Социальная сущность человека проявляется в его взаимодействии и отношениях с другими людьми, на что и обращают внимание как русские, так и коми номинаторы. Концептуальные признаки *упрямый, вредный, настырный* вербализуются в прозвищах следующим образом. **Названия признаков.** Коми БЕРТАН (Микололай) '*диал. упрямец Николай*' – такое именование принадлежит упрямому человеку из Усть-Куломского района. **Зооморфные (анималистские) признаки:** коми МЕЖ '*баран*' – это семейно-родовое прозвище закрепилось за семьей из Усть-Куломского района, члены которой обладают упрямым характером; СЮРА КӦЧ '*букв. рогатый заяц*' – так в Прилузье называют мужчину с вредным характером.

Недовольный, ворчливый человек номинируется **междометием** БУ-БУ – данный оним закрепился за мужчиной из Сыктывдинского района, который всегда чем-то недоволен и постоянно что-то бубнит себе под нос. **Название лица** (с учетом гендерного показателя) ДЕДУЛЯ² – под этим именем известен в Корткеросском районе неженатый мужчина лет сорока, который любит ворчать по любому поводу. **Зооморфные (орнитологические) признаки.** Коми ЧАВКАН¹ '*галка*' – данное именование принадлежит пожилому мужчине из с. Усть-Кулом, который каждый раз, если ему что-то не нравится, начинает ворчать себе под нос; ЧАВКАН² – так называют женщину, которая любит бубнить себе под нос, но то, о чем она думает, боится сказать людям.

Для именованья *ленивых, не любящих работать* людей номинаторы используют **названия лиц.** СТУДЕНТ – так называют в Ижемском районе мужчину, который не любит работать. Как известно, раньше студентов отправляли на сельхозработы, где многие из них трудились с ленцой, спустя рукава. **Названия признаков.** Коми СЮРА да ГӦНА '*рогатый*

да мохнатый – данное именование тетя придумала для своего племянника из Усинского района, который совершенно не был приспособлен к условиям сельской жизни. Это «тепличное растение» не хочет работать, но любит вкусно и хорошо поесть.

Концептуальный признак *драчливый* в прозвищах может передаваться **междометием** БАХ-МАХ – так называют молодого драчливого человека из Печорского района. С этой же целью используются **названия лиц**: БАШКОБОЙ – это дополнительное имя дано мужчине из Усть-Куломского района, обладающему способностью хорошо драться головой; НИНДЗЯ – такое прозвище получил молодой человек из Вуктыльского района, способный драться, как ниндзя; коми АТАМАН ‘атаман’ – это необычное именование принадлежит женщине из Усть-Куломского района, которая в детстве дралась даже с мальчиками и была среди них в роли своеобразного предводителя. Кроме того, субъекты номинации используют **зооморфные (орнитологические) характеристики**: ПЕТУХ¹ – данный оним закрепился за юношей из Корткеросского района, поскольку в детстве он любил драться; коми ВАРЫШ⁶ ‘*коршун, ястреб*’ – так сестра назвала девушку из Корткеросского района, которая умеет хорошо драться; СИЗЬ³ (Валя) ‘*дятел Валя*’ – это дополнительное имя принадлежит мужчине из Сыктывдинского района, удары которого во время драки напоминают стук дятла.

В обществе неодобрительно относятся к *хвастунам*, и поэтому такие люди оказываются в центре внимания номинаторов, которые используют в процессе имятворчества **название лица**. Коми КВАСТ (Петыр) ‘*диал. хвастун Петр*’ – так называют хвастливого мужчину из Усть-Куломского района. **Зооморфные признаки** представлены в коми прозвищах КÖНТАР ‘*тетёрка, самка тетерева*’ – это пожилой мужчина из Усть-Куломского района, который постоянно хвастается односельчанам, что он больше всех на селе ловит тетерок; РУЧ⁴ (Вань) ‘*лиса Ваня*’ – данное именование закрепилось за мужчиной после того, как он однажды хвастался, что убил на охоте лису, хотя этого на самом деле не было (номинаруемый тоже проживает в Усть-Куломском районе).

Для обозначения *трудолюбивых, работающих людей* но-

минаторы используют **зооморфные (энтомологические) признаки**. ПЧЕЛКА – под этим именем известна в Сосногорском районе светливая и много работающая женщина; коми МАЗІ¹ ‘пчела, шмель’ – данный оним закрепился в Усть-Вымском районе за выходцем из бедной семьи – худеньким, но энергичным и подвижным мужчиной, который все делал сам, но особенно хорошо он катал валенки. Это прозвище перешло и на всех его семерых детей. **Зооморфные (анималистские) признаки**. Коми ВУРД (Николай) ‘выдра Николай’ – так сосед назвал пожилого трудолюбивого мужчину из Усинского района, который с помощью мотыги выкопал канаву до реки, чтобы лодку можно было сплавлять по воде, а не тащить её по песку. Он же вырубил просеку до своего сенокосного угодья, чтобы из окна дома можно было видеть стога сена.

Чтобы номинировать *пьяниц*, участники имятворчества используют в качестве прозвищ **названия признаков**. Коми ГУДЫР¹ (Борис) ‘букв. мутный Борис’ – это дополнительное имя характеризует мужчину из Усть-Куломского района, который злоупотребляет алкоголем, от чего его глаза всегда мутные. В числе прочих номинаторы обращают внимание и на **зооморфные (анималистские) признаки**. Коми ОШ³ ‘медведь’ – так называют в Корткеросском районе пожилую женщину, которая, будучи часто пьяной, ходит по селу, шатаясь, как медведь, и напевая песни.

Такие характеристики человека социального, как *двуличность, скрытность, неискренность, льстивость*, интерпретируются и получают вербальное «подтверждение» благодаря репрезентации в прозвищах **зооморфных признаков (животных, рыб, пресмыкающихся)**. МЕДУЗА – это именование мелочного, «скользкого» молодого человека из Усть-Куломского района; коми КАНЬ¹ ‘кошка’ – так называют хитрую женщину из Усть-Куломского района, которая любит льстить людям. КЕЛЬЧИ (Елюк) ‘плотва, сорога Елена’ – это «визитная карточка» женщины из с. Троицко-Печорска, имеющей «скользкий» характер; ЛЁКГАГ (Анна) ‘ящерица Анна’ – такой оним закрепился за юркой, вредной и неискренней женщиной из Усть-Куломского района. **Названия признаков**. Коми ГУДЫР² ‘мутный’ – данное прозвище закрепилось за

двуличным пожилым мужчиной из Усть-Куломского района, который не отличается искренностью и хочет угодить и нашим, и вашим. **Артефакты.** Коми КИРПИЧ '*кирпич*' – этим дополнительным именем обладает мужчина средних лет из с. Усть-Кулом, т.к. он умеет скрывать от окружающих свои искренние чувства, и поэтому люди говорят, что у него лицо *кирпичом*.

Концептуальные признаки *экономный, скупой, жадный* передаются в русских и коми прозвищах следующим образом. **Этнонимы.** ЕВРЕЙ – так обычно называют практичных, экономных мужчин (прозвище встречается неоднократно). ЖИД – молодой человек из Троицко-Печорского района унаследовал это дополнительное имя от своего отца, которого окружающие считали жадным человеком; коми ЖЫД (ЖЫДОК) – прозвище жадного мужчины из Печорского района. **Флористические признаки.** РЕДИСКА – данный оним закрепился за скупой женщиной из Усть-Куломского района. **Названия лица.** КУПЕЦ – это богатый, но жадный мужчина из Усть-Цилемского района; КУРКУЛЬ – данный оним закрепился за очень жадным человеком из Усть-Куломского района. **Прецедентные имена.** ПЕТЛЮРА – прозвище дано хитрому и жадному человеку крупного телосложения, проживающему в Корткеросском районе; СКРУДЖ – так называют юношу из г. Ухты, потому что он любит деньги и экономно с ними обращается, как и герой американского мультфильма *Скрудж Магдак*. **Зооморфные (энтомологические) признаки.** ХРУЩ – это дополнительное имя носит скупой молодой человек из Усть-Вымского района, работающий частным предпринимателем (как известно, *хрущ* 'жук, причиняющий вред с.-х. растениям и деревьям' [МАС, т.4, с. 628]). **Зооморфные (анималистские) признаки.** Коми КӖИН⁴ '*волк*' – так называют в Усть-Куломском районе очень жадного мужчину. **Зооморфные (орнитологические) признаки.** Коми ВАРЫШ¹ '*ястреб, коршун*' – это прозвище принадлежит жадному мужчине из Корткеросского района. **Названия других признаков.** Коми ОМӖЛЬ (Анна) '*плохая, скверная Анна*' – данное именование закрепилось за скупой, жадной женщиной из Прилузья.

Концептуальные признаки *занимающийся воровством,*

склонный к воровству актуализируются в прозвищах РК следующим образом. **Зооморфные (анималистские) признаки.** КРЫСА² – так называют юношу из г. Сыктывкара, который занимается мелким воровством; МЫШЬ – это прозвище зафиксировано в Усть-Куломском районе; его придумала бабушка для своего шестилетнего внука, который без разрешения брал у неё конфеты (т.е. фактически крал их); коми КӖЧ² (Павла) ‘*заяц Павла*’ – такое дополнительное имя получила женщина из Усинского района во время Великой Отечественной войны после того, как украли из чужих капканов двух зайцев; РУЧ³ (Вась) ‘*лиса Вася*’ – прозвище дано мужчине, проживающему в Удорском районе, который однажды украли лису из чужого капкана. **Названия признаков.** ДЕНЬГОВ (Вась) ‘*денежный Вася*’ – данный оним закрепился за мужчиной из Усть-Куломского района после того, как он украли деньги, принадлежащие сельскому магазину. **Еда.** Коми НУР (Федь) ‘*пропитание Федя*’ – такое дополнительное именование получил в свое время молодой человек из Ижемского района, который воровал в совхозе комбикорм.

Соматическая лексика была использована номинатором в качестве прозвища *запасливого, обеспеченного человека*. Коми КӖРТ КЫНӖМ ‘*железный живот*’ – данное имя перешло мужчине из Сыктывдинского района от отца, у которого даже в голодные годы имелись запасы муки, и члены его семьи всегда были сыты.

В русских и коми прозвищах концептуализируются и вербализируются такие *интеллектуальные признаки* человека социального, как *информированный, мудрый, смысловый, умный*. **Артефакты.** АФИША – прозвище принадлежит молодому человеку из Троицко-Печорского района, который всегда знал самые свежие новости и любил информировать о них свое окружение. **Названия признаков.** МУДРЫЙ – это мужчина из Прилузья, знающий народные приметы, дающий людям полезные советы и умело занимающийся сельским хозяйством; коми СЮЗЬ ‘*сообразительный, смысловый*’ – так называют односельчане сообразительного, находчивого мужчину из с. Усть-Вымь. **Прецедентное имя.** ЛЕНИН⁶ – прозвище очень умного юноши из Усть-Вымского района. **Названия лиц.** БОТАНИК – такой оним обычно закрепляется за

школьниками, выделяющимися среди сверстников своим высоким интеллектом (встречается неоднократно). ПОЛИТИК – так в Прилузье называют умного и серьезного школьника; ПРОФИ – это «визитная карточка» старшеклассницы из Усть-Куломского района, которая считает себя самой умной среди своих сверстников. Коми ДЕПУТАТ ‘*делутат*’ – так называют в Усть-Куломском районе пожилую мудрую женщину, которая очень много знает и к которой односельчане обращаются с различными вопросами и просьбами. **Соматическая лексика.** Коми ЛЕНИН ЮР ‘голова Ленина’ – данное именование закрепилось за умным человеком из Усть-Куломского района.

Тугодумы и глупые люди с ограниченным интеллектом и недостаточным образованием концептуализируются и репрезентируются в прозвищах с помощью **прецедентного имени**. БАЛБЕС – это прозвище было дано глупому мужчине из Койгородского района в честь киногероя. Для именования подобных лиц используются также **названия признаков**: ОДНОКЛЕТОЧНЫЙ – так называют в Сысольском районе юношу-тугодума, обладающего низким интеллектом; коми ЙОЙ ‘*глупый, бестолковый // безумный, сумасшедший*’ – данный оним обычно закрепляется за бестолковыми или умственно отсталыми людьми и неоднократно встречается в сельских районах республики. ГРАМОТНЫЙ – так иронично называют в Усинском районе недостаточно образованного человека, считающего себя умным и любящего давать советы, которые в основном оказываются бесполезными. **Флористические признаки.** ДУБ – такое прозвище встречается часто как в городах, так и в сельской местности РК; оно фиксирует ограниченный интеллект его носителей и обычно закрепляется за представителями сильного пола, особенно за школьниками со слабым умственным развитием. **Артефакты.** ЧУГУН – прозвище молодого человека-тугодума из Усть-Куломского района, который выделяется среди сверстников своими замедленными психическими реакциями. **Звукотрагическое слово.** ХА-ХА – так называют среди сверстников глупую, но смешливую старшеклассницу из Удорского района.

Люди *уважаемые, известные, имеющие авторитет* в обществе и стремящиеся к нему также обращают на себя

внимание номинаторов. Носители подобных концептуальных признаков передаются в языке соответствующим образом. **Названия лица.** БОСС – прозвище школьника из Удорского района, имеющего авторитет среди сверстников; ЦАРЬ – так называют девушку из Удорского района, которая пользуется авторитетом у молодых людей; ПРОКУРОР – это дополнительное имя носит мужчина из Койгородского района, который любит находиться в центре внимания: он все обо всех знает и всех любит обсуждать и осуждать; СТАЛИН¹ – данный оним в советские времена принадлежал партийному работнику из Усть-Вымского района, умному, спокойному, стройному. Этот мужчина одевался примерно так же, как Сталин, и пользовался уважением среди местного населения; МИНИСТР – так зовут в Удорском районе руководителя ЖКХ, считающего себя чрезвычайно важной персоной. **Названия рельефа местности.** БУГОР – данное именование получил в Усть-Цилемском районе мужчина, являющийся бригадиром и воспринимающийся местным населением своего рода «шишкой на ровном месте». **Прецедентное имя.** ТЭТЧЕР – это дополнительное имя получила женщина, которая занимает пост главы администрации одного из сел Усть-Куломского района.

Концептуальные признаки человека социального *хитрый, изворотливый; плут, лаун* интерпретируются носителями языка в системе прозвищ РК следующим образом. **Прецедентное имя (зооним).** БАЗИЛЬ – это дополнительное имя носит хитрый и нагловатый молодой человек из Усть-Вымского района, характер и поведение которого соответствуют характеру и поведению кота Базилио из сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». **Зооморфные (анималистские) признаки.** Коми РУЧ² (Палаг) '*лиса Пелагея*' – это хитрая женщина из Прилузья. **Названия лица.** ПЛУТ (Васька) – данное прозвище закрепилось за молодым человеком из Вуктыльского района, который склонен к хитрости и шутовству; СВИСТУН – так называют в Ухтинском районе человека, который много врет и не выполняет своих обещаний. **Природное явление.** Коми ТУРӨБ (Саша) '*метель, вьюга Саша*' – это именование стало «визитной карточкой» пожилой женщины из Ижемского района,

которая любит приврать и умеет быстро разносить по деревне разные новости и сплетни. **Этноним.** Коми ЧИГАН² 'цыган' – такое прозвище закрепилось за хитрым, изворотливым в делах, как цыган, мужчиной из Усть-Куломского района.

Смелые, сильные люди представлены в антропонимиконе Республики Коми через **названия лица**. ШТУРМАН – это смелый молодой человек из Сысольского района, который никого и ничего не боится. Посредством онимизации **признака**: коми ВОЕННОЙ 'военный' – данное прозвище закрепилось за мужчиной из Усть-Куломского района, т.к. он с детства был смелым и обладал сильным, бесстрашным характером. Также через реализацию **зооморфных (анималистских) признаков**. Коми ОШ¹¹ (Степан) 'медведь Степан' – такое дополнительное именование получил молодой мужчина из Усть-Куломского района, который, будучи безоружным, однажды сумел побороть медведя, проявив смелость и недюжинную силу.

Концептуальные признаки человека социального *ехидный, с острым языком, язвительный* получают соответствующую интерпретацию в дополнительных именовании Республики Коми благодаря реализации **зооморфных (анималистских) признаков**. ЕХИДНА¹ – прозвище дано девушке из г. Сыктывкара, которая известна окружающим своим острым языком; ЕХИДНА² – этот оним закрепился за злой и вредной школьницей из Усть-Куломского района, шутки которой в адрес одноклассников обычно носят небезобидный характер. Эти признаки вербализуются в прозвищах в связи с актуализацией **флористических признаков**. РЕДЬКА (Сергей) – так называют в Прилузье вредного, ехидного мужчину. **Артефактов.** Коми БАГЫР 'багор' – данное именование принадлежит очень язвительной женщине из Усть-Куломского района, которая всегда старается кого-нибудь задеть за живое и норовит кого-нибудь обидеть; КАПКАН 'капкан' – это прозвище закрепилось за женщиной злой и язвительной, которая не только любит сплетничать, но и умеет каждого человека задеть за живое (а проживает она также в Усть-Куломском районе).

Чтобы зафиксировать такие концептуальные признаки

концепта человек, как *добрый, мягкий, нежный, покладистый, ласковый, добродушный, мякотелый, нерешительный*, субъекты номинации используют для их репрезентации в сфере русских и коми прозвищ РК **именования духовных созданий**. АНГЕЛ – это именование учительницы из Усть-Куломского района имеющей мягкий характер. **Зооморфные (анималистские) признаки**. Коми КАНЬ² ‘кот’ – так называют доброго мужчину из Усть-Куломского района, который имеет мягкий характер; КУКАНЬ ‘теленок’ – данный оним принадлежит членам одной семьи из Усть-Куломского района, которые отличаются мягким характером и добродушием. **Названия других признаков**. НЕЖНЫЙ – так зовут в Сысольском районе нежного, доброго, мягкого по натуре школьника; коми ЗАРНИ ‘золотой’ – это прозвище закрепилось за красивым пожилым мужчиной из Усть-Куломского района, обладающим золотым характером; НЕБЫД (Вась) ‘букв. *мягкий Вася*’ – данный оним принадлежит добродушному мужчине из с. Объячево.

Женщины несерьезные, легкого поведения вербально представлены в прозвищах через **именования лиц**. АНКА-ПАРТИЗАНКА – оним закрепился за энергичной женщиной легкого поведения из Удорского района. КОРОЛЕВА ВЫСТАВКИ – такое прозвище было дано девушке легкого поведения, проживающей в Прилузье; НЕФТЯНКИ – так жители Ижемского района называют девушек, которые «крутят романы» с мужчинами, работающими вахтовым методом на нефтяных промыслах под г. Усинском и приезжающими на отдых домой с большими деньгами, часть которых они тратят на этих девушек. **Ойконимы**. МАХАЧКАЛА – так в Усть-Куломском районе называют молодую женщину, которая тесно общается с лицами кавказкой внешности. **Названия признаков**. МИЛЕНЬКАЯ – прозвище женщины легкого поведения из Койгородского района.

Концептуальные признаки *назойливый, наглый, нахальный, любопытный, нудный, надоедливый, напористый* репрезентированы в прозвищах **явлениями природы**. Коми БУРАН ‘буран’ – это дополнительное именование принадлежит напористой женщине из Ижемского района, которая напролом идет к своей цели. **Названиями признаков**. БЕС-

СТЫЖИЙ – так односельчане называют наглого, нахального мужчину по фамилии *Бестужев*, проживающего в Сыктывдинском районе. **Названиями болезней.** ЧУМА – данный оним закрепился за наглой женщиной из Удорского района, которая делала покупки в магазине, не соблюдая очереди. **Артефактами.** КЛИПСА – это неодобрительное прозвище получила женщина из Усть-Куломского района, которая выделяется среди односельчан тем, что любит всем надоедать, приставая к людям с разными глупыми просьбами и вопросами, и предпочитает носить яркую одежду. **Зооморфными (орнитологическими) признаками.** Коми ДЗОДЗОГ ‘зусь’ – это «визитная карточка» любопытного мужчины из Усть-Куломского района, который любит совать нос не в свои дела; ЖЫДАЧ ‘зоол. чирок, чирок-свистунок (вид утки)’ – данный оним закрепился за невысоким, не в меру любопытным мужчиной; СИЗЬ¹ (Миколай) ‘дятел Николай’ – в Усть-Куломском районе под этим именем известен нудный мужчина, который любит всех донимать, «долбя» одно и то же. **Зооморфными (энтомологическими) признаками.** МУХА¹ – так называют в Сысольском районе назойливого юношу; коми ГУТ² (Иван) ‘муха Иван’ – это прозвище мужчины из Усть-Куломского района, специфической чертой которого является назойливость.

Другой концептуальный признак *способность оказываться в неловкой ситуации* нашел вербальное выражение через обозначение **холодильного устройства**. МОРОЗИЛЬНИК – это «визитная карточка» мужчины из Корткеросского района, который старается показаться интересным собеседником, но при этом он часто умудряется что-то «сморозить» и оказывается в неловкой ситуации.

Для характеристики *многодетных родителей* номинаторы использовали **зооморфные (анималистские и энтомологические) признаки**. Коми КӖЧ⁵ ‘заяц’ – это «визитная карточка» многодетной матери из Усть-Куломского района; МАЗІ⁵ ‘пчела, шмель’ – данное именование принадлежит мужчине, у которого была большая семья, напоминающая улей (район не известен).

Концептуальный признак *предприимчивый* реализуется через **название лица**. Коми КУПЕЧ¹ (Коля) ‘купец Коля’ – так в Усть-Куломском районе называют мужчину, который по-

строил для своей семьи большой двухэтажный дом.

Эгоистичные, жестокие люди в сфере дополнительных именовании представлены **прецедентными именами**. ГИТ-ЛЕР – такой оним достался самолюбивому, эгоистичному и жестокому мужчине из Прилузья; ФРИЦ – данное прозвище закрепилось за жестоким мальчиком из г. Сыктывкара, который любил мучать дворовых кошек. **Зооморфные (анималистские) признаки** также позволяют отразить эти качества человека. КАБАН³ – под этим прозвищем известен в Усть-Куломском районе жестокий человек, который отомстил троим мужчинам за нанесенную ему обиду, убив их по очереди.

Для выполнения концептуального признака *трусливый* в системе дополнительных именовании РК номинаторами были задействованы **названия лиц**. Коми БАБА (Сань) '*женщина Саня*' – данное прозвище закрепилось за трусливым мужчиной из Усинского района, который часто ведет себя подобно женщине, «как баба». Также принимались во внимание **зооморфные (анималистские) признаки**. Коми КӖЧ⁸ '*заяц*' – это дополнительное имя иногда используется в сельской местности для называния трусливых мужчин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь) /Отв.ред. Л.М. Безносикова. – Сыктывкар, 2000.

Малинович Ю.М. Семиосфера внутреннего мира человека: проблема семантики эгоцентрических категорий // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2006. – С. 879-885.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, ИРЯ; Под.ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи, выступления / Пер. с нем. – М., 1993.

ИСТОЧНИКИ ПРОЗВИЩ

Волкова Н.И. Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. – Сыктывкар, 2003.

Личная картотека прозвищ Республики Коми.

© Волкова Н.И., 2007

Ворошилова М.Б.

Екатеринбург, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ РОКЕРА: АССОЦИАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Настоящая статья открывает ряд работ, посвященных исследованию лингвокультурного типажа рокера. Лингвокультурный типаж – это «типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик 2005].

Лингвокультурное моделирование типажа рокера представляет несомненный научный интерес, так как:

1) образные и понятийные характеристики рокера в русской культуре часто представлены в упрощенном и искаженном виде, поэтому специальный и целостный анализ даст возможность увидеть реальную картину осмысления данного лингвокультурного типажа в собственной культуре;

2) этот типаж в течение длительного времени был идеологически маркирован, в современном российском сознании в новых социально-политических условиях претерпел определенные изменения, которые еще не осмыслены в лингвокультурном ключе;

3) ключевые характеристики данного типажа являются несомненными направляющими при создании имиджа рок-певца, рок-звезды;

4) а также анализируемый лингвокультурный типаж является некой основой формирования ориентиров поведения современного подростка, а значит, его осмысление может внести существенный вклад в понимание образа молодого поколения;

5) и конечно, актуальность настоящего исследования определяется и неизученностью данной проблемы в современной науке.

При анализе и моделировании лингвокультурного типажа мы используем опыт волгоградской научной школы и схему описания, предложенную Карасиком В.И. [Аксиологическая лингвистика 2005]. На настоящем этапе в центре нашего внимания оказались такие составляющие лингвокуль-

турного типажа, как:

1. Понятийные характеристики, построенные на дефинициях, описаниях и толкованиях. В качестве основного материала используются толкования данного понятия и словарные иллюстрации, представленные в современных словарях: настоящие дефиниции дают возможность исследователю выделить существенные характеристики в значении анализируемого слова.

2. Ассоциативные признаки рассматриваемого типажа в языковом сознании, т.е. перцептивно-образное представление, с указанием типичной внешности, одежды, каких-либо атрибутов, среды обитания, речи, ритуальных действий, сферы деятельности, досуг, круга общения, материальное положение, этикета, происхождение, возраста. Конечно, не все отмеченные параметры одинаково релевантны для всех лингвокультурных типажей, их выбор зависит от конкретных характеристик анализируемого материала.

3. Сопоставительная характеристика представленных параметров: сравнение понятийных и ассоциативных характеристик.

Как единица сознания лингвокультурный типаж не поддается непосредственному наблюдению, но находит свое выражение в различных средствах языковой и речевой презентации от отдельных лексем до совокупности текстов. Для наиболее полного его анализа необходимо привлекать самый различный материал: анкетирование, анализ топики (короткие сочинения на заданную тему) и дефиниций из различных словарей, материалы СМИ, кино, литературных произведений, Интернет-ресурсов, т.е. все возможные источники, несущие информацию об определенном лингвокультурном типаже. На настоящем первоначальном этапе исследования в качестве материала использовались дефиниции словарей и топики, выполненные студентов Уральского государственного педагогического университета.

Итак, охарактеризуем понятийную составляющую рассматриваемого явления, опираясь на дефиниции, представленные в современном толковом словаре. Необходимо отметить, что данный концепт в русском языковом сознании до сих пор находится на стадии формирования, потому толкова-

ние лексической единицы «рокер» пока отражено только в словаре иноязычных слов. Для целостного раскрытия понятийного содержания рассматриваемого лингвокультурного типажа необходимо было бы проанализировать как непосредственная дефиниция слова рокер, так и дефиниции связанных с ним однокоренных слов, прежде всего рок, рок-. Но в связи с отмеченной неформленностью данного концепта данное исследование пока произвести невозможно.

Также считаем необходимым отметить, что в русском языковом сознании понятие рокер может представлять два лишь условно связанных явления: рокер – музыкант и рокер – байкер. Мы, выбирая материал или задавая условия эксперимента в рамках настоящей работы, искусственно вычленим только одно (рокер – музыкант), что обусловлено целью и задачами нашего исследования.

Итак, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина (2005) приводятся следующие дефиниции:

Рокер¹ – Представитель группы молодежи, противопоставляющей себя обществу своеобразным поведением, которое выражается во внешнем виде (кожаные куртки, темные очки, особая стрижка и т.п.).

Рокер² – 1. Исполнитель музыкальных произведений в стиле рока. 2. Поклонник таких музыкальных произведений.

В результате анализа приведенных дефиниций были выделены следующие основные признаки в содержании рассматриваемого концепта:

1. представитель группы молодежи;
2. противопоставляющей себя обществу;
3. своеобразное поведение, которое выражается во внешнем виде (кожаные куртки, темные очки, особая стрижка и т.п.);
4. Исполнитель музыкальных произведений в стиле рока;
5. Поклонник таких музыкальных произведений.

Так как анализируемый концепт, как уже было отмечено выше, только формируется в русском языковом сознании, ни в одном из современных русских ассоциативных словарей не отражены необходимые для анализа данные. Поэтому для сбора материала в ходе исследования использовался прием

написания топиков на определенную тему, которые позволили выявить социальные стереотипы в сознании современных носителей русской лингвокультуры.

Топики были выполнены студентами Уральского государственного педагогического университета. Средний возраст исполнителей 18-20 лет, что соответствует возрастным характеристикам стереотипной адресной аудитории русского рока. Перед выполнением топика студентам было предложено отнести себя к одной из следующих групп:

- 1) рокер;
- 2) слушаю рок;
- 3) знаком;
- 4) случайный «прохожий».

В ходе анализа материала данная классификация была упрощена:

- 1) «рокеры и поклонники», где были объединены представители первых двух групп;
- 2) «стоящие в стороне» лишь отчасти знакомые с рок-культурой.

Оценки, предложенные в рамках данных групп, действительно имели существенные различия, более дробное же членение оказалось излишним.

В ходе анализа топиков были выявлены следующие поведенческие и образные характеристики, составляющие основу лингвокультурного типажа рокера:

- 1) внешность;
- 2) мировосприятие и характер;
- 3) атрибуты;
- 4) возраст;
- 5) поведение;
- 6) гендерная характеристика;
- 7) оценка и восприятие;
- 8) творчество;
- 9) материальное положение.

Наиболее частотной, отмеченной абсолютно всеми участниками эксперимента и, следовательно, актуальной характеристикой при формировании данного концепта в русском языковом сознании является – внешность. Среди важнейших черт внешности рокера, отмеченных 68% опрошенных, сту-

денты выделяют:

- 1) *длинные волосы, неформальные стрижки;*
- 2) *одежда темных тонов;*
- 3) *кожа черная;*
- 4) *куртка-косуха.*

Данные характеристики являются общими для обеих групп интервьюеров, а также полностью соответствуют понятийным признакам, указанным нами выше, что объясняется объективными социокультурными причинами: именно так предстали перед русским слушателем первые рок-звезды, именно их образ лег в основу лингвокультурного типажа рокера. Отметим, что данные атрибуты внешности не свойственны современным рокерам, не соответствуют образу современной рок-звезды, но иногда еще встречаются среди поклонников «рок-классики».

Важно, что для авторов первой группы («рокеры и поклонники») данные характеристики, как правило, являются диктальными (т.е. только характеризующими предмет, сообщаящими некие его основные черты, «естественные»), то для второй группы – модусными, т.к. представляют оценочное отношение к предмету, при этом данные оценочные характеристики, как правило, являются сугубо отрицательными: *с грязными волосами, он трясет грязными длинными волосами, грязная черная косуха, неопрятная темная кожаная одежда.* В данном контексте уместно будет также отметить, что в топиках второй группы описание внешности рокера нередко сводится к таким характеристикам, как: *урод вонючий, потный; волосатый и вонючий, в общем противный; он трясет волосами и от него воняет как от коня; немытые, вонючие люди; грязный, неопрятный человек.* Интересно, что чаще интервьюеры используют лексемы одной тематической группы (*немытые, вонючие, грязные...*), объединенные оценочными семами: ‘отвратительный’, ‘неприятный’, ‘безнравственный’, ‘аморальный’.

Реже, лишь в 29% топиков, при описании внешности рокера опрашиваемые отмечают наличие *крупных металлических цепей, клепок и заклепок, бляжек*, а также пирсинга (*проколы на лице, проколоты уши, брови, язык*). Низкая частотность данных характеристик объясняется их узкой распро-

страненностью, данные атрибуты характерны только для представителей тяжелого рока.

Описание мировосприятия и характера рокера практически полностью совпадает в работах обеих групп. Среди важнейших черт, обозначенных 99% опрошенных, можно отметить следующие:

- 1) *открытый, откровенный, честный, искренний;*
- 2) *разносторонний, с интеллектом выше среднего;*
- 3) *романтичный, с чувствительной душой;*
- 4) *отвязный, оторванный.*

Важно, что все указанные признаки являются модусными и положительными, что объясняется двумя основными причинами. Во-первых, данные характеристики актуализировало резкое противопоставление в современном мире рок- и поп-культуры. Рокер в отличие от поп-звезды поет «в живую», а значит, он честен; тексты русской рок-поэзии в отличие от поп-текстов отличаются элитарностью, а значит их автор умнее; личная жизнь рок-героя, как правило, скрыта, по крайней мере – она не является частью специального созданного сценического имиджа, а значит, он чувствительный романтик; и наконец – он не знает никаких рамок, он свободен, он естественен – а значит – он *«отвязный малый»*. Во-вторых, рок-герой – кумир подростков-романтиков, которые наделяют его лучшими качествами актуальными для них.

Также все опрашиваемые согласились с тем, что несомненным атрибутом рокера является *гитара*, и несмотря на активную борьбу современных рок-звезд за здоровый образ жизни (множественные концерты под девизом «против наркотиков») авторы топиков единогласно отметили, что не мыслят рокера без *сигареты*, нередко с *травкой*. Не менее важными оказались и гендерные характеристики их упомянули практически все (97%) опрашиваемые: рокер – это *мужчина* или *молодой человек*, несмотря на тот факт, что в последние годы на российской сцене каждый год появляются новые женские рок-коллективы (Ночные снайперы, Земфира и др.)

При характеристике возраста участники эксперимента вновь разошлись во мнениях: «рокеры и поклонники» обозначают возрастные рамки от *35 до 48 лет*; «стоящие в стороне» представляют рокера как *тупого, грязного и голод-*

ного подростка – что очевидно связано с актуальной проблемой определения рамок русской рок-культуры. Сами рокеры и их истинные поклонники нередко говорят о том, что настоящий «рок мертв», только «дедушки русского рока» – Ю. Шевчук, Б. Гребенщиков, К. Кинчев (именно ему в 2006 году было 48 лет) и т.д. могут называть себя настоящими рокерами, для людей же сторонних рок до сих пор воспринимается как культура молодежная, не выходящая за эти рамки.

Характеризуя материальное положение российского рокера, интервьюеры отмечали:

1) он *нищий, безденежный*,

2) *материальные ценности для него значения не имеют, поэтому он не гонится за какими-либо материальными благами, выгодами.*

Данная характеристика была основой имиджа пионеров-рокеров и в настоящее время активно поддерживается современными звездами, которые часто участвуют в «бесплатных», благотворительных мероприятиях, а на своих концертах нередко извиняются перед публикой за дорогие билеты, только на концерты рокера можно пройти бесплатно по его же приглашению, он же поможет найти место для «вписки» для иногородних поклонников.

Далее, описывая творчество рокера, 70% студентов не зависимо от группы отметили *тексты со смыслом (не пошлые тексты, глубокие тексты)*. Интересно, что все опрашиваемые девушки также отметили *хороший* или *сильный голос*. Данное дополнение особенно актуально в настоящее время, когда рокеры развязали открытую борьбу с представителями популярного музыкального направления за чистоту звука и за его естественность, против так называемой «фанеры».

Оценка рокера строго разделилась по группам: «рокеры и поклонники» представляют рок-героя как *неординарную* личность, незаурядная, выделяющаяся в толпе, а «стоящие в стороне» чаще использует синонимичную лексику, но обладающую отрицательной коннотацией, – *неадекватные*, несоответствующие неким требованиям, нормам. Данные оценки отчасти соотносятся с характеристикой, представленной в дефиниции словаря: но для участников эксперимента важно,

что рокер не противопоставлен обществу, он просто вне него, он не такой как все, он отличается от некоего «серого» среднего. А значит, мы можем говорить о том, что в настоящее время молодежь не воспринимает рок как контркультуру, закон противостояния, идеологической борьбы отвергнут.

В заключение данного этапа исследования подведем некоторые итоги. Во-первых, необходимо отметить, что ассоциативные характеристики анализируемого типажа в значительной мере не совпадают с признаками, выделенными в словарных дефинициях. Никто из опрашиваемых не отметили такие характеристики, как: противопоставление обществу, исполнитель музыкальных произведений в стиле рока, поклонник таких музыкальных произведений. Признак «представитель группы молодежи» в среде студентов оказался спорным, но все единогласно отметили своеобразное поведение рокера, которое выражается во внешнем виде (кожаные куртки, темные очки, особая стрижка и т.п.).

Во-вторых, студенты первой группы («рокеры и поклонники») чаще представляли дикие характеристики, в то время как авторы второй группы – модусные, оценочные и, как правило, сугубо отрицательные.

В-третьих, было отмечено, что признаки лингвокультурного типажа рокера в указанных группах складываются под влиянием различных источников информации. Для людей, «стоящих в стороне», таковым источником в первую очередь становятся СМИ. В то время как для «рокеров и поклонников» в центре внимания оказываются поведение и высказывания рок-звезд, их имидж.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. - Волгоград: Парадигма, 2005. - 310 с.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. №1. 2001. - с. 90-106.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. - М.: Изд-во Эксмо, 2005 - 944 с.

© Ворошилова М.Б., 2007

Григорьева Н.И.
Екатеринбург

**ЭРГОНИМ КАК ИСТОЧНИК
КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ**

(на материале названий российских рок-групп)

Обращение к эргонимам в сфере рок-культуры для исследования духовной культуры данной области человеческой деятельности вполне закономерно, поскольку этот пласт номинативных единиц кодирует информацию об одной из интереснейших и социально значимых субкультур (изученных лингвистически недостаточно), составляющих национальную картину мира.

Данная группа онимов, а именно названия музыкальных коллективов, оказывается текстообразующим элементом, поскольку название несет информацию о мире каждого из представителей рок-культурного пространства: его личности, мироощущении, творческой потенции, пристрастиях и неприятии различных объектов бытия.

Создание номинативных единиц является частью осознанной творческой деятельности людей. Исследуя наименование, его внутреннюю форму, мы имеем возможность увидеть факты познания мира представителей данной субкультуры.

В каждом эргониме в момент его возникновения закрепляется важный для человека признак, примета его миропонимания. Первичный смысл наименования может утратиться, забыться, и тогда открывается простор для домыслов, суждений, фантазии. Такую возможность и открывают нам наименования рок-групп, в которых при создании номинации нарочито закладывается двойная мотивация (например, название рок-группы «ЭВМ», где аббревиатура массовым адресатом может быть расшифрована как электронная вычислительная машина, на самом деле – «Эх, вашу мать!»).

В большинстве случаев названия имеют прозрачную

внутреннюю форму, но информация, представленная в названии разная по объему (она может быть выражена в одном слове, в словосочетании и предложении) и соответственно многозначна по содержанию (многокомпонентность ведет к большой доли субъективности при толковании номинации).

Эргонимы данной сферы можно разделить на несколько групп:

Названия, отражающие черты субъекта номинации.

Названия, отражающие свойства и признаки объектов окружающей среды.

Названия, смысл которых заключается в каком-либо интригующем действии.

Названия, возникшие по различного рода ассоциациям: историческим, социально-бытовым, фольклорно-этнографическим, литературным.

Названия, отражающие черты субъекта номинации или отсубъектные наименования самая частотная группа.

Это **антропонимы**, включающие имя, фамилию или прозвище одного из участников группы

«Маша и медведи» (имя Маша носит участница данной группы). Развернутое наименование также рождает аллюзию со сказкой «Три медведя».

«Егор и бомбометатели» (рок-группа образована Егором Никоновым).

«Линник трио» (в название легли фамилия Линник двух братьев и сестры и слово «трио», обозначающее «музыкальный ансамбль из трех исполнителей» [Лопатин 2006: 796]).

«Чиж и Ко» (Чиж – прозвище С. Чигракова).

«Шмели» (Шмель – прозвище одного из основателя группы).

«Чичерина», «Земфира» (использовано имя участницы Земфиры Рамазановой).

К этой группе могут быть отнесены двухсловные наименования, когда используется часть имени, фамилии в совокупности с каким-либо апеллятивом, или **аббревиация** и т.д.

«Эдисон БЭНД» образовано в результате соединения двух слов «Эдуард» и «сонг» (англ. – песня). Лидером данной группы является Эдуард Губайдуллин.

В названии рок-группы «СерьГа» прописная буква выделяет важные смысловые части, таким образом указывается лидер данной группы – Сергей Галанин.

В названии «Бригада С» используется начальная буква фамилии лидера группы Г. Сукачева (в энциклопедии «Русский рок» (2001) отмечается, что «первое время на лидерство в группе претендовали двое: и Г. Сукачев, и С. Галанин... название группы звучало некоторое время как «Бригада СГ»») [Русский рок 2001]).

Название может нести информацию о **внутреннем мире человека или его внешности**:

«Тупые» (тупые – (перен.) неразвитый, слабый (об уме); умственно ограниченные, соображающий с трудом, а также свидетельствующий об умственной ограниченности) [Лопатин 2006: 800].

«Пижоны» (слово «пижон» в словаре дается с пометой разг., неодобр. и обозначает человека, который «занят своей внешностью и одевается по самой последней моде, а также вообще тот, кто выставляет себя напоказ, склонен к шику) [Лопатин 2006: 494].

«Смысловые галлюцинации».

Важным оказывается номинировать **тело человека и его части**:

«Зубы», «Тела», «Живот».

Номинация может указывать на **родственные** или **дружественные** связи между людьми.

«Сыновья», «Старый приятель», «Дружки», «Младшие братья».

Название группы часто передает информацию о различных объединениях людей по роду занятий (профессия, увлечение) и т.д.

К данной группе можно отнести такие номинации, как «Бригада С», «Корпорация V», «Секта Kids», «Клуб унылых лиц», «Пилот», «Бригадиры» (бывший состав группы «Бригада С», «Союз любителей музыки рок», «Линник трио», «Оркестр А».

Номинации, указывающие на неопределенный субъект и его оппозицию к окружающему миру: «Не все», «Эти».

Названия, отражающие свойства и признаки объектов окружающей среды или отобъектные названия указывают, как правило, на реалии, окружающие номинатора. Это может быть место, где работает рок-группа или время, значимое для членов данного сообщества; какой-то элемент, являющийся одной из составляющей ее духовной или культурной жизни.

Географические объекты:

«Москва», «Москвичи» (обе группы были созданы в г. Москва)

«3 километр» (в г. Екатеринбург 3 километром называют УрГПУ, студентами которого и была образована группа)

«Квартал», «Город», «Кафе», «Улицы», «5'NIZZA».

Пища:

«Кофе», «Черный кофе», «Чайф».

«33» (использовано название алкогольного напитка, «... при первом прослушивании демо-альбома... все пили портвейн, и ... группа получила название «33» [Русский рок 2001]).

Болезнь:

«Сепсис», «Сплин».

Время:

«День», «Золотое время», «Сумерки», «Шесть дней», «Високосное лето».

Природа живая и неживая:

Названия, отражающие *мир растений и животных*, обычно метафоричны и могут прочитываться двояко – прямо и иносказательно.

«Грибы», «Джунгли», «Дубовая роща», «Чернослив», «Цветы», «Фрукты и овощи».

«Звери», «Зеленые муравьи», «Колибри» (женская группа), «Черные индюки», «Кедры-выдры».

Неживая природа:

«Галактика», «Озеро», «Планета Юпитер».

Продукты деятельности человека – материальные и нематериальные, абстрактные (часто термины, существующие в официальной сфере человеческой деятельности).

«Кирпичи», «Ария».

Названия, смысл которых заключается в каком-либо интригующем действии.

Действие передает окказиональную ситуацию, возможно и не повлиявшую на дальнейшую деятельность группы, но отраженную в названии.

«Прощай, черный понедельник», «Ногу свело», «Ландыши сдулись», «Куплю волосы», «Никогда не верь хиппи», «Съешь мои шорты», «Убьет!», «Два раза шакур», «Нужны деньги».

Названия, возникшие по различного рода ассоциациям: историческим, социально-бытовым, фольклорно-этнографическим, литературным.

Названия, несущие информацию о **художественных произведениях и литературных героях** встречаются чаще других наименований данной группы.

«Колыбель для кошки», «Повести Белкина», «Нате!», «Черный обелиск».

«Мумий Тролль», «Тяни-Толкай», «Ели Добсона» (аллюзия на роман Д. Линча «Твин Пикс»), «Электросудорожная терапия» (аллюзия на роман К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»), «Лунный Пьеро», «Герда», «Алиса».

Фольклорно-этнографические ассоциации:

«Чудо-юдо», «Маша и медведи», «Король и шут».

Исторические ассоциации:

Эргоним «Робин Бэд» отсылает нас к имени Робин Гуд (здесь слово «bad» (англ. «плохой») противопоставляется «good» (англ. «хороший») – возникает ирония на общепринятую норму).

«Дети Picasso».

Социально-бытовые ассоциации:

«Аквариум», «Кино».

Следует в заключение отметить, что данная классификация неполная и требует расширения и дополнения,

что создает перспективу рассмотрения данной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 928 с.

Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. перер. и доп. / Н. В. Подольская. – М., 1988.

Русский рок: малая энциклопедия. – Леонтао, Москва, 2001 // <http://metatism.narod.ru>

© Григорьева Н.И., 2007

Дзюба Е.В.

Екатеринбург

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ МОДЕЛИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Вопрос о создании универсальной модели филологического анализа текста волнует исследователей уже не одно десятилетие. Разные методики анализа художественного текста предлагали авторитетные исследователи: Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова, С.А. Васильев С.А., В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, В.П. Григорьев, Н.А. Купина, Ю.М. Лотман, В.А. Лукин, В.А. Пищальникова, Н.М. Шанский и др.

Настоящее исследование предлагает еще одну попытку представить универсальную модель анализа поэтического текста, которая предполагает следующие этапы работы:

I. Первичное читательское восприятие текста.

1. Определение общей тональности и эмоциональности текста.
2. Гипотетическое определение темы (о чем текст) и главной идеи (что хотел автор выразить данным стихотворением).

II. Анализ историко- и социо-культурного контекста произведения.

1. Анализ исторических и социальных условий (эпохи).
2. Указание на культурный контекст (учет направления, течения и т.п., в рамках которого создано произведение).
3. Описание биографических данных, которые, воз-

можно, повлияли на создание текста.

III. Анализ языковых единиц текста на разных уровнях.

1. Анализ графического рисунка текста (при отступлении от стандартной формы).

2. Анализ фонетического рисунка (аллитерация, ассонанс), указание на особенности ритмики и рифмы. Выявление закономерностей фонетической организации стихотворения (формулировка промежуточных выводов).

3. Анализ наиболее показательных явлений текста на уровне словообразования (повторение каких-либо словообразовательных элементов; напр., повторение приставки РАС-(РАЗ-) в стихотворении М. Цветаевой «Расстояние, версты, мили...»). Формулировка промежуточных выводов.

4. Анализ лексических средств (устаревшая лексика: историзмы и архаизмы, неологизмы и окказионализмы, стилистически окрашенная лексика (высокая / книжная, разговорная, просторечная, диалектная и т.п.), эмоционально-окрашенная, оценочная лексика, лексика с семантикой цвета (колористическая) и т.п.). Формулировка промежуточных выводов.

5. Анализ морфологических особенностей текста (наличие или отсутствие глагольной лексики, преобладание существительных / прилагательных (сравнительной степени прилагательных) / местоимений / числительных и т.п.). Формулировка промежуточных выводов.

6. Анализ синтаксических единиц (преобладание простых или сложных предложений / эллиптических / сравнительных и иных конструкций и т.п.). Формулировка промежуточных выводов.

IV. Анализ изобразительно-выразительных средств (аналитическое описание тропов и фигур). Определение функции данных средств. Формулировка промежуточных выводов.

V. Выявление композиционных особенностей текста.

VI. Определение особенностей хронотопа (место, время, условия действия).

VII. Формулировка авторской позиции (отношение к событиям, высказанным идеям, проблемам).

VIII. Подведение итогов.

1. Сопоставление промежуточных выводов на каждом уровне.

2. Подтверждение / опровержение выдвинутой ранее гипотезы о замысле произведения (главной идее).

В качестве иллюстрации анализа текста по данной модели можно предложить рассмотрение поэтической системы стихотворения Б.Л. Пастернака «Зима приближается».

Зима приближается

Зима приближается. Сызнова Обозы тяжелые двигая,
Какой-нибудь угол медвежий Раскинувши нив алфавиты,
По прихоти неба капризного Россия волшебною книгою
Исчезнет в грязи непроезжей. Как бы на середке открыта.

Домишки в озерах очутятся. И вдруг она пишется заново
Над ними закурятся трубы. Ближайшею первой метелью,
В холодных объятьях распу- Вся в росчерках полоза сан-
тицы ного
Сойдутся к огню жизнелюбы. И белая, как рукоделье.

Обитатели севера строгого, Октябрь серебристо-орехо-
Накрытые ночью, как крышей, вый,
На вас, захолустные логова, Блеск заморозков оловянный.
Написано: «Сим победиши». Осенние сумерки Чехова,
Чайковского и Левитана.

Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.

Октябрь 1943

На содержательно-фактуальном уровне стихотворение представляется простым и понятным: автор описывает приближение зимы в России, переход природы из одного состояния в другое: от осени – к зиме (ср. *зима приближается*). Однако если говорить об особом «устройстве» поэтического языка XX века, его особом символическом плане, эффекте «остранения», который присущ поэтическому языку XX столетия (В.Б. Шкловский) и т.п., то за единицами естественного языка можно увидеть глубокий ассоциативный потенциал. Очевидно, что любой поэт, «голос эпохи», не может оста-

ваться равнодушным к народным бедам, к трудностям, которые переносит его страна, вряд ли поэт может просто созерцать природные явления, когда народ оказывается в опасности. Вероятно, стихотворение Б.Пастернака имеет также некий «подтекстовый» уровень, уровень более глубокого осмысления действительности. Таким образом, в данном тексте за содержательно-фактуальным планом произведения необходимо увидеть содержательно-концептуальный (о разных уровнях смысла текста см. Гальперин И.Р., Бабенко Л.Г. и др.).

Стихотворение Б. Пастернака «Зима приближается» было создано в октябре 1943 года, в трудный для России период, во время Великой отечественной войны. Известно, что осенью 1943 года советские войска перешли в наступление на разных фронтах и начали теснить врага к границам СССР и Европы. Это был переломный момент в Великой отечественной войне, и, несомненно, в пользу русских войск.

Очевидно, что стихотворение строится на сопоставлении двух планов: исторического и природного, и это неслучайно. Возможно, автор зашифровал в метафорических образах смены времен года этот переломный момент в ходе истории.

Попробуем установить верность данного предположения с помощью более подробного изучения языкового материала стихотворения.

Тема переходности времен года поддерживается в тексте перечислением то образов осени и ненастья (*капризное небо, грязь непроезжая, домишки в озерах очутятся*), то образов зимы (*север строгий, ближайшая метель, росчерки полоза санного, блеск заморозков оловянный*). Эти времена года: осень и зима – находятся в постоянном борении друг с другом, каждое из них пытается утвердить свои права. Такой взгляд на стихотворение очевиден при первом прочтении текста.

При детальном и последовательном анализе произведения выясняется, что указанная мысль о противоборстве (антитетичности, переходности, переломности) прослеживается на разных уровнях текста.

Рассмотрим фонетический рисунок стихотворения. Очевидные аллитерации первой строфы (повторение звуков *Р и*

Ж,З (*зима приближается, сизнова, грязи непроезжей, по прихоти, капризного*), которые в целом можно охарактеризовать как грубые и жесткие, создающие тревожное настроение) смягчаются в дальнейшем все чаще звучащими в тексте сонорными Л, М, Н (*люблю, далекие, листанней, прелесть, метелью, рукоделье* и др.). И постепенно тревожные интонации сменяются убаюкивающими, более спокойными, которые усиливаются ассонансами, повторением звуков А, О в конце стихотворения. И если во второй строфе ударный звук У ассоциативно связывался с гудением ветра в трубах (*очутятся, закурятся, трубы, распутицы, жизнелюбы*), что создавало у читателя некое тревожное настроение и вызывало ощущение неуютности, то в последних трех строфах интонация становится более мелодичной и спокойной.

Более ярко идея переломности, переходности отражается на уровне лексики. За счет эмоционально-окрашенных слов создаются совершенно противоположные настроения: настороженности (ср.: *капризный, непроезжий, холодный, строгий, захолустный, тяжелые, сумерки* и др.) – с одной стороны, и умиротворенности, какой-то свежести – с другой стороны (ср.: *задушевнее, прелесть, жизнелюбы, блеск*).

Слова с семантикой цвета (содержащейся прямо или косвенно в структуре лексического значения), вступающие в отношения антонимии, также подчеркивают это противостояние (ср.: *грязь, ночь, черный и метель, белый, полоз санный*). И это помогает автору привлечь внимание к идее перехода природы от некоего мрачного состояния к новому, чистому, свежему.

Эмоциональная напряженность создается также за счет противопоставления образов открытого и замкнутого пространства. Эти образы становятся знаками холода, неюта, необозримости внешнего мира (*далекие пристани, холодные объятья распутицы, угол медвежий,домишки в озерах очутятся*) – с одной стороны, и тепла, защищенности внутреннего пространства дома (*сойдутся к огню жизнелюбы, обители, логова*) – с другой стороны.

Так, автору с помощью разных средств: фонетических, лексических, изобразительно-выразительных – удается подчеркнуть в тексте идею переходности, какого-то противостоя-

ния, перелома.

Но действительно ли эта идея самоценна? Что становится причиной изменения мрачного настроения на более торжественное и жизнеутверждающее? Что помогло автору с «тяжелых обозов» свое внимание переключить на «блеск заморозков», «росчерки полоза санного»? Ответить на эти вопросы можно при прочтении второго – метафорического – плана стихотворения, т.е. анализа концептуально-содержательного уровня текста.

Тема драматизма в осмыслении бытия поддерживается в тексте гиперболами (*домишки в озерах очутятся*, т.е. будут затоплены проливными дождями; *угол медвежий исчезнет в грязи непроезжей*), эпитетами (*капризное небо, холодные объятия, север строгий, тяжелые обозы*). Если учесть, что стихотворение написано в 1943 году, можно провести параллель между этой мрачной картиной капризной, переменчивой осени и периодом самых трудных для России военных лет.

«Светлые» образы в стихотворении (*книга белая, как рукоделье; блеск заморозков*) ассоциируются с открытием новой страницы нашей истории – переломного этапа в Великой отечественной войне. Эта идея поддерживается центральным образом-символом, вполне традиционным для русской литературы, но столь важным – образом книги, «как будто на середке открытой». И если вначале автор лишь намекает на образ книги, которая чем «чернее и листанней», тем «задушевней» и прелестней, то в пятой строфе он четко дает понять, что эта книга – символ русской истории (ср.: *Россия волшебною книгою...*). Символично и то, что книга открыта «на середке» (событиями военных лет история России исчерпана не будет, у нашей страны есть будущее), и то, что «черная книга» будет писаться заново, т.е. начисто, на белом, «ближайшею первой метелью», она будет белой, «как рукоделье».

Метафорический образ книги открывает еще одну тему в данном стихотворении – тему творчества, письма, которая реализуется с помощью образа «нив алфавиты» и выражения, стилизованного под «Повесть временных лет»–«Сим победыши». Это подтверждает идею о непрерывности русской

истории, давней литературной традиции.

Немаловажную роль в тексте играют имена собственные. Чайковский, Чехов, Левитан – знаковые имена для русской культуры (музыки, литературы, живописи). Возникает вопрос: зачем Б. Пастернак включает в ткань текста важные культурологические образы русской истории, культуры, литературы (в том числе древнерусской). А также следующие вопросы: зачем поэт рисует образы национального быта (ср.: *сойдутся к огню жизнелюбы, закурятся трубы*), указывает на безграничность русских пространств (ср.: *захолустные логова, далекие пристани*), представляет образы именно провинциальной России с ее непроезжими, размытыми от дождей дорогами, утопающими в грязи и воде домишками, с ее бесконечными полями, далекими деревнями.

Вероятно, автор видит в русских традициях и обычаях, в русской культуре, истории, русской природе залог неиссякаемой жизненной силы, мощи русского национального духа. Неслучайно поэт называет простых людей, жителей русских деревень, жизнелюбами (а это 1943 год!). Становится понятным, почему автор рассказывает нам о начале зимы: он связывает это с наступлением нового периода в развитии русской истории (русские войска будут одерживать победу за победой начиная с осени 1943 года).

В этом смысле поэт указывает еще на одну случайную традицию: зима не раз помогала русскому человеку одержать верх над врагом (Александр Невский во время Ледового побоища победил благодаря непрочному льду, под который проваливались враги в тяжелых доспехах; армия Наполеона буквально была обречена на вымерзание и вынуждена была покинуть территорию нашего государства).

Автор подчеркивает, что сама русская природа, сама русская история и культура словно помогают людям выстоять в период самых тяжелых испытаний, помогают выжить в этой беспощадной войне, помогают сохранить любовь к жизни.

Интересна организация пространства в стихотворении Б. Пастернака. Автор использует необычный прием сначала сужения, а затем расширения пространства: от медвежьего угла, окраины России, до домашнего очага; затем от логова человеческого, деревни и провинции до «нив» и России в це-

лом. Такой прием позволяет максимально охватить жизненное пространство русского человека, т.е. его дом и страну, которые оказались под угрозой уничтожения.

Идея переходности природных состояний от осеннего к зимнему и переломности истории становится у Б. Пастернака центральной, главной в тексте и прослеживается на разных его уровнях. Это обеспечивает единство текста и целенаправленно утверждает идею уверенности автора в лучшем для России исходе событий Великой отечественной войны, мысль о вере Б. Пастернака в непобедимость России, что заложено самой русской природой, культурой и всем ходом истории.

Использованная модель филологического анализа позволяет последовательно рассмотреть языковые единицы разного уровня с целью выявления их системной организации, направленной на выражение главной идеи произведения, т.е. проанализировать текст с точки зрения единства его формально-содержательных структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

Бабенко Л.Г., Васильев И.В., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста / Урал. ун-т. Екатеринбург, 2000. 534 с.

Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте / Том. пед. ин-т. Томск, 1994. 112 с.

Васильев С.А. Уровни понимания текста // Понимание как логико-гносеологическая проблема: Сб. научн. тр. Киев: «Наукова думка», 1982. С. 91 – 122.

Виноградов В.В. К построению теории поэтического языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 163 – 178.

Григорьев В.П. Поэтический язык как предмет лингвистической поэтики // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1979.

Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста. М.: МГЗПИ, Просвещение, 1980.

Купина Н.А. Опыт системно-смыслового анализа поэтического текста // Слово в системных отношениях. Свердловск, 1975.

Вып. 2.

Купина Н.А. Принципы лингвистического анализа художественного текста. Свердловск, 1977.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1983.

Купина Н.А. Структурно-смысловой анализ художественного текста. Свердловск: УрГУ, 1981.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб: «Искусство-СПБ», 1996.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Изд-во «Ось-89», 1999.

Пищальникова В.А. Проблема лингвоэстетического анализа художественного текста. Учебное пособие / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1984.

Шанский М.Н. О лингвистическом анализе и комментировании художественного текста // Анализ художественного текста: Сб. статей. М., 1975. Вып. 1.

Шкловский В.Б. Искусство как прием // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.

© Дзюба Е.В., 2007

Докучаева Р.М.

Сыктывкар

**СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ АДРЕСАТА В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
(на материале мониторинга)**

На современном этапе развития российского общества особенно актуальным является изучение функционирования языковой системы прежде всего в политической сфере. Одним из факторов, вызывающим интерес к политической лингвистике, по мнению А.Н.Баранова, является потребность политической науки в методах анализа текстов СМИ для мониторинга различных тенденций в общественном сознании [Баранов 2001: 245].

В процессе формирования информационного поля электорального пространства, полагает О.А. Малаканова, нужно учитывать обратную связь. Последняя реализуется через

взаимовлияние канала информации и его аудитории [Малаканова 2000: 100]. Достаточно эффективным данное взаимовлияние оказывается, на наш взгляд, благодаря использованию в газетном дискурсе жанра политического мониторинга.

Политический мониторинг мы трактуем как постоянное наблюдение за позитивностью принятых государственными органами законов, законопроектов, поправок к ним; за отношением граждан к работе политических органов, к деятельности партий, сообществ, политических лидеров, в том числе, – к политическим событиям, напр.: к акту захвата террористами средней школы в Беслане, к встрече президента с «матерями Беслана», к идее захоронения тела Ленина, к переносу и переименованию Дня согласия и примирения, др.

Событие, как сложный смысловой комплекс, трактуется наблюдателем, по мнению А.Ф.Филиппова, как нечто совершающееся (т.е. происходящее) и свершившееся (т.е. обладающее известной законченностью, позволяющей отделять его от прочих событий). Событие осознается как политическое вследствие «экстраординарного вмешательства в его процесс политической власти» [Филиппов 2005: 20]. Именно экстраординарность политических событий притягивает внимание наблюдателя. Напр., через неделю после гибели А.Кадырова лишь 6 % россиян ничего не знали о террористическом акте в Чечне [Пушкарева 2004: 23].

В предлагаемой статье мы попытаемся выяснить, каким образом структурно-смысловые особенности высказываний адресатов способствуют выражению оценки политических событий. Языковым материалом для анализа послужил политический мониторинг, опубликованный в еженедельной газете Республики Коми «Молодежь Севера» (24.08.2006).

Обратим вначале внимание на инициальную сферу речевого взаимодействия участников общения, называемую исследователями текстом-вводкой. Ибо инициальная и ответная сферы, будучи в определенных позициях, презентуют «рамку» коммуникативной ситуации. Инициальный текст, считает Н.В. Максимова, обладает тремя основными составляющими: денотативный компонент («о чем»), сигнификативный компонент («что»), метаречевой («как») [Максимова 2005: 34].

Автором текста-вводки (инициального текста) в рассматриваемом мониторинге является само издание газеты (адресант, коммуникатор). Коллективный адресант предлагает: 1) предметное содержание вербального действия («о чем»), которое презентуется структурой с реальной модальностью, повествовательной по коммуникативной направленности – В минувшие выходные отмечалась пятнадцатая годовщина августовского путча 1991 года; 2) само содержание вербального действия («что»), презентуемое сложной структурой с изъяснительной семантикой – Но до сих пор в обществе нет четкого понимания, чем были эти события и какую роль они сыграли в истории нашей страны. В этой структуре функцию ремы выполняют лексемные блоки: НЕТ ЧЕТКОГО ПОНИМАНИЯ, ЧЕМ БЫЛИ, КАКУЮ РОЛЬ СЫГРАЛИ; 3) побуждение к речевому взаимодействию с адресатом («как»), презентуемое вопросительной по коммуникативной направленности структурой, в которой функцию ремы выполняет местоименная наречная лексема КАК. Заметим, что местоименные лексеммы ЧЕМ, КАКУЮ, как и наречная лексема КАК, требуют наполнения конкретным содержанием.

Инициальный текст (вводка) структурируется оппозициями: ТО ВРЕМЯ – ДО СИХ ПОР; ОТМЕТИТЬ ПЯТНАДЦАТУЮ ГОДОВЩИНУ ПУТЧА (*устроить торжество в ознаменование чего-либо, трактуя данное явление как истинное – МАС*) – НЕТ ПОНИМАНИЯ. Данные оппозиции опираются на следующие ключевые лексемные блоки: АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ 1991 ГОДА, НЕТ ПОНИМАНИЯ, КАК ОЦЕНИВАЕТЕ.

Оценочность, как языковая категория, – это выражение эмоционального отношения, вызванное сложившимся мнением (суждением) о предмете высказывания [Кожин 1982: 72]. Оценочность, полагают исследователи, связана не только с психикой говорящего (это характерно для эмоциональности), но и с его мышлением.

Прежде чем рассмотреть структурно-смысловые особенности ответов-высказываний, заметим следующее. Термин «высказывание» в современной лингвистике используется как в узком значении, так и в широком [Сиротинина 1980: 111]. По мнению О.Б.Сиротининой, в узком значении «высказывание»–«это предложение в аспекте его актуального чле-

нения», в широком значении «высказывание» – это коммуникант любого типа – предложенческого и не предложенческого. Специфика исследуемого языкового материала позволяет нам принять трактовку этого понятия, данную Ю.С.Степановым: «высказывание как результат речевого акта» [Степанов 1975: 32].

Предварительные наблюдения над высказываниями адресатов показали: 1) в одном политическом пространстве находятся адресант, адресат, участники политического события; 2) высказывания адресатов структурируется оппозиций – ДРУГИЕ ГРАЖДАНЕ РОССИИ (имплицитно) – Я, МНЕ, МОЯ ОЦЕНКА.

Представим высказывания адресатов по принципу нарастания ответственности по следующей логической схеме: **Т.** – трактовка политических событий (*ср. в инициальном тексте – в обществе нет четкого понимания, чем были эти события*); **О.** – оценка этих политических событий адресатом (*ср. в инициальном тексте – как вы оцениваете события этого времени ?*); **Р.** – роль данных политических событий в истории нашей страны (*ср. в инициальном тексте – какую роль они сыграли в истории нашей страны ?*).

I.

- Я расцениваю результат победы над путчем исключительно позитивно – ГКЧП не прошло, и Россия вышла на путь процветания, демократии и рыночных отношений, европейского уровня жизни, открытости, дружелюбия ко всем странам – **Т.** (имплицитно) – *попытка захватить власть в свои руки*; **О.** – *негативная оценка этих политических событий*; **Р.** – *победа над ГКЧП оказала позитивное влияние на дальнейшее развитие нашей страны.*

Опираясь на ключевые лексемные блоки – ПОБЕДА НАД ПУТЧЕМ, ОЦЕНИВАЮ ПОЗИТИВНО, РОССИЯ ВЫШЛА НА ПУТЬ ПРОЦВЕТАНИЯ, – адресат использует в высказывании сложную структуру с пояснительными отношениями между ее составляющими, с компонентами смыслового развертывания (Н.Л.Шубина).

II.

Очевидно, в то время все мы находились в таком состоянии, что обществу крайне необходим был взрыв. Однако

в августе 1991 года взрыва не было, был лишь хлопок. Но этот хлопок стал своеобразным детонатором к переходу из одной стадии развития общества к другой. Да, были ошибки, и довольно большие, но 15 лет движения вперед показывают, что курс, действительно, надо было менять. Сегодняшняя стабилизация в стране хорошо видна на примере нашей республики. **Т.** – *ГКЧП – своеобразный детонатор к переходу из одной стадии развития общества к другой*; **О.** (имплицитно) – *оценка позитивная*; **Р.** – *сегодняшняя стабилизация в стране...*

Данный ответ-высказывание структурируется оппозицией «ТО ВРЕМЯ – СЕГОДНЯШНЕЕ ВРЕМЯ». Опираясь на следующие ключевые лексемные блоки – ВЗРЫВ БЫЛ НЕОБХОДИМ, ДЕТОНАТОР К ПЕРЕХОДУ ИЗ ОДНОЙ СТАДИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА К ДРУГОЙ, СТАБИЛИЗАЦИЯ СТРАНЫ, адресат использует как простые структуры с уступительно-противительными отношениями (ОДНАКО, НО), сложные структуры с изъяснительной семантикой. Формированию рассужденческого характера ответа – высказывания способствуют и вводные компоненты (ОЧЕВИДНО, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО).

III.

- Я считаю, что слабость нашей страны проявилась в том, что во главе путча встали первые руководители страны и не смогли его совершить, они были бездарными руководителями. Если бы я руководил переворотом, я бы его совершил, и мне было стыдно, что мной руководят дураки. Помню, я тогда сразу вышел из партии. А развал СССР я считаю большой трагедией. Это была прекрасная страна, которую превратили в удельные княжества. Все это привело к печальным последствиям.

Т. – *попытка совершить государственный переворот России*. **О.** – *позитивная оценка путча*; **Р.** – *превращение страны в удельные княжества*. Адресат структурирует свой ответ – высказывание сложными структурами с изъяснительной и атрибутивной семантикой, с реальной и ирреальной модальностью, преимущественно прошедшего синтаксического времени, с опорой на следующие ключевые блоки: НЕ СМОГЛИ СОВЕРШИТЬ ПЕРЕВОРОТ, БЕЗДАРНЫЕ РУКО-

ВОДИТЕЛИ, РАЗВАЛ СССР – ТРАГЕДИЯ, ПРЕКРАСНАЯ СТРАНА, УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА.

IV.

- Я не хотел бы давать оценки общего характера. Отвечу как гражданин, человек, личность. Эти события отняли у меня мою страну, мою родину. Я проработал большую часть прожитого в структурах партии и в структурах власти и уверен, что при сильном лидере нашей партии коммунистов мы имели шанс войти в нормальное экономическое сообщество и создать демократическое государство, идя по пути реформ. Если кто по-настоящему заботится о будущем страны и наших потомков, тот не может не увидеть титанические усилия нашего Президента России сделать это.

Т. (имплицитно) – *события, ломающие судьбу человека и судьбу страны*; **О.** – *оценка негативная*; **Р.** – *забота Президента о будущем страны вопреки этим политическим событиям*. Адресат структурирует представленный ответ – высказывание сложными конструкциями с изъяснительной семантикой, с реальной модальностью, преимущественно с прошедшим синтаксическим временем. А ключевыми в данном рассуждении являются следующие лексемные блоки – **ЭТИ СОБЫТИЯ, ОТНЯЛИ РОДИНУ, ШАНС ВОЙТИ В НОРМАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО, БУДУЩЕЕ СТРАНЫ.**

V.

– Мне думается, что этот путч спровоцировал дальнейшие события, в частности, распад СССР. Путч начали люди, у которых власть уходила из рук, а настроения в обществе были такие, что все надеялись на лучшую жизнь и никто не хотел возвращаться назад.

Т. – *попытка удержать власть в своих руках*; **О.** – *оценка политических событий негативная*; **Р.** – *путч спровоцировал распад СССР*. Данное рассуждение структурируется также сложными конструкциями с изъяснительной семантикой, с реальной модальностью, с прошедшим синтаксическим временем. А набор ключевых лексемных блоков другой: **ПУТЧ СПРОВОЦИРОВАЛ РАСПАД СССР, ВЛАСТЬ УХОДИЛА ИЗ РУК, НА ДЕЯЛИСЬ НА ЛУЧШУЮ ЖИЗНЬ.**

VI.

- Моя оценка однозначна. Это была последняя на тот период попытка вернуть страну на социалистический путь развития. И как бы ни ругали Д.Язова и прочих, они проявили мужество и не побоялись отстаивать свою позицию. В то время страна была на перепутье и у ГКЧП был шанс вывести страну из кризиса.

Т. – *попытка вернуть страну на социалистический путь развития*; **О.** – *оценка политических событий позитивная*; **Р.** – *шанс вывести страну из кризиса*. Ответ-рассуждение структурируется оппозицией – ТО ВРЕМЯ, ТОТ ПЕРИОД – СЕГОДНЯ, СЕЙЧАС (имплицитно). Для данного структурирования используются сложные конструкции с реальной и ирреальной модальностью, с причинно-следственным значением и со значением обратной обусловленности. Ключевыми лексемными блоками в данном высказывании являются следующие блоки: ОЦЕНКА, ПОПЫТКА ВОЗВРАТИТЬ СТРАНУ НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ, ГКЧП, ВЫВЕСТИ СТРАНУ ИЗ КРИЗИСА.

VII.

- В тот злополучный день я отдыхала в Сочи. Рано утром, как обычно, пошла купаться и вдруг узнаю о создании ГКЧП. Честно говоря, привыкшая к спокойствию, обомлела. В таком же шоковом состоянии, как и я, были многие отдыхающие. На мой взгляд, августовский путч ничего стране не принес. Хочется верить, что в будущем такое не повторится.

Т. – *неординарные события, приводящие людей в шоковое состояние*; **О.** – *оценка политических событий негативная*; **Р.** – *августовский путч ничего стране не принес*. Ответ-высказывание структурируется оппозицией – ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ (имплицитно) – ЗЛОПОЛУЧНЫЙ ДЕНЬ. Адресат построил ответ-высказывание, опираясь на следующие ключевые лексемные блоки: АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ, СТРАНА, БУДУЩЕЕ, НЕ ПРИНЕС НИЧЕГО.

VIII.

- Путч если и был, то в Москве, а на окраинах были отголоски и пострадавшие от этого люди. До сих пор неизвестны ответы на многие вопросы, связанные с событиями августа 1991 года, поэтому многое говорится и оценивается бездоказательно.

Т. – до сих пор нет четкого понимания; **О.** – оценка политических событий негативная; **Р.** – роль, которую сыграли эти события в истории нашей страны, неизвестна. Ответ-высказывание структурируется оппозициями: МОСКВА – ОКРАИНЫ, ТО ВРЕМЯ (имплицитно) – ДО СИХ ПОР. Адресат построил ответ-высказывание, опираясь на следующие ключевые лексемные блоки: ПУТЧ, МОСКВА, ОКРАИНЫ, ОТВЕТЫ НЕИЗВЕСТНЫ, БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНО.

Представим общую картину трактовки, оценки путча, определения его роли в истории нашей страны в ответах – высказываниях адресатов.

Трактовка политических событий	Оценка политических событий	Роль политических событий в истории нашей страны
ГКЧП – попытка захватить власть в свои руки	Негативная оценка	Победа над ГКЧП оказала позитивное влияние на развитие нашей страны
ГКЧП – своеобразный детонатор к переходу из одной стадии развития общества к другой	*Позитивная оценка	Сегодняшняя стабилизация в стране
Попытка совершить государственный переворот	*Позитивная оценка	*Превращение страны в удельные княжества
*События, ломающие судьбу человека и судьбу страны	Негативная оценка	Забота президента о будущем страны вопреки этим политическим событиям
Попытка удержать власть в своих руках	Негативная оценка	*Путч спровоцировал распад СССР
Попытка вернуть страну на социалистический путь развития	*Позитивная оценка	Шанс вывести страну из кризиса
*Неординарные события, приводящие людей в шоковое со-	Негативная оценка	*Августовский путч ничего стране не принес

СТОЯНИЕ		
*Адресаты трактуют эти события как акт воздействия	Преобладает негативная оценка данных политических событий	*Негативная роль данных событий в истории нашей страны. Превалирует позитивная роль этих политических событий в истории нашей страны.

Сравним набор ключевых лексемных блоков в высказываниях адресанта и адресата:

№	АДРЕСАНТА	АДРЕСАТА
I	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	Победа над путчем Россия вышла на путь процветания Оцениваю позитивно
II	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	Взрыв был необходим Детонатор к переходу из одной стадии развития общества к другой Стабилизация страны
III	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	Не смогли совершить переворот Бездарные руководители Развал СССР – трагедия, удельные княжества
IV	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	Эти события Отняли мою родину Шанс войти в нормальное экономическое сообщество
V	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	Путч спровоцировал распад СССР Власть уходила из рук Надеялись на лучшую жизнь
VI	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	ГКЧП Попытка вернуть страну на социалистический путь

		развития Вывести страну из кризиса

VII	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	Августовский путч Шоковое состояние Ничего стране не принес
VIII	Августовский путч 1991 г. Нет понимания Как оцениваете	Путч Москва, окраины, пострадавшие люди Неизвестны ответы на многие вопросы, связанные с этими событиями

Содержание ключевых лексемных блоков в высказываниях адресатов свидетельствует о том, что в «ответном тексте» (Н.В.Максимова) представлены составляющие инициального текста («о чем», «что», «как»), а также «эти же преобразованные компоненты», соотносящиеся со структурой текста-высказывания адресанта.

Толкование политических событий, их оценка адресатами, определение роли этих событий в истории нашей страны прямо соотносятся с основными составляющими инициального текста: «О ЧЕМ», «ЧТО», «КАК». Таким образом, высказывания адресатов – это ответы рассужденческого характера, выражающие оценку политических событий. Каждый из этих ответов структурируется определенной оппозицией, набором соответствующих ключевых лексемных блоков и преимущественно сложными структурами с изъяснительной семантикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001
- Малаканова О.А. Политическая коммуникация// Политические исследования. 2000. № 2
- Филиппов А.Ф. Пространство политических событий// Политические исследования. 2005. № 2
- Пушкарева Г.В. Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // Политические исследования. 2004. № 4
- Максимова Н.В. Функционирование «чужой речи» в ответном

типе текста // Филологические науки. 2005. № 3

Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису современного русского языка. М., 1980

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982

© Докучаева Р.М.

Доценко Е.Г.

Екатеринбург

С.БЕККЕТ В РОССИЙСКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Сэмюэл Беккет – автор билингвальный. Если сам писатель может быть с равной степенью правоты назван и французским, и ирландским, то его тексты создавались на английском или французском языке (вне строгой последовательности предпочтения одного из «языков творения» другому), а с 1950-х гг. автор выполнял и перевод своих произведений, что создало ситуацию «двух оригиналов» большого количества беккетовских текстов. Поскольку Беккет не столько «переводил», сколько заново создавал свои тексты, вписывая их в иную лингвокультурную среду, самостоятельность французской и английской версий его произведений вызывает споры среди ученых. Но данная проблема может рассматриваться и как практическая: существует объективная сложность перевода произведений Беккета на другие языки. Можно спорить, должен ли переводчик учитывать обе авторские версии при переводе, напр., на русский, и в какой мере театральные практики должны сегодня доверять «исходному» тексту при постановке беккетовских пьес.

Знакомство российской читательской и театральной аудитории с работами Беккета было неравномерным и по отношению к большей части его наследия достаточно поздним (сколь-либо полного собрания сочинений С.Беккета на русском языке не существует и на настоящий момент). Хотя Беккета как крупнейшего представителя театра абсурда десятилетиями знали и изучали в нашей стране: раздел, посвящен-

ный французскому антитеатру, обязательно содержится в учебниках по зарубежной литературе или театру XX века. Первые «классические» переводы наиболее известных пьес и малой прозы Беккета были немногочисленны и выполнялись с языка оригинала. Так, «В ожидании Годо» в переводе (с французского) М. Богословской было опубликовано «Иностранной литературой» в 1966 г. [Беккет 1966]. (Показательным для времени публикации можно считать и предисловие А. Елистратовой к пьесе: «Здесь наиболее полно, демонстративно, с откровенностью, граничившей с истерическим надрывом, выразились разрушительные тенденции, свойственные «театру абсурда»: отрицание разумно постижимого сюжета, характеров, сценического действия, закономерно ведущего от завязки к развязке... А сквозь хаотические обломки разрушенной драмы, старательно низведенной до нечленораздельного абсурда, проступило представление о трагикомической абсурдности всего мира, о непреходящей бессмысленности человеческого существования» [Елистратова 1966: 160]).

Большее количество переводов Беккета стало появляться с начала 1990-х гг., что вряд ли упростило ситуацию. Переводы последних лет – не только разного качества и профессионализма, но и в разной степени учитывающие связь беккетовского текста с языковой, литературной и/или театральной средой, в которой они не «возникли», а были сознательно автором созданы и идентифицированы. В некоторых случаях перевод того или другого произведения С.Беккета осуществляется с французского и английского одновременно. Так, перевод в оригинале англоязычного романа Беккета «Мерфи» (*Murphy*, 1936) отечественным беккетоведом и специалистом по зарубежной драме М. Кореновой [Беккет 2002] выполнен – что не удивительно – с английского, а в другом русскоязычном издании романа специфика перевода обозначена следующим образом: «Пер. с англ. А. Панасьева; пер. с фр. А. Жгировского» [Беккет 1999]. Каким образом была распределена работа переводчиков и пытались ли они совместить две версии текста в одном, можно лишь догадываться. «Трилогия» Беккета очень убедительно переведена В. Молотом, но и здесь встречается загадочная фор-

мулировка: «перевод с французского и английского» [Беккет 1994].

Некоторые сомнения вызывает и попытка А. Панасьева и А. Жгировского «перевести» ряд говорящих англоязычных (большинство персонажей романа – ирландцы, и носят ирландские имена) фамилий, хотя переводчики очевидно учитывают склонность Беккета к языковой игре и стремятся найти адекватное соответствие. Напр., поэт Ticklepenny становится в русском тексте «Тыкалпенни», а доктор Angus Killecrance – Ангус Убифсих. Проблема в том, что Беккет, как правило, не ограничивается, только одной для каждого случая аллюзией или возможностями одного языка. «Фамилия Энгуса Киллеркранки, – поясняет Дж.Ноулсон, – говорит сама за себя; *krank* по-немецки означает «больной», следовательно перед нами доктор «Убей болезнь» [Knowlson 2004: 199].

Комментарии к насыщенному (часто скрытыми) аллюзиями беккетовскому тексту представляют отдельную сложность и не всегда оказывают действительно ценную помощь. Разумеется, очень хорошо, когда возможности издания позволяют предложить глубокий и серьезный комментарий, как это произошло с «Никчемными текстами» [Беккет 2003], вышедшими в серии «Литературные памятники» в 2003 г. (составление и примечания Д. Токарева). Иное дело – ранний роман Беккета *More Pricks than Kicks*: даже название произведения переводится по-разному и до сих пор не утвердилось как значимая формула в нашем культурном пространстве. А. Панасьев, переводя роман на русский язык, вынес в заглавие фразу «Больше лает, чем кусает» – вместо тщательно трансформированной Беккетом цитаты из Деяний апостола Павла («слова, с которыми Господь обратился к Савлу на дороге в Дамаск» [Ackerley 2004: 381]). Трудно согласиться с подобной «вольностью» переводческой трактовки, хотя в условиях несоблюдения закона об авторском праве существуют и более радикальные несоответствия российских «переводов» беккетовскому замыслу (В качестве наиболее резко бросающегося в глаза примера нельзя не обратить внимания на судьбу российской «Элефтери». Ранняя пьеса С.Беккета, опубликованная по-английски и по-

французски лишь в 1990-е гг., представлена в сборнике «Потерянные пьесы» разрозненными отрывками, но обозначена как «Элефтерия. Пьеса в трех действиях. (Неопубликованная рукопись)» [Беккет 2001]).

Возвращаясь к проблеме перевода с двойного источника, следует, вероятно, остановиться на самой истории вопроса: как сложилось, что авторские версии текста на французском и английском языках интенционально имеют расхождения. То, что Беккет – ирландец (и выходец из протестантской, а не католической ирландской семьи) имеет значение, поскольку «ирландскость» находит выражение в беккетовских произведениях на различных уровнях текста. Но Франция – свободный выбор Беккета, он жил и работал в основном в Париже не как беженец, а как человек, который находил именно парижскую культурную и политическую атмосферу наиболее соответствующей своим личностным и творческим интересам. С Англией у Беккета складывались тем более не простые отношения, издательские, в частности, и писатель неоднократно и недвусмысленно заявлял, что не хотел бы считаться британцем.

«Национальный вопрос» в традиционном его наполнении, впрочем, писателю совершенно чужд. Беккет индифферентен к проявлениям национального и мог бы, вероятно, сказать словами одного из любимых своих философов: «Самый дешевый вид гордости – гордость национальная» [Шопенгауэр 1992: 300]. Однако свои права предъявляет языковая принадлежность, а при чуткости Беккета к словесным играм самого языка, собственно концептосфера английского, французского или немецкого (Работая над немецкими постановками своих драм, Беккет, как сообщает биограф писателя, изменил в пьесе «Конец игры» породу собаки со шпица на пуделя – «в честь Шопенгауэра, который любил пуделей» [Cronin 1997: 555]) языка активизирует национальные культурные пристрастия и приоритеты, не говоря уже об интересе Беккета практически ко всей европейской философской, литературной и театральной традиции, рутину которой он, «играя», преодолевает. На французском языке Беккетом в оригинале созданы романная Трилогия, «Никчемные тексты», «Элефтерия», «В ожидании Годо», «Конец игры», «Раз-

вязка»; по-английски – «Мечтая о женщинах, красивых и средних», «Мерфи», «Последняя лента Крэппа», «Игра», «Счастливые дни», «Приходят и уходят».

Само восприятие писателем французского и английского в качестве «языков творения» всегда было не одинаково. Еще в его первом романе герой, размышляя о французских классиках, замечает: «У них нет стиля, они пишут без стиля... Только французскому языку это под силу» [Beckett 1993: 48]. С конца 1930-х гг. французский становится и языком собственного творчества С.Беккета, а «когда в 1956-м его спросили, почему он начал создавать произведения на французском языке, Беккет ответил: “Потому что по-французски можно писать без стиля”» [Ackerley 2004: 205]. Считается, что первичное обращение писателя-абсурдиста к французскому было связано с «бегством от английского», от того множества ассоциаций, которое вызывает слово в родном языке. Французский язык пьес Беккета можно считать более нейтральным («без стиля»!) по отношению к лексической норме; введение «айришизмов» (кельтских слов и выражений, которыми изобилует беккетовский английский) во французский вариант произведений, очевидно, потребовало бы комментария, которого автор как раз избегал. Но французский Беккета, хотя и связан изначально с разработкой писателем-модернистом более лаконичного стиля, вызвал к жизни собственные нюансы, которые, напротив, «не работают» по-английски. «Есть что-то в самой сущности языка, – полагает С. Исаев, – что располагает к сухости и точности линий... Английские переводы прагматичнее, конкретнее – и вместе с тем теплее» [Исаев 1998: 5]. С другой стороны, у французского языка есть свои возможности, связанные с национальными традициями комизма.

«Вернувшись» к английскому в конце 1950-х и работая на двух языках практически с равной степенью интенсивности, Беккет отказывался от перевода (в привычном смысле) и каждый раз фактически пересоздавал уже существующее произведение, предлагая если не новый, то все же оригинальный текст – второй «оригинал». Российские переводчики справедливо замечают различия между двумя версиями беккетовских текстов, но вероятно, напрасно, пытаются элими-

нирывать эти различия в одном переводе с двух языков. Было бы интересно иметь самостоятельные переводы и с французского, и с английского хотя бы самых известных, программных пьес театра абсурда: «В ожидании Годо», «Конец игры», «Игра», «Счастливые дни». Драматургия С. Беккета, являясь по сути своей экстерриториальной (как и весь беккетовский канон после 1946 года), вступает в диалог с традициями различных стран и культурных уровней.

Начало активного драматического творчества, а затем театральной деятельности Беккета приходится на «французский» период, когда произведения писателя в оригинале создавались по-французски. Языковое соотношение в театре абсурда, тем не менее, не оставалось неизменным и должно было эволюционировать – параллельно с развитием драматургии, характерным для нее «диалогом вне партнера» и благодаря возможностям автоперевода. Концепция искусства у Беккета предполагает недоверие к экспрессивной функции языка, зато сама «оболочка» слова, его произношение и написание может вызывать множество ассоциаций. «Опустошение языка» (чтобы показать бессмысленность Слова, нужно четко представлять, какое значение в него изначально вкладывалось) осуществляется последовательно при работе автора с первичным текстом, и с переводным. Используя положения теории перевода в работе «Беккет и Вавилон», Б. Фитч пытается определить статус второго авторского текста произведений ирландско-французского писателя. При всей самодостаточности и разработанности обеих авторских версий считать их автономными, как справедливо полагает исследователь, было бы неверно; «память» друг о друге сохраняют не только варианты произведения, но и языки, задействованные при работе: «Эти два текста должны рассматриваться до *некоторой степени* в качестве дополнения друг к другу на *каждом из уровней* – означающего и означаемого» [Fitch 1988: 181].

Концептосферы обоих языков вызывают к жизни различные смыслы. Так, английский текст задействует национальное пристрастие к театру и театральности, и классическое создание абсурда «В ожидании Годо» (*En attendant Godot*, 1949, *Waiting for Godot*, 1954), напр., только в английском ва-

рианте получило подзаголовок «Трагикомедия в 2-х актах». В двух версиях «Годо» различен даже уровень аллюзий, в том числе и театральных. Определенно «британскими» оказываются в произведении Беккета аллюзии на Чарльза Чаплина-старшего и его комедийные эстрадные номера. По наблюдениям Ф. Робинсона, восклицание героя “Oh tray bong, tray tray bong” заимствовано как раз из такого представления, но оно в беккетовском тексте и предназначено для англоговорящей публики [Robinson 1991: 65]. Во французском оригинале соответствующая реплика выглядит иначе: здесь Эстратон лишь несколько трансформирует фразу “Oh, très bien”, повторяя ее вслед за Владимиром, но «с английским акцентом» [Beckett 1985: 49]. Аналогично в английской версии встречаются французские словосочетания, которые неожиданно и непонятно для партнера произносит один из героев. А к «айришизму» (Irishisms) английский критик и, что обычно подчеркивается, ирландец по происхождению А. Кеннеди относит к реплику Владимира «Get up till I embrace you» [Kennedy 1989: 25]. По-французски высказывание практически лишается своей парадоксальной окраски: «Encore toi! Viens que je t'embrasse!», как, впрочем, и при переводе на русский язык: «Иди, я тебя обниму» [Беккет 1999: 79].

Апеллируя не только к собственно вербальным средствам, «Беккет не расценивает язык как изолированную систему концепций, эзотеричных по отношению к объекту, который ему предназначено выражать; поэтому наложение соответствующей драматической формы представляет собой самостоятельную проблему» [Velissariou 1982: 32]. В результате и образ мира, и «качество абсурда» меняется в зависимости от языка, на котором полиглот-автор творит или на который переводит. Апелляция к философской и/или к драматической традиции варьируется порой неуловимо, а порой и на уровне зримых образов. Театральные приоритеты Беккета, впрочем, сами не всегда поддаются разграничению по национальным инвариантам. Драматург остро чувствует рутину не только в старых, отживающих свой век формах, но и в едва определившихся, претендующих на абсолютную новизну системах. Разделительную черту проводят между популярной культурой и традициями «серьезной» драмы, кото-

рые с равной частотностью использует и цитирует Беккет. Сами аллюзии не только актуализируют, обновляют ту или иную часть драматического наследия, но и указывают на ее неизменную релевантность. А национальное – все же проявляется в той стихии театральности, в степени и возможностях условности, адекватных традициям тех мощных театральных супердержав, в которые двумя вариантами своих произведений включается Беккет.

Обращаясь к богатой английской традиции, писатель осваивает практически весь ее диапазон. Не приходится удивляться, что шекспировские аллюзии на различных уровнях структуры произведения обнаруживаются едва ли не в каждой пьесе Беккета. «Конец игры» (*Fin de Partie*, 1956; *Endgame*, 1958) в таком случае – это и «Гамлет» (героя зовут Hamm, почти Hamlet), и «Король Лир», и «Буря». Отношения родителей и детей даже при небольшом количестве персонажей допускают в пьесе много вариантов, а тема короля приходит вместе с шахматной семантикой «Эндшпиля» – «Конца игры» (Название одноактной пьесы «Конец игры» на русский язык нередко переводят с французского *Fin de Partie* как «Эндшпиль»). Однако шахматный план далеко не исчерпывает всех коннотаций «конца игры» в пьесе. Сфера функционирования понятия «эндшпиль» в русском языке очень узка и конкретна) и закрепляется пространственно креслом-каталкой, служащим одновременно тронем для здешнего тирана Хамма. О шекспировской «Буре» напоминает водное пространство за окном, но и героев Хамма и Клова можно сравнить с Просперо и Калибаном бесконечно необитаемой земли. Ощущая себя на сцене, «как на сцене»: «Кто-то все еще на меня смотрит» [Beckett 1990: 160], – беккетовские герои оказываются соотнесены с шекспировской традицией и объективно, и субъективно. С одной стороны, персонажи Беккета включают Шекспира (как Библию, и столь же часто) в свой игровой план. Они вообще много и разножанрово играют, представляя себя то зрителями, то участниками сценического представления; используют театральную лексику, принимают «драматические» позы и просят «поддержать место» на время их отсутствия. Шекспировский текст Беккет задействует и эксплицитно: здесь цитируют Офелию и Лира, и

Ричарда III, и Просперо; часто фразы из классических пьес подчеркнута узнаваемы в произведениях – особенно в английских версиях, что кажется вполне естественным, поскольку Шекспира сам Беккет читал не по-французски.

С другой стороны, метатекстовые возможности пьес Беккета сами по себе «повторяют» Шекспира, утверждавшего принцип метатеатральности уже в трагедиях и комедиях, но особенно в поздних барочных трагикомедиях. Г. Блум считает возможным рассматривать беккетовскую пьесу («Конец игры») как самостоятельный текст и как своего рода комментированное чтение «Гамлета» [Bloom 1994: 505–507]. Интересно, что в плане перевода подобного двойного кодирования текста теперь уже на зримый, пластичный театральный язык не существует национальных преград, и не только английский, но и современный российский театр дает возможность увидеть и почувствовать многосоставность драматических произведений Беккета. Несколько лет назад (в 1997 г.) трагикомедия «В ожидании Годо» была поставлена Ю. Бутусовым в театре им. Ленсовета. Роли исполняли М. Трухин (Владимир), К. Хабенский (Эстрагон), М. Пореченков (Поццо), А.Зибров (Лаки). Беккетовское внимание к смежным с театром видам искусства и к популярным зрелищам здесь было передано не только за счет хрестоматийных «чаплинских» шляп-котелков, но и с помощью циркового антуража. А пластический, спортивный потенциал актеров позволил им сделать зрелище по-настоящему живым, ярким и веселым, что отнюдь не исключило философской глубины пьесы. Перекличка с Шекспиром стала особенно очевидной уже благодаря развивающемуся театральному контексту: тот же коллектив (теперь на сцене МХАТа) экспериментирует с «Гамлетом», выходя на уровень «комментированного прочтения», но не останавливаясь на нем.

Другой пример, на наш взгляд, менее успешный, театральной интерпретации беккетовской пьесы представил в 2006-м, юбилейном, году (столетие со дня рождения драматурга) московский театр им. А.С. Пушкина. «Счастливые дни» (в переводе Л.Беспаловой) поставил М.Бычков, роль Винни исполняет В.Алентова. Наиболее эффектно здесь декорации к спектаклю, представляющие «природное» окружение Винни

как поле скошенной и пожелтевшей травы – достаточно приятный фон для того, чтобы чувствовать себя не живой, но счастливой. Однако та же конкретика выглядит чрезмерной по отношению к центральной коллизии произведения. Абсурдность бытия человека в мире получает более «точное», чем у Беккета, воплощение: во втором акте нечто вроде землетрясения, действительно воспроизведенного на сцене, заставляет героиню В.Алентовой испытывать максимум неудобств. Второе действие пьесы в данной постановке вообще предстает редуцированным (текст пьесы сокращен), зато интонация Винни резко меняется, поднимаясь до не предусмотренных «Счастливыми днями» негодующих нот. Финал пьесы также выглядит «обновленным» и неожиданно в этой интерпретации счастливым.: Винни и Вилли вместе исполняют жизнерадостную песню.

Создается впечатление, что пытаться наглядно представить на сцене «абсурд» – в отсутствии соответствующей (как во Франции) традиции российской культуры – непродуктивно. Но беккетовский текст подготовлен к «буквальному» воспроизведению, что дает современному нерепрезентативному театру особые возможности. Произведения требуют особого даже не читательского, а режиссерского и актерского прочтения, перевод на визуальный язык пьесой фактически уже осуществлен. «Одновременно можно видеть, – отмечает Ш. Леви, – текст пьесы и указания драматурга по поводу нетекстовых театральных элементов, как перевод одной семиотической системы (“текст”) в другую (“спектакль” или “перформанс”))» [Levy 2002: 26].

Нерепрезентативный театр Беккета уходит от самой проблемы отражения «жизненных реалий», создавая художественный мир из рутины – театральной и бытовой, но не останавливаясь как данность ни на ней, ни даже на уровне универсальных обобщений: театр – это прежде всего театр, сам себя он и разыгрывает, представляет. Произведения этого театра трудно понять: как и предполагает концепция абсурда, здесь мир буквально выходит за пределы нашего представления. У Беккета мы всегда видим больше, чем (написанный или воспроизведенный) текст: в этом смысле его пьесы театральны, а не дискурсивны. Для сравнения: если

мы смотрим сегодня спектакль по любой из великих трагедий Шекспира, мы видим меньше, чем возможно, т.к. одна режиссерская интерпретация скрывает множество других допустимых прочтений, т.е. текст, созданный для театра, тем не менее, не сводится к его презентации, перформансу. У Беккета то, что мы должны увидеть, написано в тексте, и визуальный ряд *заменяет* смысл, который есть, и который мы, как и герои, хотим понять, но, как и у них, наши усилия тщетны. Так, главные герои «Годо» на каждом шагу себя опровергают: Диди и Гого *выглядят* как бродяги, но их «подлинный» статус не известен; противоречиво представлены и интеллектуальные возможности протагонистов Беккета. Зрители хотели бы знать больше о героях и ситуации, в этом смысле пьеса не «об ожидании»: она и есть ожидание чего-то, что не существует или что не дано постичь – ни в жизни, ни в театре.

Столкновение различных смыслов и бессмыслицы, мировоззренческих или, напр., языковых моделей в одном тексте беккетоведение объясняет с помощью излюбленного писателем «эффекта пермутации». М. Эсслин предупреждает: «Мы не должны заходить слишком далеко, пытаюсь идентифицировать взгляды Беккетта с любой философской школой» [Esslin 2004: 61]. Беккет никогда не предан целиком и одному видению той или концепции; он всегда оставляет место для альтернативного понимания. Предоставляя возможность «другому» прочитать и по-своему наполнить (а не только «понять») его текст, Беккет оказывается совершенно открыт и российскому лингвокультурологическому пространству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ackerley, C.J. and S.E. Gontarski, The Grove Companion to Samuel Beckett: A Reader's Guide to His Works,

Beckett, Samuel. Dream of Fair to middling Women. New York: Arcade Publishing, 1993.

Beckett, Samuel. The Complete Dramatic Works. London, Boston: Faber and Faber, 1990.

Bloom, Harold The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York, San Diego, London: Harcourt Brace & Co., 1994.

Cronin, Anthony. Samuel Beckett: The Last Modernist. N.Y.: De Capo Press, 1997.

Esslin, Martin. The Theatre of the Absurd . New York: Vintage

Books, 2004.

Fitch, Brian T. *Beckett and Babel. An Investigation into the Status of the Bilingual Work.* Toronto, London: University of Toronto Press, 1988.

Kennedy A.K. *Samuel Beckett.* Cambridge, 1989.

Knowlson, James. *Damned to Fame: The Life of Samuel Beckett.* N. Y.: Grove Press, 2004.

Levy, Shimon. *Samuel Beckett's Self-Referential Drama.* Brighton and Portland: Sussex Academic Press, 2002.

Life, and Thought. N.Y.: Grove Press, 2004.

Robinson, Fred Miller. "Tray Bong! Godot and Music Hall". In: *Approaches to Teaching Beckett's 'Waiting for Godot' /ed.by June Schlueter and Enoch Brater.* New York: The Modern Language Association of America, 1991.

Velissariou, Aspasia "Language in 'Waiting for Godot'". In: *Journal of Beckett Studies/ Ed.by John Pilling. No 8, Autumn, 1982.*

Беккет С. В ожидании Годо / Пер. с фр. М.Богословской // *Иностранная литература.* 1966. №10

Беккет С. Мерфи / Пер. с англ. и фр. А.Панасьева, А.Жгировского. Киев: Ника-Центр, 1999

Беккет С. Мерфи / Пер. с англ. М.Кореневой. М.: Текст, 2002

Беккет С. Никчемные тексты / Пер. с франц. Е.В.Баевской. СПб.: Наука, 2003

Беккет С. Театр: Пьесы / Пер. с англ. и фр. СПб.: Азбука, Амфора, 1999.

Беккет С. Трилогия (Моллой, Мэлон умирает, Безымянный) / Пер. с франц. и англ. В. Молота. СПб.: Изд-во Чернышева, 1994

Беккет С. Элефтерия / Пер. О.Тархановой // *Потерянные пьесы.* М.: А, D.& T, 2001

Елистратова А. Трагикомедия Беккета «В ожидании Годо» // *Иностранная литература.* 1966. №10.

Исаев С. Длинные вещи жизни // Беккет С. В ожидании Годо / Пер. с фр. С. Исаева, А. Наумова. М.: Изд-во ГИТИС, 1998.

Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М.: Республика, 1992.

© Доценко Е.Г., 2007

Еремина С.А.

Екатеринбург

СОЦИАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В РЕЧИ

УРАЛЬСКИХ ПОЛИТИКОВ

Исследователи политической коммуникации отмечают, что языковое содержание сферы «Политика» предполагает выбор определенных маркированных единиц, типичных для данной сферы коммуникации. Эти языковые единицы составляют некий сублексикон: набор определенных номинаций, принятых для обозначения некоторых идеологических понятий [Китайгородская, Розанова 2003: 162]. Идеология имеет свое вербальное выражение в неких обобщенных формулах, лозунгах, разного рода пропагандистских штампах и постулатах. Идеологизированное клише проявляется через модель общего суждения – аксиому, которая порождает эффект вне-временности, незыблемости суждения.

В дискурсе того или иного политика проявляется система определенных ценностей, которая выдвигает на первый план характеризующие политика и его социальное окружение слова-концепты, к примеру, такие как: **свобода, воля, власть, честь, совесть, правда, сила** и т.п. Глубинная структура, сложившаяся в предшествующий период, подвергается переименованию (создается новый текст, содержащий новые темы), но сохраняется старый структурный каркас. Так слоган, занимающий центральное место в листовке или предвыборной программе, строится по типу общего суждения, или аксиомы, ср. старое: *наш адрес – Советский Союз*, новое: *наш дом – Россия*. Исследователи отмечают, что изменения в сфере современной политической коммуникации носят характер «смены речевых одежд». Вместо одиозных клише тоталитарного языка в политическом лексиконе получают распространение новые речевые формулы, которые часто являются кальками клише тоталитарного периода. Новые словосочетания включают прежние идеологизированные компоненты. Слова-концепты получают дополнительный атрибут, который маркирует сферу «новых ценностей». При повторе данных языковых единиц в различных атрибутивных сочетаниях рождаются устойчивые ассоциации, отражающие среду, в которую погружен тот или иной политик, к примеру, ср. старое: *партия – ум, честь и совесть нашей эпохи; партия – наш рулевой*; новое: лозунги различных партий: Свободная Россия – это мы! Сильная Россия – Единая Россия!

Политическая партия «Единая Россия» – партия ответственной власти, партия национального успеха, партия президентского большинства!

Социолект сферы «Политика» оказывается относительно постоянным, различия же, как отмечают Китайгородская и Розанова, прослеживаются на уровне идиолектов и «определяются» языковой компетенцией политика, индивидуальной речевой одаренностью и прошлым профессиональным опытом [Китайгородская, Розанова 2003: 174].

Региональная политическая коммуникация характеризуется теми же типичными для всего языкового пространства Российской Федерации чертами.

На наш взгляд, показательными являются программы и агитационные листки двух предвыборных кампаний: выборы в депутаты Государственной Думы от 7 декабря 2003 г. и выборы в депутаты Екатеринбургской городской Думы от 20 марта 2005 г.

Анализ, используемых языковых средств в ходе предвыборных кампаний двух кандидатов в депутаты, показал, что Е. Ройзман и А. Косинцев представлены через листовки как яркие языковые личности, типичные для современных политиков демократического круга.

Центральное место в листовках и программах занимает слоган, который строится по типу общечеловеческой истины; ср. (*Евгений Ройзман: «Сила в правде», Александр Косинцев: «Сильные в ответе за слабых»*). Аксиоматичность выражается через слова-концепты, обозначающие общечеловеческие ценности: *сила и правда, сильный отвечает за слабого*.

В текстах листовок представлен целый ряд афористичных предложений, содержащих слова-концепты в сочетании с различными детерминантами, разворачивающими понятие, обозначенное в слогане, и создающими новые идеологические постулаты:

Е. Ройзман «государство – это мы все; добро все равно победит зло; правду не спрячешь; сообща мы победим; истина проста как мир – честные люди должны объединяться; время не ждет; выбор есть всегда; только сильный ве-

ликодушен; наша сила в правде; мы честны – и потому непобедимы».

А. Косинцев *«только вместе мы победим; моя партия – соседи по двору; честность – это честь; безопасность и порядок; наведение порядка – дело чести».*

Выявляется общий круг слов-концептов, являющихся своеобразными идеологическими клише, и представляющих «новые общечеловеческие ценности»: *сила и сильный, победа и победить, честный, честность и честь.*

Однако контекстуальное значение представленных языковых единиц в дискурсе Е. Ройзмана и А. Косинцева различно. Метафорические сочетания в листовках Е. Ройзмана ориентированы на народную мудрость (*добро все равно победит зло; правду не спрячешь; сообща мы победим*) или на классический текст (*государство – это мы все; время не ждет*), что не дает возможности очертить социальный круг предпочтений автора листовки. Афоризмы же А. Косинцева рождают действительно устойчивые ассоциации, отражающие правовую и военную среду, в которую погружен политик (*безопасность и порядок; наведение порядка – дело чести*).

Система ценностей каждого из политиков и социальная группа, на которую он ориентируется, проявляется в программных заявлениях и обращениях к избирателям более четко:

Е. Ройзман. *«**Сила в правде. Друзья!** Есть люди, которые думают, что все решают деньги. Есть люди, которые думают, что все решает административный ресурс и большие звезды на погонах. На самом деле все решают только люди. Я опираюсь не на деньги и не на административный ресурс, а только на людей. Екатеринбург – единственный город в России, где борьба с наркотеррором началась не сверху, а снизу. Горожане самостоятельно начали решать проблему государственной важности. При вашей поддержке мы создали Фонд «Город без наркотиков». Этот опыт бесценен. Я иду в Государственную Думу, потому, что сейчас я знаю: есть такая сфера деятельности, где мы реально можем навести порядок, добиться справедливости, реально помочь людям. Я лучше многих понимаю корни серьезной проблемы, угрожающей государству, нар-*

коугрозы. Я иду в Государственную Думу, чтобы показать, что с наркотиками можно бороться. И в отдельно взятом городе, и во всей стране в целом... Сообща мы победим».

А. Косинцев. **«Сильные в ответе за слабых. Безопасность и порядок.** Мой день начинается и заканчивается в Железнодорожном районе. У меня была возможность переехать в другое, более престижное место, но слишком многое меня связывает с Сортировкой – семья, друзья, соседи по дому, мой двор, к которому я прирос за двадцать лет, наши улицы. Я считаю, что наш район может быть красивее и лучше. Я думаю, что мне по силам сделать его таким. Обычно кандидаты в депутаты пишут нереальные для выполнения программы, откровенно врут: не нравится монетизация? – отменим, маленькая зарплата? – повысим. Я выскажусь о том, что я хотел бы изменить в нашем Железнодорожном районе и каким образом. Если вы согласны со мной – нам по пути!» **Что делать? «Необходимо создать систему безопасности. Организовать в нашем опорном пункте круглосуточное оперативное дежурство. Нужно наводить порядок. Закрепить технику на автобазе за каждым районом – пусть работают, убирают... Я такой же, как и Вы. Все, что я делаю, направлено на то, чтобы моей семье жилось хорошо. Но такое возможно лишь при благополучной ситуации в нашем районе и городе в целом».**

Во фрагментах политических листовок ясно прослеживается адресат речи: друзья, семья, соседи по дому, улице, району, горожане. Специфические черты социалекта проявляются в обозначенной системе ценностей через детерминативные сочетания: *проблема государственной важности; угрожающая государству, наркоугроза; город без наркотиков; система безопасности благополучная ситуация; наведение порядка* и т.п.

В программах Е. Ройзмана и А. Косинцева выделяется ряд общих слов-концептов, объединяющий их как демократов: *защита, победа, правда, сила, честность, честь, чистота, чистка*. Различие проявляется в контекстуальной значимости данных лексем.

Лексемы *защита* и *защитить* реализуются через поня-

тие того, что *служит обороной*. См. **Защитить** – 1. Охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности; 2. Предохранить, обезопасить от чего-н.; ср. (Е. Ройзман: Главная цель моей программы проста. **Защитить**. *Наших горожан, людей, обделенных заботой государства, вниманием общества.* // А.Косинцев: Стремление **защитить** более слабого жило во мне с детства / Мы не чувствуем себя под **защитой** государства, милиции, поэтому вынуждены **защищаться** сами / В силах городской Думы **защитить** пенсионеров и инвалидов нашего города, вовремя принять необходимые законы). Также реализуют свое основное значение и лексемы *победа, победить, правда*.

Победа. 1. Успех в битве, войне при полном поражении противника; 2. Успех в борьбе за что-н., осуществление, достижение чего-н. в результате преодоления чего-н. **Победить**. 1. Одержатъ победу над кем-чем-н.; 2. перен. То же, что преодолеть. **Преодолеть**. Пересилить, справиться с чем-н.; ср. (Е. Ройзман: Их может **победить** только наша сила. Сила правды. Я пойду до **победы**./ **Победа** будет за нами. / Добро все равно **победит** зло. / От борьбы выгоды не бывает. Только **победа** или поражение. А я привык **побеждать**); (А Косинцев: По результатам соревнования его «модель» улетела дальше всех, и он **победил**. Американцы были поражены нестандартностью мышления **победителя**, а ему **победа** в конкурсе облегчила доступ к секретной информации / Только вместе мы **победим!**). **Правда**. 1. То, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. *Правда глаза колет* (посл.); 2. Справедливость, честность, правое дело. *Стоять за правду*. 3. То же, что правота (разг.). [**Правота**. Правильный образ действий и мыслей.]; ср. (Е. Ройзман: Сила в **правде!** мы работаем честно, **по правде**. Но к **правде** грязь не липнет. **Правду** не спрячешь); (А.Косинцев: Дети **правдами и неправдами** выманивают у родителей деньги и несут их туда).

Индивидуальные смыслы проявляются в словах *сила и сильный, честный, честность, честь; чистый, чистить, чистка*.

Сила в контексте политических листовок Е.Ройзмана выступает в значениях (данные словаря С.И. Ожегова): 3. обычно *мн.* Материальное или духовное начало как источник энергии, деятельности; ср. (*Наш народ перед лицом опасности всегда собирался с силами и сообща боролся с бедой*) и 5. Могущество, влияние, власть; 6. Сущность, смысл (разг.); ср. (*Их может победить только наша сила. Сила правды. / Наша сила в правде*).

Сила в контексте речей А. Косинцева проявляется во 2 значении – как способность живых существ напряжением мышц производить физические действия, движения; вообще – физическая или моральная возможность активно действовать; ср. (*Я думаю, что мне по силам сделать его таким / Надо иметь опыт, знания, силу воли и желание помогать / В силах городской Думы защитить пенсионеров и инвалидов нашего города, вовремя принять необходимые законы / Мы – родители, и мы в силах помочь нашим детям*).

Сильный. (Е. Ройзман: *Только сильный великодушен. Наша сила в правде. Мы честны – и потому непобедимы*); (А. Косинцев: *Есть такая жёсткая разведка, как израильский массад. Это одна из мощнейших разведок, у них сильнейший агентурный аппарат. А вообще мягких разведок не бывает. / Сильные в ответе за слабых. / В нашем районе нет ни одной сильной молодёжной организации, готовой сплотить вокруг себя детей, заинтересовать*).

Честный 1. Проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный; 2. заслуживающий уважения, безупречный. Данная лексема сопоставляется с производным от него существительным **честность**; ср. (Е. Ройзман: *А в это время наши фондовцы вместе с честными ребятами из тех же органов ловили наркобарыг. / Истина проста как мир – честные люди должны объединяться. / Мы честны – и потому непобедимы*).

Честность в семантическом поле политических речей А. Косинцева соотносится с другим, этимологически родственным словом – **честь**, что значит – достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы; ср. (А. Косинцев: *Честность – это честь. / Наведение порядка – дело чести. / Наведение порядка на*

территории, где я живу, считаю для себя делом **чести**).

Чистый в семантическом поле дискурса Е. Ройзмана выступает во 2 переносном значении: Нравственно безупречный, честный, правдивый; ср. (Е. Ройзман: *Мы показали, что наши намерения чисты*); в дискурсе А. Косинцева реализуется первое, основное значение: освобождённый от грязи, каких-н. наслоений, не имеющий грязи; (А. Косинцев: *В ином случае в центре города снова будет чисто, а наш район опять забудут./ и лишь тогда мы выведем чиновников на чистую воду и вернём деньги в бюджет. / Мы любим наш район. Мы хотим, чтоб он был чистым, уютным и красивым*).

Чистить в речи Е. Ройзмана связано с **чистка**, что значит: освобождение какого-н. учреждения, общественной организации, общества в целом от нежелательных, чуждых элементов; ср. (Е. Ройзман: *Четыре года назад мы увидели, что городу – плохо. И поняли, что если мы сами не начнем борьбу с наркотеррором, нам никто не поможет. Мы начали чистить город. И это нам удалось. / Необходима чистка милицейских рядов*); в речи А. Косинцева реализуется первичное значение: удаляя грязь с поверхности, делать чистым; ср. (А. Косинцев: *Работает сегодня дворник, подмёл улицы, почистил снег – платим, не выполнил свою работу – не платим*).

Выбор языковых средств репрезентации Е.Ройзманом и А. Косинцевым выявляют принадлежность данных языковых личностей к определенной общественной среде – среде интеллигенции. Это люди, несомненно, обладающие одинаковым уровнем образования и духовной культуры, но контекстуальные предпочтения указывают на разность социальных кругов, в которые они погружены. Е. Ройзман – горожанин, стоящий в оппозиции официальным властям, а А. Косинцев – человек в прошлом служивший на благо государства, остающийся близким и готовым помочь этим властям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и

Же Ли

Симферополь

**СЕМАНТИКА КОНЦЕПТА *ТОЛЕРАНТНОСТЬ* И
СПОСОБЫ ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Вторая половина XX–го века для мирового сообщества была периодом больших научных достижений и открытий. Однако при этом заметном прогрессе наш мир, как отмечают ученые, стал более конфликтным, чем раньше. Этот факт приводит сегодня научное сообщество к поиску путей решения конфликтов и мирной организации нашей жизни. Современность самой проблемы толерантности, важной для любого общества, а также необходимость описания ее содержания в коммуникативно-прагматическом контексте обусловили актуальность предлагаемого исследования. К настоящему времени, когда основное понимание данного концепта в языковой картине мира достаточно определилось, возникла необходимость в комплексном подходе представления тех концептуальных моделей, которые позволяют концепту толерантность уверенно занять свое место в системе политических концептов, определяющих мир человека.

Научная новизна исследования заключается в предпринятом расширенном представлении *толерантности* как одной из доминант современного политического дискурса; в комплексном исследовании лексем, репрезентирующих данный концепт и раскрывающих его концептуальную природу; в определении особенностей восприятия и понимания слов, вербализующих различные стороны концепта *толерантность*, носителями русского языка.

Задачи исследования: 1) выявление структуры семантического значения *толерантность* в концептуальной сфере; 2) определение границ и структуры ассоциативного поля *толерантность* с использованием результатов ассоциативного эксперимента.

Являясь концептом межличностной коммуникации, *то-*

лерантность как важная социокультурная характеристика определяет коммуникативное поведение человека. По мнению лингвистов, этот концепт не относится к числу центральных концептов русского сознания, однако интерес к нему объясняется как универсальностью его коммуникативно-психологического содержания, так и важностью описания семантической структуры.

Существуют различные подходы к определению *толерантности*. Так, объектом лингвополитологических дискуссий является вопрос разделения активной и пассивной позиций субъекта: противостоять или терпеть?

Так, Л. М. Романенко, говоря о зарождении этого явления в эпоху античности, описывает его как «признание и уважение прав и свобод человека, которые, несмотря на все различия, должны быть одинаковыми для всех» [Романенко 2002: 180]. Л. М. Дробижина видит в толерантности «готовность принять «других» такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия» [Дробижина 2003: 305]. Другой позиции придерживается С. Г. Ильинская: «Я считаю, что политическая практика терпимости – порождение Нового времени, неразрывно связанное с «изобретением» приватности, и определяю ее как *способ взаимоотношений...*» (курсив мой – Л. Ж.) [Ильинская 2004: 122]. Понятие *толерантность*, по мнению И. А. Долговой, относится к числу концептов-регулятивов, определяющих нормы поведения в обществе, и сопоставим с такими единицами дискурса, как, напр., «честь», «приватность», «пунктуальность», но в отличие от названных концептов он разворачивается, прежде всего, в политическом дискурсе [Долгова 2003: 62].

Таким образом, в современных гуманитарных науках *толерантность* рассматривается в соотношении с феноменом политического насилия, что снимает противоречия при уточнении его дефиниции. Этот подход впервые был отмечен в работах известных философов языка Ю. Хабермаса и Ж. Дерриды [Хабермас 1992].

Сложность концептуальной природы *толерантности* предполагает и неоднозначность семантической структуры концепта.

Известно, что лингвокультурный концепт представляет

собой сегментное образование, в котором базовый чувственный слой окружен несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции. В «Очерках по когнитивной лингвистике» (2001) И. А. Стернин подробно описал модель сегментного концепта *толерантность*, выделив в нём кодирующий образ в чувственно-образном ядре как единицу универсального предметного кода.

Такие когнитивные признаки, как терпимость, сдержанность, бесконфликтность наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта. Этот базовый чувственный слой окружён несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции и различающимися по своему содержанию в соответствии с характером человеческой деятельности. Напр., И. А. Стерниным была отмечена, прежде всего, «политическая *толерантность* как терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения» [Воронова, Стернин. 1999: 63]. Концептуальное поле включает в себя, по мнению ученого, несколько концептуальных слоёв-сегментов, которые отражают развитие концепта и его связи с другими концептами: научная, бытовая, административная, спортивная, медицинская, экономическая *толерантность*. Надо отметить, что такой когнитивный подход позволил объективно отразить смысловое содержание данного понятия в современных словарях энциклопедического типа [Политология 1993: 14], где каждый из описанных сегментов представляет собой систему концептуальных признаков, или «дискретных элементов».

Анализ коммуникативного содержания основных видов *толерантности* позволяет сделать вывод о том, что базовым, эмпирическим уровнем для её формирования является *межличностная толерантность*. Это подтверждается результатами многих лингвокультурологических и психолингвистических исследований, направленных на отражение описываемого концепта в русском сознании [Купина 2001: 10]. Понятийная составляющая, по терминологии В. И. Карасика, в концепте *толерантность* соотносится с образной (заметим, *толерантность* – это всегда конструктивный диалог) и цен-

ностной категориями.

На наш взгляд, важной для современного гражданского общества является актуализация именно ценностного компонента, определяющего активную и позитивную жизненную позицию личности, которая с уважением относится к позициям и интересам людей другой культурной, национальной, религиозной или социальной среды.

В современных научных исследованиях подчеркивается значимость семантики концепта в отражении национальной культуры и национального языкового сознания.

Как любой концепт, *толерантность* представлена в разных языках и культурах неоднозначно. Анализ англоязычных толковых словарей показывает, что центральная часть концепта *толерантность* представляет собой два взаимосвязанных признака: 1) способность определять различия между своей позицией и позицией другого человека или группы людей; 2) способность уважать другого человека или группу других людей, занимающих иную позицию по сравнению с позицией субъекта [Хокинс 2002: 411]. В английском языковом сознании *толерантность* представлена как психологический процесс восприятия чужих мнений и ситуаций, который состоит из двух частей: с одной стороны, определять и понимать чужие мнения и позиции, а с другой – оценивать и уважать их. Как известно, в западной культуре высоко ценят человека, который умеет выразить своё мнение и держать свою позицию до конца. Это считается одним из лучших качеств человека и гарантирует ему успех; для европейцев и американцев быть толерантным можно только в том случае, если ты видишь и слышишь чужие позиции и голоса, а значит – признаешь чужие мнения.

В китайских толковых словарях понятие *толерантность* определяется также в двух значениях: 1) относиться к людям мирно, не строго; 2) уметь прощать [Новый китайский лексический словарь 2000: 513]. Похоже, для китайцев *толерантность* – не простое, а сложное понятие: более того, это важный моральный принцип для индивидуума и этическое правило для общества. Второе значение слова содержит любопытную информацию: не указаны условия прощения, что и вызывает сочувствие и сострадание – необходимые черты

толерантного общества. Не важно, как поступают другие, главное – наблюдать за собой и быть *толерантным*, т.е. быть компромиссным к конфликтным ситуациям и уметь решать их. Подтвердим этот тезис известным китайским афоризмом: «Злу никогда не наступит конец, если мы будем использовать его, чтобы наказать чужое зло». *Толерантность* китайской философии базируется на этико-политическом принципе человеколюбия (ren) конфуцианства [Сидихменов 2003: 144]. Здесь уместно вспомнить фразу Конфуция (Кун Цзы, 551-479 гг. до н. э.): «Если не умеешь терпеть и прощать в мелочах, то можешь испортить большое дело» [Kong qiu: 259]. В основе этой теории – признание человеком Другого равным себе самому – заложены принципы этической догмы. Очень важное замечание сделал К. Г. Красухин в статье «Золотое правило» этики: от Конфуция до Канта (2004): «Конфуций понимал, что вечным правилом человеческих взаимоотношений может быть не абстрактное требование или запрет, но только то предписание, которое обращено к человеку и предоставляет ему свободный выбор» [Красухин 2004: 568]. В другом произведении конфуцианства «Универсальное учение» (Da xue) отмечается: «Если *толерантный* человек станет чиновником, это счастье государства и народа, если же нетерпимый человек станет чиновником, то для всех беда» [Kong qiu: 48-49]. Таким образом, можно сделать вывод, что *толерантность* в китайской культуре играет важную роль, т.к. она является основным содержанием морали человека.

Обратимся к слову *толерантность* в русской лексикографической интерпретации. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова находим основное значение *толерантности* как способность и умение терпеть что-н. чужое, мириться с чужим мнением или характером [Ушаков 2005: 1026]. Этот семантический компонент вербализуется в синонимической цепочке с доминантой «терпимость», что подтверждается материалами как толковых словарей, так и других лексикографических произведений, отражающих парадигматический потенциал исследуемого слова. Как показывает лексикографический анализ, в семантической структуре *толерантности* есть чёткий понятийный компонент: «отсутствие или ослабление реакции на какой-л. неблагоприятный

фактор» [Словарь современных понятий и терминов 2002: 436], который в словарях последнего десятилетия под влиянием экстралингвистических факторов стал фиксироваться с социальной характеристикой. Надо отметить, что при описании культурных концептов в современной практике словарных интерпретаций всё заметнее становится процесс семантического сдвига, т.е. смещение акцента с личностного компонента на социальный и наоборот [Бессонова: 51]. Таким образом, денотативное значение слова *толерантность*, по данным современных лингвистических и энциклопедических словарей, «состоит из нескольких компонентов, которые соотношены с признаками выражаемого в слове понятия и связаны между собой отношениями семантической производности» [Арнольд 1999: 6-7].

Поиск новых путей исследования концептуального поля привёл лингвистов к пониманию необходимости использования ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент, несомненно, является ценным и при понимании индивидуальных особенностей различных культур, поскольку с помощью данного метода можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека. Ассоциативный метод можно рассматривать также как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Уфимцева 2001: 67].

Построение новой ассоциативной парадигмы концептуальной теории позволяет получить информацию о способах концептуализации языка и мира человека, о содержании и структуре концептов как комплексных мыслительных единиц, выявить не только концептуально значимые когнитивные признаки, но и образные, ценностные составляющие концептов [Бессонова 2005: 168].

С целью определения понятия *толерантность* для языкового сознания современного человека и описания его лексических вербализаторов нами был выполнен свободный ассоциативный эксперимент (АЭ). Данные АЭ, проведенного со студентами и преподавателями философского и политологического факультетов (50 чел.), включают 218 ассоциа-

тивных интерпретаций. Эксперимент проводился в письменной форме и состоял из трех этапов. Результаты исследования показывают, что реакции отличаются разнообразными грамматическими признаками: 84% – имена существительные, 6% – наречия, 3% – прилагательные. Такие ассоциативные модели, как любовь к близким, здравый смысл, позитивное отношение и др. составляют 9,6% из общего числа реакций, что говорит о прочном закреплении значения слова в сознании современников. Человек к категории *толерантность* относится далеко не равнодушно, ощущая ее тонко и своеобразно.

Доказательством этого могут служить также и доминирующие реакции на слово *толерантность*, представленные информантами: терпимость (26), уважение (18), взаимопонимание (15), понимание (13). Кроме того, в списке активных словоупотреблений нами зафиксированы «лояльность» (5), «сдержанность» (5), «демократичность» (4), «доброжелательность» (4), «согласие» (4), «солидарность» (4), «спокойствие» (4). Можно сделать вывод, что полученные реакции четко делят ассоциативное поле концепта на две зоны: ядерную и периферийную.

В ядерной зоне фундаментальными понятиями *толерантности* являются «терпимость», «уважение» и «взаимопонимание». Мы обратили внимание на то, что, кроме слов, уже представленных нами, к ядерной зоне относятся также реакции с первым компонентом *взаимо-* композитов *взаимодействие*, *взаимозависимость*, *взаимосвязь*, *взаимопроникновение*, *взаимопомощь*. Поэтому можно сделать вывод о том, что интегральный компонент значения слова *толерантность* – это *взаимоотношение* между субъектами. Любопытно, что в ассоциатах «взаимопонимание» (15) и «понимание» (13), доминирующим является не «терпимость», как это выделяется во многих лексикографических источниках, а «понимание».

Интересное наблюдение сделано нами по возрастной парадигме: 75% реципиентов старше 30 лет дали реакции «взаимопонимание» и «понимание». Студенты же понимали *толерантность* не как *взаимоотношение* между людьми, а как явление и/или результат понимания субъектом объекта.

Поэтому в данной возрастной группе реакция «взаимопонимание» представлена лишь у 16 % информантов.

Итак, на наш взгляд, восприятие понятия *толерантность* зависит как от возрастных, так и социальных различий, что потенциально предполагает развитие семантической структуры слова: семы «терпимость», «понимание», «уважение» являются эксплицитными, а «взаимопонимание», «взаимоуважение» – имплицитными.

В периферийной зоне находят свое отражение положительные личностные (сдержанность, доброжелательность) и социальные качества (демократичность, солидарность), которые связаны с концептом *толерантность*. Из общего количества реакций (218) было выделено 87% (190) определений с положительной оценкой: выдержка, воспитанность, объективность и др.; 10% (22) нейтральных ассоциаций: общество, участие, общая концепция и др.; 3% (6) определений с отрицательной оценкой: кризис, раболепие, симулянт и др. Это позволяет рассматривать категорию *толерантность* как важный этический принцип и идеал современного сообщества. Информанты четко определили, с какими социальными, коммуникативными ситуациями связаны данные качества, и положительно оценили эти характеристики: «возможность и способность воспринимать и уважать чужие взгляды, мнения, терпимое отношение к чужой культуре», «особая характеристика взаимоотношений людей, этносов, наций, определяющая их терпимость и уважение, стремление к взаимопониманию и сотрудничеству между различными сторонами конфликта либо жизненного процесса», «одна из основных особенностей демократии, лояльное отношение одних групп (социальных, в меньшей степени – национальных, этнических, религиозных) к другим».

Выводы. 1. Современное исследование концептов должно проводиться с учетом комплексного подхода, с использованием основных научных методов когнитивных исследований.

2. Лексикографическое описание слова, выявление его денотативных и коннотативных компонентов, установление концептуальных признаков, отражающих ценностное содержание слова, – всё это позволяет определить место имени-

концепта в общей системе культурных и политических концептов.

3. Концепт *толерантность* в языковом сознании современников рассматривается как ценное качество и умение найти в коммуникации важный этический, социальный, политический путь решения конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Научн. редактор Л. Е. Бухаркин. – СПб., 1999. – 444с.

Бессонова Л.Е. Лексикографическое описание политических концептов // Культура народов Причерноморья. – №60. – Т.3.

Бессонова Л. Е. Лексическая репрезентация концепта образование (по материалам ассоциативного эксперимента) // Ученые записки ТНУ. – Т. 18 (57). – 2005. – №2: Филология.

Воронова Т. А., Стернин. И. А. Концепт «толерантность» в русском сознании. <http://tpl1999.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm>.

Долгова И. А. Лингвокультурный концепт «толерантность» // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Н. А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 61-64.

Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003.

Ильинская С. Г. Терпимость и политическое насилие // Полис. Политические исследования, 2004. – №3. – С. 122-126.

Красухин К. Г. «Золотое правило этики: от Конфуция до Канта // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 564-575.

Купина Н. А. Идеологическая толерантность // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докладов международной конференции. – Екатеринбург, 2001.

Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003.

Новый китайский лексический словарь. – Bei jing: «Shang wu», 2000. – 1321 с.

Политология: Энциклопедический словарь/Общ. ред. и сост.: Ю.И.Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерческого университета, 1993. – 431с.

Романенко Л. М. Лики российской толерантности. Размышления участницы симпозиума // Полис. – М. – 2002. – № 6.

Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. / Гл. ред.: А.М. Прохоров. – Т.2. – М., 2000. – 2044с.

Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. – Смоленск: Русич, 2003. – 464с.

Словарь современных понятий и терминов. / Авт.: Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др.; Сост., общ. ред. В. А. Макаренко. – М.: Республика, 2002. – 527с.

Уфимцева Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян// Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 65-71.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. д-ра филол. Наук Татьянченко Н. Ф. – М., 2005

Хабермас. Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992.

Хокинс Дж. М. Новый словарь английского языка Oxford / Дж. М. Хокинс, Э. Делаханти. – М.: ООО «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 480с.

Kong qiu. Lun yu. – Bei fang fu nu e tong chu ban she. – 320с. 22. Da xue. Zhong yong. – Shen yang: Liao ning min zu chu ban she.

© Же, 2007

Журавлева О.Н.

Киров

**ЛУНА КАК ДЕЙСТВУЮЩИЙ ПЕРСОНАЖ
В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
(О МЕТАФОРИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)**

Теория образа автора, разработанная академиком В. В. Виноградовым, способствовала интеграции лингвистики и литературоведения при решении основных вопросов, касающихся изучения языка художественного текста. Образ автора получил статус ведущей категории, являющейся семантико-стилистическим центром произведения. Именно образ автора, по мысли В. В. Виноградова, представляет собой своеобразный стрежень, который организует в единое целое все элементы художественного текста.

Как с лингвистических, так и с литературоведческих позиций очевидно, что писатель проявляется в языке своего

произведения, причем «авторское сознание не слепо копирует с помощью языковых средств реальный мир, а выделяет в нем значимые для него (творческого субъекта) события, свойства, качества и пр., своеобразно комбинируя их и создавая индивидуальную модель действительности» [Бабенко 2000: 106].

Описание природы – пейзажа в целом и отдельных природных реалий, вводимых автором в художественное произведение, в частности – является одним из существенных способов выражения индивидуальной поэтической картины мира. Многоаспектное изучение определенных природных реалий, представленных в тексте художественного произведения, помогает воссоздать языковую картину мира писателя, поскольку, обращаясь к тем или иным реалиям, составляющим фрагмент художественной картины мира, автор, будучи творческой языковой личностью, осваивает окружающую действительность через призму своего поэтического восприятия [см.: Нефедова 2001: 12.]

Анализ текста романа «Мастер и Маргарита» в этой связи позволяет нам утверждать, что образ природы как таковой и изображение отдельных природных реалий занимает особое место к композиционно-речевой структуре произведения и вместе с тем является существенным компонентом поэтической картины мира М. Булгакова. Включая в текст художественного повествования ту или иную реалию, автор демонстрирует свое видение и осмысление этого явления природы. Вместе с тем следует учесть, что описание природных реалий у Булгакова в некоторых случаях может представлять собой понятие гораздо более широкое, чем пейзаж, поскольку отдельные элементы природы в романе «Мастер и Маргарита» являются действующими персонажами: многие из них способны совершать определенные целенаправленные действия (как ограниченные возможностями данной реалии в обыденном представлении, так и выходящие далеко за рамки этих возможностей) – при этом либо помогая людям, либо провоцируя их на неожиданные, как правило, неадекватные поступки, либо косвенно, а иногда и непосредственно, участвуя в построении сюжета произведения (см., в частности, о функционировании в романе природной реалии гроза: [Жу-

равлева 2006: 190-198]).

Следует, однако, заметить, что, вводя в контекст повествования ту или иную природную реалию, М. Булгаков часто подходит к ее описанию достаточно традиционно, не вступая в явные противоречия с обыденными, традиционными представлениями об этой реалии, сложившимися у носителей языка, и прибегая поэтому к использованию общеязыковых метафор – с целью придания художественному тексту образности. Ср.: Женщина <...> увела штору вверх, и в комнату через широкопетлистую и легкую решетку, доходящую до самого пола, хлынуло солнце [МиМ: 400]; <...> и солнце уже снижалось над Лысой Горой, но жар еще был невыносим, и солдаты в обоих оцеплениях страдали от него... [МиМ: 483]; Небо над Москвой как бы выцвело, и совершенно отчетливо была видна в высоте полная луна, но еще не золотая, а белая [МиМ: 359]; Тут в комнату ворвался ветер, так что пламя свечей в канделябрах легло, тяжелая занавеска на окне отодвинулась, распахнулось окно, и в далекой высоте открылась полная, но не утренняя, а полночная луна [МиМ: 589] и др. Как видно из приведенных примеров, многие глагольные лексемы, называющие действия различных природных реалий, хотя и употреблены в тексте романа «Мастер и Маргарита» в переносном значении, но все-таки представляет собой общеязыковые метафоры, использование которых не противоречит бытовому восприятию и пониманию места этих явлений природы в жизни человека.

Но вместе с тем каждый автор, будучи личностью творческой, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представление о мире и свое частное, индивидуальное восприятие [см.: Бабенко 2000: 18]. Творческая личность Булгакова в этой связи находит многообразное выражение в тексте произведения: так, напр., автор отдает явное предпочтение одним природным реалиям над другими, поскольку они, на его взгляд, играют наиболее существенную роль в оформлении и выражении художественного замысла. Анализ текста романа «Мастер и Маргарита» с этой позиции позволяет определить место отдельных природных реалий в композиционно-речевой структуре художественного произведения.

Для создания текстового индивидуально-авторского язы-

кового пространства М. Булгаков при описании природных реалий наряду с узуальными приемами выразительности часто прибегает к употреблению окказиональных образных средств. Напр., изображая природную реалию луна, автор использует глагольные лексемы, прямая номинация которых характеризует действия либо животных (лизать), либо людей (властвовать, играть, шалить, танцевать), либо других природных реалий (разбрызгивать, затоплять) Ср.: Маргарита рванула штору в сторону и села на // подоконник боком, охватив колено руками. Лунный свет лизнул ее с правого бока [МиМ: 538-539]; Луна властвует и играет, луна танцует и шалит [МиМ: 695]; Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич счастливым сном [МиМ: 696]. Во всех приведенных примерах, описывающих деятельность природной реалии луна (лунный свет), имеют место окказиональные глагольные метафоры, анализируя которые, можно, в частности, увидеть художественные приемы изображения природной реалии с позиции индивидуально-авторской особенности восприятия окружающей действительности.

Для рассмотрения особенностей функционирования в тексте той или иной реалии актуальным является, во-первых, анализ образных средств тропеического характера, поскольку именно в словосочетании – носителе тропа – наиболее ярко реализуются индивидуально-авторские ассоциации; с другой стороны, необходимым представляется анализ синтагматических связей слов, называющих наиболее значимые для текста произведения реалии. Такой анализ позволяет выявить авторское видение роли описываемого природного явления в происходящих событиях, а также индивидуальность мировосприятия писателя, ведь, по справедливому замечанию В. В. Виноградова, «строй сознания ярче всего отражается в способе сближения и сочетания слов» [Виноградов 1941: 190]. При анализе образно-языковых особенностей художественного текста следует обратить внимание на характер изобразительных средств, что позволяет определить

«вкусы и характер» творческой личности художника [см. Виноградов 1971: 83], поскольку образная система непосредственно связана с эстетико-философской концепцией автора и является наиболее личностным компонентом стиля и индивидуальной манеры писателя [см.: Тураева 1986: 44].

Особенно интересными в этой связи нам представляются предикатные связи неодушевленных природных реалий, поскольку именно предикаты характеризуют природные процессы с различных точек зрения (время, интенсивность, способ протекания действия, продолжительность и т.п.); кроме того, в глаголах и глагольных формах, обозначающих деятельность неодушевленных природных реалий, находят образные средства, в первую очередь метафоры, которым принадлежит ведущая роль в системе стилистических средств художественной выразительности.

В зависимости от замысла автора изображение природы в произведении может быть пейзажным, панорамным, а может быть сфокусированным на какой-то определенной реалии. Такой фокусировке изображения в романе «Мастер и Маргарита» подверглись, в первую очередь, реалии гроза (и ее составляющие компоненты туча, молния, гром, ливень и т.п.), а также луна и солнце.

Анализ деятельности природной реалии гроза показал, что данная реалья функционирует в произведении вполне целенаправленно, наряду с одушевленными персонажами. Автор, описывая грозу и как явление природы, и как целенаправленно действующего субъекта, сделал ее одним из участников свиты Воланда, наряду с Азазелло, Бегемотом и Геллой [см.: Журавлева 2006: 190-198]. Описание реалии солнце требует отдельного анализа. В рамках данной статьи мы остановимся на особенностях изображения М. Булгаковым природной реалии луна.

К этой реалии писатель обращается на протяжении всего романа. Очевидно, что образ луны играет в произведении чрезвычайно важную роль, причиной чему можно назвать целый ряд обстоятельств. Во-первых, в мифологических и фольклорных традициях, которые находят в романе косвенное отражение, образ луны всегда связывался с оккультными силами и символизировал некое циклическое обновление,

возрождение и в то же время нечто запредельное, недоступное человеческому осознанию и пониманию. Именно в лунные ночи происходят все шабаши ведьм (а в тексте романа – бал сатаны); именно луна, являющаяся повелительницей фантазий и снов, способствует потере рассудка и нереальному восприятию действительности (отсюда термин лунатик; в тексте – персонажи романа теряют рассудок и оказываются в клинике для душевнобольных; причем общение Ивана Бездомного и Мастера всегда происходит в лунном сиянии). Периодическое отсутствие луны на небе, а затем ее новое появление сделали это небесное тело символом перехода от жизни к смерти и от смерти вновь к жизни. В поверьях некоторых народов луна указывает дорогу в загробный мир или сама является местом посмертного обитания праведных душ (в тексте романа – по лунной дороге уходит Понтий Пилат после того, как получает прощение у Иешуа) [о лунной символике см.: Тресиддер 1999: 203-207].

Может быть, поэтому почти каждое значимое событие мистического по своей сущности романа связано с луной.

Так, первое появление Воланда происходит ранним вечером, когда луна только-только зарождается на небосклоне. Ср.: Небо над Москвой как бы выцвело, и совершенно отчетливо была видна луна, но еще не золотая, а белая [МиМ: 359]. В дьявольском предсказании Берлиозу его скорой гибели также упоминается луна, что, видимо, предполагает определенное влияние этого светила на грядущие события. Ср.: [Воланд – вставлено нами. О. Ж.] <...> смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь...» – и громко и радостно объявил: – Вам отрежут голову! [МиМ: 332]. И когда это, казалось бы, нелепое предсказание сбылось, последним, что увидел погибающий под колесами трамвая редактор художественного журнала, был образ луны. Ср.: Тут в мозгу у Берлиоза кто-то отчаянно крикнул: «Неужели?..» Еще раз, и в последний раз, мелькнула луна, но уже разваливаясь на куски, и затем стало темно [МиМ: 363].

Кроме того факта, что под взглядом луны свершились

такие трагические события, ее наличие оказалось обязательным условием проведения бала сатаны, т.е. роль этой природной реалии изначально задается автором как очень значимая и поэтому существенная в пейзажном описании. Ср.: Ежегодно мессир дает один бал. Он называется весенним балом полнолуния, или балом ста королей [МиМ: 557]. В ту ночь, когда проходит бал, луна висит высоко в небе очень долго – дольше, чем ей отведено ночным временем суток, в связи с чем Маргарита, которой после бала вернули Мастера, высказывает свое удивление. Ср.: Тут что-то ее [Маргариту – вставлено нами. О. Ж.] изумило. Она оглянулась на окно, в котором сияла луна, и сказала: – А вот чего я не понимаю... Что же это – все полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро? – Праздничную полночь приятно немного и задержать, – ответил Воланд. – Ну, желаю вам счастья! [МиМ: 597-598].

В романе Мастера о Понтии Пилате гибель Иуды, предавшего Иешуа и спровоцировавшего тем самым месть со стороны прокуратора Иудеи, – произошла также под наблюдением луны. Ср.: [Иуде – вставлено нами. О. Ж.] <...> оказалось, что над Ершалаимом засветились десять невиданных по размерам лампад, спорящих со светилом единственной лампы, которая все выше поднималась над Ершалаимом, – лампы луны [МиМ: 618]. Иуда смотрит на луну, и как бы пересекаясь с ним в пространстве взглядом, долго-долго смотрит на луну прокуратор, отдавший приказание убить предавшего Иешуа человека. Ср.: Огромная луна висела высоко в чистом небе, и прокуратор не сводил с нее глаз в течение нескольких часов [МиМ: 621]; Прокуратор <...> большими глазами стал искать луну и увидел, что она немного отошла в сторону и посеребрилась. Ее свет перебивал неприятный беспокойный свет, играющий на балконе перед самими глазами. В руках у кентуриона Крысобоя пылал и коптил факел [МиМ: 623]. Всю ночь после казни Иешуа луна висела в небе над Ершалаимом и контролировала, отслеживала – с одной лишь ей понятной целью – поступки людей. Во время беседы Понтия Пилата с Левием Матвеем, в ходе которой прокуратор рассказал о свершении приговора в отношении Иуды, луна явилась молчаливым участником диалога

между людьми, переживавшими за судьбу Иешуа. И лишь когда драматичная ночь в Ершалаиме подошла к концу и прокуратор смог заснуть, луна «сдала свой пост» наблюдателя. Ср.: Теперь тишину рассвета нарушал только тихий шум шагов часовых в саду. Луна быстро выцветала, на другом краю неба было видно пятнышко утренней звезды <...> На ложе лежал прокуратор. Подложив руку под щеку, он спал и дышал беззвучно [МиМ: 633]. Во время описываемых событий луна висит в небе, являясь бесстрастным свидетелем людской подлости, трусости, предательства – и мести, наказания.

Казалось бы, луна у Булгакова – просто фонарь, ей все равно, над чем висеть и чему быть свидетелем: над Ершалаимом, где распяли Иешуа, над садом, где убивают Иуду, над спящей Москвой, где правит бал сатана... На первый взгляд, она безразлична к происходящему. Однако это не так: анализируя контекст синтаксических конструкций, субъектом в которых выступает луна, мы убеждаемся, что к разным персонажам романа эта неодушевленная природная реалия способна относиться по-разному, прямо противоположно.

Так, для Ивана Бездомного лунный свет сначала коварен и обманчив. Необычайно взволнованный гибелью Берлиоза, Иван начинает погоню за Воландом и его подручными, но не тут-то было. Луна как бы издевается над этим не верящим в существование Бога человеком, не давая ему возможности как следует разглядеть тех, за кем он охотится. Ср.: На Бронной уже зажигались фонари, а над Патриаршими светила золотая луна, и в лунном, всегда обманчивом свете Ивану Николаевичу показалось, что тот [Воланд – вставлено нами. О. Ж.] стоит, держа под мышкой не трость, а шпагу [МиМ: 364].

Но вместе с тем именно обманчивый лунный свет указал Ивану, предварительно отрекшемуся от Бога, путь к истине, осветив иконку в пустой квартире, куда забежал молодой поэт, сбитый с толку безрезультатной погоней за неуловимым иностранцем и его свитой. Луна становится косвенным проводником Ивана к принятию идеи Бога. Ср.: Один лунный луч, просочившись сквозь пыльное, годами не вытираемое окно, скупо освещал тот угол, где в пыли и паутине висела забытая

икона <...> Никому не известно, какая тут мысль овладела Иваном, но только <...> он присвоил <...> бумажную иконку [МиМ: 368]. И чем дальше, тем настоятельнее луна помогает Ивану постигать истину, являясь постоянным свидетелем бесед потерявшего рассудок поэта с Мастером, создавшим роман об Иешуа. Каждое появление Мастера перед Иваном происходит в таинственном лунном сиянии. Ср.: От подоконника на пол лег зеленоватый платок ночного света, и в нем появился ночной Иванушкин гость, называющий себя мастером... Он сумасшедшее-пугливо косился на огни свечей, а лунный поток кипел вокруг него [МиМ: 589].

В финале романа вся сущность Ивана становится необычайно зависимой от появления луны: в ночь весеннего полнолуния он, ставший уже солидным и уравновешенным человеком, профессором, который, по его собственному убеждению, все знает и понимает, вдруг начинает нервничать, переживать, беспокоиться. Ср.: Не может он [Иван Бездомный – вставлено нами. О. Ж.] совладать с этим весенним полнолунием. Лишь только оно начинает приближаться, лишь только начинает разрастаться и наливаться золотом светило, которое когда-то висело выше двух пятисвечий, становится Иван Николаевич беспокоен, нервничает <...> [МиМ: 693]. Успокаивается бывший поэт лишь после того, как окончательно насытится лунным сиянием, увидев в нем привычные и будоражащие душу картины-воспоминания. Ср.: Маргарита <...> отступает и уходит вместе со своим спутником к луне. Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом [МиМ: 696].

Таким образом, вместе с прозрением Ивана Бездомного как бы меняется отношение к нему небесного светила: от обманчивого, неровного света – до успокаивающего душу яркого лунного наводнения.

Но наиболее очевидной и существенной является связь между луной и Маргаритой, и это неудивительно: в фольклоре и мифологии луна всегда олицетворяла женское начало. Превращение Маргариты в ведьму, ее ведьминские проказы,

полет над ночной Москвой, бал, на котором она является королевой, уход Мастера и Маргариты из Москвы в иной мир – все эти события совершаются в насыщенном лунном сиянии.

Напр., став прекрасной ведьмой, Маргарита захотела посмеяться над подглядывавшим за ней соседом Николаем Ивановичем и разыграла перед ним целый спектакль, рампой в котором являлась луна. Ср.: Маргарита рванула штору в сторону и села на подоконник боком, охватив колено руками. Лунный свет лизнул ее с правого бока. Маргарита подняла голову к луне и сделала задумчивое и поэтическое лицо [МиМ: 538-539].

Решив отомстить критику Латунскому, погубившему творение и рассудок Мастера, Маргарита пробралась в его квартиру и устроила там разгром – опять-таки при молчаливом соучастии луны, которая даже проложила разгневанной женщине дорожку к осуществлению замысла. Ср.: <...> Маргарита поднялась в воздух и через несколько секунд сквозь открытое окно входила в неосвещенную комнату, в которой серебрилась только узенькая дорожка от луны. По ней пробежала Маргарита, нашарила выключатель<...> [МиМ: 543].

Когда же нагая Маргарита в облике ведьмы устраивает бешеный полет, луна относится к ней очень бережно, согревая и обмывая ее обнаженное тело. Ср.: <...> Маргарита увидела, что она наедине с летящей над нею и слева луною. Волосы Маргариты давно уже стояли копной, а лунный свет со свистом обмывал ее тело [МиМ: 547]; Ровное гудение машины, летящей высоко над землей, убаюкивало Маргариту, а лунный свет ее приятно согревал [МиМ: 553].

Именно Маргарите во время ее расставания с земной жизнью обманчивый для подавляющего большинства людей лунный свет раскрыл всю правду о сущности Воланда и его свиты – Коровьева-Фагота, кота Бегемота, Азazelло, которые в лунном сиянии преобразились в рыцаря, юношу-пажа, демона-убийцу. Ср.: Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обман <...> Когда же навстречу им [всадникам – вставлено нами. О. Ж.] из-за края леса начала всходить багровая и полная луна, все обманы исчезли, свалились в болото, утонула в туманах колдовская нестойкая одежда [МиМ: 679].

Луна осветила для Маргариты Понтия Пилата и его верного пса. Ср.: Луна хорошо помогала Маргарите, светила лучше, чем самый лучший электрический фонарь, и Маргарита видела, что сидящий, глаза которого казались слепыми, коротко потирает свои руки и эти самые незрячие глаза вперяет в диск луны. Теперь уж Маргарита видела, что рядом с тяжелым каменным креслом, на котором блестят от луны какие-то искры, лежит темная, громадная остроухая собака и так же, как ее хозяин, беспокойно глядит на луну [МиМ: 681].

Луна предоставила прокуратору дорогу для того, чтобы после прощения Иешуа перейти в иной мир – и все это также видела Маргарита. Ср.: Прямо к этому саду протянулась долгожданная прокуратором лунная дорога, и первым по ней кинулся бежать остроухий пес. Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся с кресла и что-то прокричал хриплым, сорванным голосом. Нельзя было разобрать, плачет он или смеется и что он кричит. Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге стремительно побежал и он [МиМ: 682].

По мнению некоторых исследователей творчества Булгакова, луна в романе является абсолютно безучастной ко всему происходящему либо оказывает только раздражающее, дразнящее воздействие [см.: Золотусский 1991: 162-165]. Как показал наш анализ, такая точка зрения в основном не оправдана: очевидно, что, по замыслу автора, луна принимает непосредственное участие в развитии действия, во многом способствуя тем или иным поведенческим реакциям героев произведения и провоцируя их на определенные поступки; при этом луна способна не только мешать персонажам и обманывать их, но и поддерживать людей, помогать им, относиться к ним весьма благосклонно.

В стремлении представить это небесное светило как активно функционирующий, а не отстраненный и созерцательный персонаж, Булгаков широко использует глагольные лексемы, обозначающие деятельность неодушевленной природной реалии луна. Проанализируем предикативные связи данной реалии.

Для обозначения деятельности субъектов луна, лунный свет, лунная дорога (лента, река, путь) Булгаковым были ис-

пользованы личные, а также причастные и деепричастные формы следующих глаголов: бежать, блеснуть, висеть (3), властвовать, вскипать, всходить, выходить, выцветать, заливать (5), затоплять, заходить, играть, изменить, кипеть, лизнуть, мелькнуть, наливаться (золотом), неистовствовать, нестись, обмывать, обрушивать, освещать, открыться, отойти, перебивать, плыть, подниматься, показаться, помогать, посеребриться, проникать, проплыть, просочиться, разбрызгивать, разваливаться, разливаться, разрастаться, светить (2), серебриться, сиять, согревать, стоять (2), танцевать, тянуться, уйти (3), хлестать, шалить – всего 47 глагольных лексем, большинство из которых представлено лишь по одному разу. Наиболее частотна сочетаемость с глаголами заливать (5), висеть (3), уйти (3).

Если распределить данные глагольные лексемы по семантическим группам, то достаточно четко можно структурировать следующие наиболее общие с точки зрения семантики объединения глаголов:

1) глаголы движения и перемещения (или его отсутствия), ср.: бежать, висеть, всходить, выходить, заходить, нестись, отойти, плыть, подниматься, проплыть, проникать, просочиться, разваливаться, разливаться, разрастаться, стоять, тянуться, уйти;

2) глаголы зрительного восприятия, ср.: блеснуть, вскипать, выцветать, заливать (светом), затоплять (светом), кипеть, мелькнуть, наливаться (золотом), освещать, открыться, показаться, посеребриться, разбрызгивать (свет), светить, серебриться, сиять;

3) глаголы целенаправленного воздействия на объект, ср.: изменить, лизнуть, обмывать, обрушивать, перебивать, помогать, согревать, хлестать;

4) глаголы эмоционального проявления действия, ср.: властвовать, играть, неистовствовать, танцевать, шалить.

Из всех перечисленных лексем в прямом значении употребляются только глаголы освещать, светить, определяемые естественным свойством луны светиться отраженным солнечным светом (ср. словарное толкование лексемы луна: Небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отраженным солнечным светом [МАС Т. 2. 1986: 204]).

Остальная глагольная сочетаемость лексемы луна в романе М. Булгакова носит метафорический характер, что вполне объяснимо: в языковой картине мира, которая закрепила ненаучное представление человека об окружающей действительности, природные реалии, активно влияющие на людей, совершают те или иные действия не сами по себе, а лишь через призму человеческого восприятия. Антропометричность находит выражение в подавляющем большинстве актов речемыслительной деятельности носителя языка. В свою очередь, именно принцип антропометричности, т.е. способности человека соизмерять все новое для него (в том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию, лежит в основе метафоризации значений языковых единиц. Для представителей когнитивной лингвистики метафора является важнейшим источником сведений об организации человеческого мышления и рассматривается как проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления [см.: Чудинов 2001: 33-37].

Существуют принципы, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует предметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях. По антропоцентрическому канону создается та «наивная картина мира», которая находит выражение в самой возможности мыслить явление природы или абстрактные понятия как «опредмеченные» константы, как лица или живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и подобными качественными, динамическими и целостными свойствами.

Исследователи называют метафору одним из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира. Метафора играет роль призмы, через которую язык отражает действительность, т.к. она «способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциация-

ми, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких «оттенков» смысла» [Серебренников 1988: 179].

Многие метафоры, называющие деятельность природной реалии луна, можно рассматривать как узуальные, утратившие образность, – т.е. номинативные. Так, метафорические значения большинства глагольных лексем, входящих в состав первой семантической группы (глаголы движения и перемещения или его отсутствия), находят отражение в словарном толковании и хотя ощущаются как переносные, но окказиональным, индивидуально-авторскими не являются. Ср. функционирование глагольных форм названной семантической группы в следующих примерах: Теперь Иван <...> поглядывал... на луну, выходящую из-за черного бора [МиМ: 429]; <...> b только что вышли во двор, в который не заходила луна, увидели спящего на крыльце <...> [МиМ: 598]; Поворачивая голову вверх и влево, летящая любовалась тем, что луна несется над нею, как сумасшедшая, обратно в Москву и в то же время странным образом стоит на месте, так что отчетливо виден на ней какой-то загадочный, темный – не то дракон, не то конек-горбунок, острой мордой обращенный к покинутому городу [МиМ: 547]; Теперь она [луна – вставлено нами. О. Ж.], цельная, в начале вечера белая, а затем золотая, с темным коньком-драконом, плывет над бывшим поэтом, Иваном Николаевичем, и в то же время стоит на одном месте в своей высоте [МиМ: 692].

В двух последних текстовых отрывках обращает на себя внимание сходство в восприятии луны двумя, казалось бы, мало связанными в рамках произведения персонажами – Маргаритой и Иваном Бездомным. С одной стороны, в высказываниях объединяются противоположные по смыслу характеристики особенностей перемещения луны (луна движется и в то же время стоит); с другой – и Иван, и Маргарита видят на луне одинаковый рисунок, воспринимаемый по-особенному, – как конька-дракона, а не как лицо, которое традиционно наблюдает большинство обывателей, смотрящих на ночное светило... Т.е. можно предположить, что, по замыслу Булгакова, употребившего почти однородные синтаксические кон-

струкции с похожим лексическим наполнением, в конце произведения луна стала почти столь же близка и понятна Ивану, сколь и Маргарите, чьему волшебному превращению в ведьму способствовала вполне сознательно и целенаправленно.

Таким образом, даже при использовании номинативных метафор, фактически утративших образность, М. Булгаков за счет введения выразительного средства – фигуры синтаксического параллелизма – формирует у читателя аналогию при оценке и осмыслении двух почти не связанных между собой в рамках произведения персонажей; т.е. оценочность метафоры как образного средства здесь усиливается дополнительным авторским приемом.

В семантической группе глаголов зрительного восприятия можно выделить три подгруппы:

а) глаголы, непосредственно называющие функции неодушевленной природной реалии: освещать, светить, сиять. Ср.: Один лунный луч, просочившись сквозь пыльное, годами не вытираемое окно, скупо освещал тот угол, где в пыли и паутине висела забытая икона... [МиМ: 368]; Над Бронной уже зажигались фонари, а над Патриаршими светила золотая луна... [МиМ: 364] и др.;

б) глаголы со значением приобретения и изменения цвета природной реалией: выцветать, наливаться (золотом), посеребриться, серебриться. Ср.: Луна быстро выцветала, на другом краю неба было видно беловатое пятнышко утренней звезды [МиМ: 633]; <...> прокуратор <...> больными глазами стал искать луну и увидел, что она немного отошла в сторону и посеребрилась [МиМ: 623] и др.;

в) глаголы со значением особенностей индивидуального восприятия одушевленными персонажами природной реалии и ее свечения: блеснуть, вскипать, заливать (светом), затоплять (светом), кипеть, мелькнуть, разбрызгивать (свет). Ср.: Тогда луна <...> разбрызгивает свет во все стороны..., свет качается, поднимается выше, затопляет постель [МиМ: 696]; Он [мастер – вставлено нами. О. Ж.] сумасшедше-пугливо косился на огни свечей, а лунный поток кипел вокруг него [МиМ: 589] и др.

Лексемы первой подгруппы глаголов зрительного вос-

приятия в основном употреблены в прямой номинации. Высказывания с лексическими единицами двух других семантических подгрупп можно отнести к образным метафорам, основанным на особенностях восприятия человеком окружающего мира (в частности, при помощи органа зрения). Целью использования этого типа метафоры, как правило, является стремление автора эмоционально насытить произведение и вместе с тем донести до читателя чувства отдельных персонажей и индивидуальные особенности восприятия ими окружающего мира в целом и значимых в рамках повествования природных реалий в частности.

Окказиональные, художественные метафоры, которые играют наиболее существенную роль в выражении образа автора в тексте произведения, в основном представлены лексемами третьей и четвертой семантических групп (глаголы целенаправленного воздействия на объект и глаголы эмоционального проявления действия). Их правомерно отнести к когнитивным метафорам, основанным на выделении в объекте «признаков, уподобляемых признакам, присущим другому классу предметов» [ЛЭС 1990: 296]. По замыслу автора, неодушевленной природной реалии приписываются действия живого существа; во многих случаях мы имеем дело с олицетворением как разновидностью когнитивной метафоры. В таких высказываниях действия, совершаемые луной и лунным светом, в прямой номинации могут быть присущи только человеку как целенаправленно действующему субъекту. Ср.: Сбоку всех летел, блестя сталью доспехов, Азazelло. Луна изменила и его лицо [МиМ: 680]; Луна хорошо помогала Маргарите <...> [МиМ: 681]; Луна властвует и играет, луна танцует и шалит [МиМ: 695]; Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана <...> [МиМ: 696]. Олицетворение является традиционным приемом фольклора, что в очередной раз указывает на тесную связь текстовых особенностей, характерных для описания Булгаковым луны как действующего персонажа, с фольклорными традициями и мифологией.

В заключении романа луна начинает вести себя чрезвычайно активно (что ранее наблюдалось только в эпизодах, прослеживающих сюжетную линию Маргариты); из сторонне-

го наблюдателя она превращается в полноправный действующий персонаж – участника всех происходящих в Москве событий. В лунном сиянии покидают Москву Воланд и его свита. Под наблюдением луны и по лунной дороге уходит Понтий Пилат – таким образом, луна объединяет между собой персонажей различных произведений: романа Мастера о прокураторе Иудее и непосредственно Мастера и Маргариту. Именно свет луны впоследствии не дает угаснуть воспоминаниям о пребывании в советской России дьявола и его свиты, возвращая невольных участников пережитых событий к тем мыслям и эмоциям, которые им довелось ощутить в те памятные ночи...

Таким образом, наряду с неодушевленной природной реалией гроза природная реалія луна по воле автора не только воспринимается нами как целенаправленно действующий персонаж, но и одновременно осмысливается как своеобразный соучастник пребывания в Москве сатаны и воплощения его хитроумных замыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита / Избранные сочинения: В 3 т. Т. 2. – М.-СПб., Кристалл, 1997.

Бабенко, Л. Г., Васильев, И. Е., Казарин, Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург, 2000.

Виноградов, В. В. О теории художественной речи. – М., 1971.

Виноградов, В. В. Стиль Пушкина. – М., 1941.

Журавлева, О. Н. Гроза в свите Воланда // в сб.: Политическая лингвистика. Вып. 20. / Уральский гос. пед. ун-т; Главный ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2006. – 303 с. – С. 190 – 198.

Золотусский, И. Заметки о двух романах Булгакова // Литературная учеба. Кн. 2. – М., 1991. – С. 147-165.

Серебренников, Б. А., Кубрякова, Е. С., Постовалова, В. И., Телия, В. Н., Уфимцева, А. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988

Нефедова, С. Н. Образ природы как компонент поэтической модели мира (на материале произведений В. М. Шукшина) // Дис. ... канд. филол. наук. – Северодвинск, 2001. – 172 с.

Тресиддер, Д. Словарь символов. – М., 1999. – 448 с.

Тураева, З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). – М., 1986. – 127 с.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

© Журавлева О.Н., 2007

Каримова Р.Х.,

Стерлитамак

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «ТРУД»

(в немецком и русском языковом сознании)

В последние десятилетия в лингвистике прочное место занимает когнитивный метод исследования. Центральным понятием когнитивной лингвистики является концепт, который является также базовой единицей лингвокультурологии. Анализируемый нами концепт «труд» представляется исследователями как многоуровневый **лингвокультурный** концепт, поскольку рассматривается в плане содержания как вербализованный культурный смысл.

Стернин И.А. выделяет в структуре концепта базовый слой и дополнительные когнитивные признаки. Е.С. Кубрякова представляет концепт как единицу ментального лексикона. При таком понимании понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления, которые отражают содержание всей человеческой деятельности в виде неких «квантов» знания [Кубрякова 1996: 90]. Ю.С. Степанов трактует концепт как трехмерное образование и выделяет в его структуре три компонента: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительные, пассивные признаки; 3) внутреннюю форму. Представители воронежской школы когнитивистики В.Н. Карасик и С.Г. Воркачëв выделяют понятийный, образный и ценностный [Карасик 2004: 109; Воркачëв 2004: 7].

В свете теории когнитологии исследователи считают возможным рассматривать структуру значения слова как отражение в человеческом сознании объектов действительности и их отношений. При таком понимании лексическое значение видится нам как передающее разные типы значений и человеческого опыта. Опыт опирается на выявление этих типов знаний, необходимых в процессе общения и заложенных в структуре значений слов. С когнитивной точки зрения, лек-

сическое значение слова представляет собой своего рода фрейм, включающий в себя ситуацию, в которой может быть использована та или иная языковая единица.

Подобный подход применим при сопоставлении языков, т.к. позволяет выявить существенные черты сходства и различия в процессе их использования. В связи с вышесказанным, целью данной статьи является описание понятийного компонента в структуре концепта «труд» в русском и немецком языковом сознании.

Понятийный компонент концепта «труд» в русском языке вербализован ключевыми словами-репрезентами: «работа», «ремесло», «дело», «занятие», «деятельность». Ключевые слова-синонимы «работа-труд» различаются Ю.Д. Апресяном по следующим смысловым признакам: 1) характер деятельности (труд – более творческая деятельность, чем работа); 2) масштаб задачи и количество потраченных усилий; 3) представление деятельности как разворачивающегося во времени процесса; 4) смысловые акценты (в **работе** на первом плане содержание, результат, а в **труде** – усилия); 5) оценка труда (для **работы** характерна как положительная, так и отрицательная оценка); 6) возможность абстрактных и персонафицированных употреблений (у **труда** есть, у **работы** нет) [Апресян 1999: 308-309].

Ю.Д. Апресян отмечает, что трудом может быть названа только та деятельность, которую не только говорящий, но и слушающий рассматривает как полезную [Апресян 1999].

В качестве общего признака в словаре указывается, что и работой, и трудом может называться только такая деятельность, которая требует усилий. Различие заключается в том, что труд в целом указывает на большее напряжение сил, ср. *тяжелый, изнурительный труд*.

Для более полного описания концепта «труд» считаем необходимым рассмотреть антонимы к ключевому слову «труд». Автор словаря антонимов приводит следующие антонимичные пары: «дело – безделье», «дело – праздность», «труд – лень», «труд – безделье», «труд – праздность», «работа – безделье», «работа – праздность», «работа – бездеятельность», «трудоблюе – лень», «труженик – бездельник», «труженик – лодырь» и др. Представленные лексемы отли-

чаются высокой частотностью в паремиологическом фонде русского языка, ср. рус. *леность наводит на бедность; праздность – мать всех пороков; лень без соли щи хлебает; у него лень за пазухой гнездо свила; кто труда не боится, того лень сторонится.*

В представлении многих народов не является ценностью труд бесполезный, не приносящий результатов, слишком изнурительный труд, ср. *египетский труд, труд Пенелопы, Сизифов труд, мартышкин труд, работа Данаид.*

Отметим, что происхождение слова «труд» возвращает нас к теме мученичества, ср. и.-евр. **treud* «давить», «тискать», «мять», «защемлять», «толкать», «мучить», «томить», «утомлять» – все от и.-евр. **ter* «тереть» [Топоров 1995: 704]. В связи с этим труд человека рассматривается В.Н. Топоровым как сложный опыт контакта человека с миром, совокупность всех препятствий, мучений, ведущих через страдания к смерти, но при преодолении их – к вечной жизни [там же: 704]. Автор видит глубокий внутренний смысл в корне **ter*, символизирующем три мира: нижний, средний и верхний, т.е. преисподнюю, жизнь и вечную жизнь или три состояния: смерть, временная жизнь, вечная жизнь.

Согласно данным историко-этимологического словаря современного русского языка [ЭССРЯ 1999: 92], древнерусское «работа, робота» (с XI века) имело следующие значения: 1) «рабство», «неволя»; 2) «служение»; 3) «труд», «работа», отсюда «работати»: 1) «находиться в рабстве»; 2) «служить»; 3) «трудиться». С течением времени (после XVII века) слово «работа» получило в общерусском языке постоянную форму с *а* после *р* и устойчивое значение: «трудовая деятельность», «труд», образовано с помощью суффикса *-от-* а от корня **arb*.

В.И. Даль указывает в своем словаре на следующие устаревшие значения: 1) «быть в рабстве»; 2) «болезнь, хворь, хвороба, недуг» и др. [Даль 1980: 436]. Восприятие труда как болезни связано с представлением о труде как тяжелой утомительной деятельности, которая может привести к болезни, ср. русск. *от работы и лошади дохнут; от трудов своих не будешь богат, а будешь горбат.*

Понятийная составляющая концепта «труд» структури-

рована в различных номинативных реализациях: именах свойств, именах действий, именах лиц, видах деятельности, видах и способах заработков, во ФЕ, пословицах и поговорках. Имена свойств позволяют выявить такие концептуальные признаки, как усердие, прилежание, рвение, ретивость, рьяность, лень, халатность, беспечность, добросовестность, небрежность, расторопность, проворность, медлительность, мешкотность (разг.), копотливость, прыть (разг.). Концептуальный признак «недобросовестность» реализуется в лексемах-репрезентантах: *халыва* (неодобр. прост.), *халтура* (разг.), *ляпа* (неодобр. молод.), *лажа* (фам. молод.); признак «тяжелый физический труд»: *маста* (неодобр. диал.), *пáхота* (неодобр. общеупотр.), *зажарка* (фам. диал.), *запарка* (неодобр. общеупотр.), *горбилово* (прост. угол.). Наиболее многочисленно актуализированы имена лиц, более богато вербализованные имена деятелей со знаком «—». Так, для обозначения ленивого человека выявлены лексемы с пометами: *неодобр.*, *фам.*, *прост.*, *молод.*, *презр.*, ср. *сачок*, *баклан*, *ишак*, *неумеха*, *ленчик*, *охламон*, *увалень*, *филон*, среди них отмечены диалектные слова, ср. *полкан* (о человеке, который слоняется без дела), *белохвостка*, *злыдень*, *кила*, *лыдачий*, *безделюга*, *брындала*. Неквалифицированного работника из приезжих называют «лимита», измотанного работой, уставшего человека — «пластом», в отношении делового, занятого человека употребляют фразеологизмы: «деловая колбаса, деловая плюшка». О деловой предприимчивой женщине говорят: «ваза» (фам. молод.), о старательной, работающей женщине — «попылюшка», сезонного рабочего, выполняющего по договору строительные или ремонтные работы, называют «шабашником». Дополняют описание концепта лексемы, указывающие на виды заработка; ср. *шабашка*, *халтурка*, *халтура*, *аванец*, *жировка* (документ о зарплате), *калым*, *зарубка*, *аккорд*. В нравственном аспекте труд представляется одной из целей жизни человека, поэтому трудолюбие в русском языковом сознании было источником божьей благодати, а лень входила в противоречие с православной этикой, ср. *Бог труды любит*, нем. *Arbeit ist des Lebens Würze*. В связи с этим С.Н. Толстая отмечает, что лексема «труд» «покрывает своей семантикой весь жизненный путь человека —

от рождения в трудах и муках» [Толстая 1998: 27]. Вспомним стихи Н. Некрасова: *Праздник жизни – молодости годы – / Я убил под тяжестью труда./ И поэтом, баловнем свободы, / Другом лени – не был никогда.*

Общегерманское слово *ar(ə)beit*, др.-в.-нем. *ar(a)beit*, *vom. arbaihs*, англ. *aerfode*, вероятно, образовано от вышедшего из употребления глагола *verwaist sein* со значением 'быть сиротой, ребенком, нанятым для тяжелой физической работы' (ср. в связи с этим этимологию русского слова «раб», означавшего 'сирота, осиротелый'). Глагол *verwaist sein* является производным от индогерманского *orbho-s* со значением *verwaist*. Слово *orbho-s* является родственным славянской группе от польского *robota*. До верхненемецкого периода слово *Arbeit* означало тяжелое физическое напряжение, тягостный труд, мучения, хлопоты. Смысловый оттенок моральной оценки был изменен в учении М. Лютера. В изменении значения слова М. Лютер следовал значимости работы, которая имела свое отражение в этике рыцарства и средневековой мистике. В результате этого влияния слово *Arbeit* потеряло пренебрежительное значение «недостойная, тягостная деятельность». В современном немецком языке лексема *Arbeit* означает целесообразную занятость и профессиональную деятельность [Herkunftswörterbuch 1997: 32].

Базовый слой концепта «труд» представлен в немецком языке ключевыми словами: *Arbeit*, *Handwerk*, *Tätigkeit*, *Beschäftigung*. Базовыми лексемами с положительной оценкой труда являются: *Übereifer*, *Strebsamkeit*, *Strapaze*, *Schaffensdrang*, *Schaffenselon*, *Dienstlohn*, *Eiter*, *Geschick* в значении 'трудолюбивый, ловкость, мастерство, сноровка, умение', *Eifrigkeit*, *Emsigkeit*, *Geflissenheit*, *Tüchtigkeit*, *Überfleiß*, *Bienenfleiß*, *Bravheit*. Большинство анализируемых лексем указывают на различные характеристики труда как физической деятельности: *Übereifer*, *Überfleiß*, *Eifer*, *Eifrigkeit*, *Bravheit* (усердие), *Diensteiter* (рвение), *Tüchtigkeit*, *Geflissenheit*, *Geschick* в значении 'старательность, сноровка, умение'. Ряд существительных характеризуют различные виды работы, с дополнительными признаками незавершенности, трудности ее выполнения, кропотливости и т.д., ср. *Stückwerk* (незавершенная работа, также *Knaupelei* с допол-

нительным значением 'нудная работа'), *Feinarbeit* (тонкая, точная работа), *Drahtarbeit* (филигранная работа), *Schonarbeit* (более легкая работа), *Herrenarbeit* (ирон. 'легкая работа'). В последней лексеме значение слова мотивировано компонентом *Herren*, имеющем значение 'господин', указывающим на труд, не требующий физических усилий. Дополняют базовый слой лексические единицы с разговорной окраской, ср. *Riesenarbeit* (титанический труд), *Riesenanstrengung* (огромное усердие), в которых полупрефикс *Riese* придает названным лексемам экспрессивно-оценочное значение. К ним примыкает субстантив *Fachsimpelei* со значением 'разговоры на узкоспециальные темы'. Базовую вербализацию концепта «труд», на наш взгляд, осуществляют следующие лексемы: *Tüftelarbeit* (кропотливая работа), *Akkordarbeit* (сдельная работа), *Wertarbeit*, *Überstundenarbeit* (сверхурочная работа), *Lohnarbeit* (наемный труд), *Fronarbeit* (истор. 'подневольный барщинный труд'), *Mühsal* (тягостный труд). Отрицательной коннотацией и разговорной окраской обладает субстантив *Broterwerb* (выгодная работа ~ хлебное дело). Содержание концепта вербализуется концептуальными признаками «халатность, небрежность». Последние структурированы следующими лексемами-репрезентами: *Fahlässigkeit*, *Liederlichkeit*, *Saumsal*, *Geschlämp*, *Schlendrian*, *Hudelei*, *Wurstelei*, *Lottern*, *Nachlässigkeit*. Суффикс существительных женского рода *-ei* указывает на свойства, внутренние состояния человека, большей частью с оттенком осуждения, пренебрежения при основах глаголов (ср. нем. *hudeln* 'небрежно, халтурно работать', *lottern* – 'бездельничать', *wursteln* – 'работать кое-как'). Лексемы с суффиксом *-keit* указывают на отрицательные действия человека при основах прилагательных с суффиксами *-lich* и *-ig*.

Базовый слой концепта «труд» включает концептуальный признак «нерешительность, медлительность», объективирующий установку, что недостойно человека быть медлительным, нерешительным. Признак «медлительность» активизируется в немецком языке следующими лексемами: *Gezauder*, *Lässigkeit*, *Bummelei*, *Trägheit*, *Zaghftigkeit*, *Zauder* (*Zauderei*), *Fackerei*, *Druckseriei*, *Trölerei*, *Märerai*, *Tröderei*.

Отметим, что признаки и свойства с положительной

оценкой труда более слабо структурированы. Наиболее ярко анализируемый концепт объективируется такими признаками как: «тяжелый физический труд», «халтурная работа», «халатность, небрежность», «праздность, безделье», «кропотливый труд», «легкий труд, «подневольный труд». По мнению В.И. Топорова, «труд прежде всего труден и мучителен» [Топоров 1995: 704]. В подтверждение сказанного приведем базовые лексемы, вербализующие концептуальный признак «тяжелый физический труд»: *Schweinearbeit, Eselarbeit, Pferdearbeit, Hundearbeit, Sauarbeit, Heidenarbeit (разг.), Tretmühle, Rackerei, Mordsarbeit, Magdarbeit, Magddienst, Knechtesarbeit, Schinderei, Schmutzerei*. Субстантивы *Schweinearbeit, Pferdearbeit, Hundearbeit, Sauarbeit* по способу словообразования относятся к композитам, образованным по модели: «зооним + существительное». Лексема *Pferdearbeit* означает 'каторжная, тяжелая работа', значение слова мотивировано сходством с работой, выполняемой лошастью. (нем. *Pferd* 'лошадь'). Лексема *Eselarbeit* употребляется для характеристики изнурительного труда, который выполняется выносливым животным (нем. *Esel* 'осел'). Лексемы *Schweinearbeit, Sauarbeit* указывают на грязную работу, что мотивировано наличием зоонимов *Schwein, Sau*, в номинации которых отразились повадки данных животных. Лексема *Heidenarbeit* указывает на тяжелую работу. Значение слова мотивируется компонентом *Heiden*, который придает существительным экспрессивно-оценочное усилительное значение (с разговорной окраской). Лексема *Hundearbeit* с пометой *разг.* указывает на каторжный труд, компонент *Hunde* придает существительным экспрессивно-оценочное уничижительное значение.

Ключевые лексемы, объективирующие признак «халатность, небрежность» в современном немецком языке могут выстраиваться в синонимический ряд: *Hudelei, Wurstelei, Lotterei, Geschlämpe, Saumsal, Liederlichkeit, Nachlässigkeit, Fahrlässigkeit, Schlendrian*.

Базовые лексемы, вербализующие концептуальный признак «культурная работа», могут распределяться в словообразовательные модели: композит, префиксальная модель, суффиксальная модель. Композиты представлены четырьмя

базовыми словами: *Pfuscharbeit*, *Schlauderarbeit*, *Schundarbeit*, *Machwerk* (ср. нем. *Schund* – старье, хлам, халтура; *Pfus* – халтура). Лексемы с префиксом *ei*, объективирующие признак «халтурная работа», выстраиваются в синонимический ряд: *Stümperei*, *Prudelei* (диал.), *Schinderei*, *Schlamperei*, *Pfuscherlei* (разг.), *Hudelei* (разг.). Существительные *Gestümper*, *Gehudel* образованы от глагольных основ по префиксальной модели, префикс *Ge-* придает названным лексемам значение собирательности.

Разнообразием словообразовательных моделей отличается концептуальный признак «праздность, безделье». Лексемы, вербализующие концепт «труд», указывающие по своей семантике на отрицательное отношение к безделью, могут распределяться по трем группам: композиты, дериваты при глагольных основах и фразеологические дериваты. Отметим, что все анализируемые лексемы имеют отрицательную коннотацию. Наиболее частотным является существительное *Leben*, ср. *Bummelleben*, *Luderleben*, *Lotterleben*. Лексемы *Unfleiß* и *Nichtstun* мотивированы наличием префикса с отрицательным значением *un* и компонентом *nicht* (ср. нем. *nichts* – ничего). Существительное *Faulfieber* образовано по модели «прилагательное + существительное». Лексемы *Bärenhäuterei*, *Drückerei*, *Drückebergerei*, *Blaumachen* относятся к фразеологическим дериватам. Существительное *Blaumachen* имеет давнее происхождение. Исследователи объясняют цветообозначение *blau* в составе этого слова тем, что в дни после карнавала кирхи украшали сукном.

Как отмечает И.А. Стернин, содержание концепта может выявляться в разных номинативных реализациях. В связи с этим рассмотрим имена деятелей, характеризующих отношение человека к труду. Отметим, что большинство анализируемых базовых лексем имеет разговорную окраску. Словообразовательный анализ имен деятелей позволяет распределить их на основные группы: единицы с полусуффиксами, композиты, фразеологические дериваты. Наиболее многочисленной является группа имен деятелей, относящихся к отглагольным существительным с деантропонимическими суффиксами. Так, в субстантивах *Trödelfritze*, *Trödelbuxe*, *Drückeberger* полусуффикс *-fritze* служит для обозначения

лиц, обладающих отрицательными качествами с оттенком иронии, осуждения; полусуффикс *-berger* служит для обозначение лиц, обладающих определенными чертами характера при основах глаголов и прилагательных. К этой же группе отнесем субстантивы, образованные от основы глаголов, обозначающих поведение человека, ср. *Bummelsteffen*, *Bummelliese*, *Bummelfritze*, *Bummelheini*, *Nölsuse*, *Nölpeter*, *Nölliese*. Перечисленные субстантивы могут выстреливаться в синонимический ряд, реализующий признак «медлительность, копание». Композиты представлены среди имен деятелей следующими лексемами: *Aktenmensch* (чинуша), *Büromensch* (бюрократ), *Lumpenkerl* (бездельник, негодяй), *Arbeitstier* (пренебр. 'рабочая лошадь, ишак'), *Faultier* (бран. 'лентяй, лежебока, лодырь'), *Lotterbube* (устар. 'лодырь, бездельник'). Лексема *Erzbummler*, обозначающая неисправного прогульщика, относится к суффиксально-префиксальной модели, префикс которой *Erz-* придает существительным усилительное значение и служит для обозначения лиц с отрицательными качествами. Полусуффикс *-mensch* служит для обозначения лиц, обладающих положительными и отрицательными качествами, полусуффикс *-tier* – для обозначения лиц, характеризующихся определенными качествами с оттенком пренебрежения при основах существительных.

Как мы видим, исследуемый концепт является многоаспектным и многослойным. Проведенное исследование понятийного компонента концепта «труд» в русском и немецком языках позволило обнаружить в целом сходные концептуальные признаки. Привлечение для анализа диалектных и фразеологических словарей поможет исследователю более полно описать периферию структуры концепта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большой немецко-русский словарь: В 3 т. / Под общ. ред. О.И. Москальской. – М.: Русский язык, 1999.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.

Даль В.И, Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1998.

Duden. Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache bearbeitet von G. Drosdowski. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich –

Dudenverlag, 1997.

Историко-этимологический современный словарь русского языка. – В 9 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. П.А. Новикова. 7-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ ПРЕСС. КНИГА, 2002.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Яз. рус. культуры, 2000.

Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурашов и др. по рук. М.Д. Степановой. – М., 1979.

Словарь современного русского города – М., 2003.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М, 2001. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2001. – С. 58-65.

Толстая С.М. Труд и мука // Язык. Африка. Румбе: Сб. науч. статей в честь А.И. Коваль. – СПб., 1998.

Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М, 1995.

© Каримова Р.Х., 2007

Красильникова Н. А.

Екатеринбург

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА И КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Сегодня в свете активного развития международных отношений в мире политики, экономики и культуры, а также благодаря появившейся возможности путешествовать и отдыхать за рубежом, выезжать за границу в командировки и по программам обмена расширение области знаний, получаемых на уроках иностранного языка, стало очевидной необходимостью.

В языке как в зеркале культуры отражается мир вокруг человека, общественное самосознание народа, его менталитет, образ жизни, система ценностей и мировоззрение. По-

этому особое внимание в современном языкознании получает теория межкультурной коммуникации, созданная после Второй Мировой войны в США в целях оптимизации взаимопонимания между народами различных стран. В конце XX века в науке окончательно утверждается антропологическая парадигма, в рамках которой человек рассматривается как носитель определенного национального менталитета, т.е. как личность, обладающая своеобразными характеристиками восприятия и понимания действительности, которые определяются совокупностью когнитивных стереотипов нации.

Человек всегда находится под влиянием своей национальной культуры. Всестороннее влияние культуры на личность определяет как лингвистические, так и психологические аспекты общения, облегчая общение носителей одной и той же культуры и затрудняя общение носителей разных культур. Следовательно, каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что слова отражают иностранный мир и иностранную культуру: за иностранными словами стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире [Тер-Минасова 2004: 30].

Так, американец при виде разбогатевшего человека думает: «богатый – значит умный», а в душе русского человека рождается подозрение «богатый – значит вор». Американцы понимают «новый» в смысле «улучшенный, лучший», а для русских «новый» звучит как «непроверенный».

Менталитет как совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности, соединяет аналитическое мышление, развитые формы сознания с полусознанными культурными шифрами [Дашковский: <http://>].

Вопросы ментальности связывают оппозиции – природное и культурное, эмоциональное и рассудочное, «свои» и «чужие», иррациональное и рациональное, индивидуальное и общественное и пр. Напр., в западной культуре существует понятие «человек – хозяин вселенной» и нас не удивляет факт существования в английском языке множества слов,

имеющих приставку self- (сам) – self-esteem, self-education, даже self-made man (человек, сделавший себя сам), что означает, что человек добился многих успехов вследствие работы над собой и над совершенствованием мира вокруг себя. В восточных культурах понятия «человек – властелин природы» не существует, в них преобладает более гармоничное сосуществование человека с внешним миром. В языках таких культур мы не встретим слова «я», написанного с заглавной буквы.

Другим примером соотношения языка со структурой мышления и способом познания внешнего мира у разных народов является понятие времени. Для японца «пунктуальность» означает прибыть на встречу за десять минут до встречи, для немца – точно в назначенное время, для итальянца – опоздать минут на двадцать.

Разница установок национальных менталитетов и особенностей мировосприятия часто приводит к конфликту культур. Многочисленные наглядные примеры этого явления приводит С. Г. Тер-Минасова. Один из них: итальянская семья усыновила чернобыльского мальчика; ночью в посольстве Украины в Риме позвонила взволнованная женщина и сообщила, что никак не может уложить ребенка спать, он кричит, плачет и будит соседей. На помощь им отправили переводчицу из посольства, которой мальчик объяснил: «Я хочу спать, а они надевают на меня костюм!» Выяснилось, что в его культуре не было пижам и ложиться спать для него означало раздеваться [Тер-Минасова 2004: 24].

Конфликт культур проявляется и непосредственно в сфере образования. Так, для студентов из Азии русский стиль преподавания, громкое, уверенное произношение слов, позволяющее сделать речь педагога понятной и слышимой во всех уголках класса, считается неприемлемым и оскорбительным, т.к. они привыкли к иным фонетическим и риторическим параметрам [Тер-Минасова 2004: 24].

Интересно заметить, что особенности национальных менталитетов обнаруживаются не только при сопоставлении западной и восточной цивилизаций, – даже единство языка не является показателем идентичности установок национальных менталитетов родственных народов. Напр., аген-

тивность американцев и созерцательность англичан по отношению к окружающей среде определяют и их отношение к человеку. Открытость и эмоциональность американца часто разбиваются о камень рационального соблюдения личного пространства англичанина. Отсюда и часто возникающее непонимание между двумя англо-говорящими народами.

Таким образом, два национальных менталитета никогда не совпадают полностью. Изучение особенностей национальных менталитетов позволяет найти ответы на многие вопросы межкультурной коммуникации. Однако здесь существуют определенные сложности, обусловленные природой человека.

Во-первых, неоднозначную роль в процессе коммуникации и изучении менталитетов ее участников играют стереотипные представления. Людям свойственно придерживаться своих стереотипов, несмотря на противоречащую им действительность, поэтому в ситуации межкультурных контактов важно уметь осознавать и уметь отказываться от стереотипов перед фактом их несоответствия реальной действительности [Грушевицкая 2003: 218].

Этнические стереотипы отражают обобщенные представления о характерных чертах народа. Согласно исследованию В. В. Панина языковое выражение получают этнические стереотипы. Напр., в английском языке некоторые названия национальностей в результате вторичной номинации приобрели переносные значения, в которых проявляется стереотипное отношение к представителям этих этносов: Chinese—*амер. сл.* “сделанный шиворот-навыворот, неудачный”, to Jew—“торговаться, мошенничать”, Scotch—*амер. разг.* “скупой, прижимистый”, Turk—“грубый человек, тиран” [Панин 2001: [http](http://)].

Часто этнические стереотипы выражаются в языке в виде прозвищ:

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПРОЗВИЩАХ			
цвет кожи	форма губ, носа, глаз	одежда	гастрономические пристрастия
brownskin, charcoal, crow,	broad-nose,	blue-bonnet,	chili-eater, pepper, taco-eater, enchilada-

darky, <i>амер. негр</i>	thicklips, wooly-head <i>амер. негр</i>	kiltie <i>шотландец</i>	eater <i>мексиканец</i>
			motza <i>еврей</i> (название пасхального хлеба у евреев);
chalk, pale, lily-white, <i>белый американец</i>	hook-nose, eagle-beak <i>еврей</i>	blanket-indian <i>индеец</i>	lime-juicer <i>англичанин</i> (сок лайма традиционно подавался к столу на английских кораблях);
red, red-skin <i>индеец</i>	almond-eye, squint-eyed <i>выходец из Вост. Азии</i>	cloak-and-suiter <i>еврей</i>	frog, frog-eater <i>француз</i> ;
			hans-wurst, sauerkraut, sausage <i>немец</i> ;
yellow-belly, yellow man <i>китаец, японец</i>		wooden-shoe <i>голландец</i>	potato-eater <i>ирландец</i> ;
			rice-belly <i>китаец</i> ; macaroni, spaghetti <i>итальянец</i>

Во-вторых, затрудняет исследование национальных особенностей свойственная человеку субъективная оценка «чужого». Знакомясь с другими культурами, мы понимаем, что их представители иначе реагируют на внешний мир, у них свои системы ценностей и нормы поведения. Тот, кто сталкивается с чужой культурой, переживает много новых чувств и ощущений, от удивления до негодования и протеста. Важно осмыслить значение необычных явлений культуры и включить эти знания в свой культурный арсенал. Исследователь национального своеобразия культуры должен подходить к ее изучению с позиций уважения к новому, другому, учитывать различные точки зрения и находить подтверждение правильности своих выводов на практике.

В-третьих, объективному восприятию «чужого» менталитета мешает низкий уровень владения знаниями, свободными от идеологических установок. Военные и идеологические противостояния прошлого века вызвали в обыденном представлении множество субъективных оценок «других», Запада и заграницы в целом. Расширение международных контактов

позволяет наблюдать за жизнью и реалиями других стран своими глазами, что позволяет избавляться от ложной навязанной картины мира.

Для осуществления продуктивного межкультурной коммуникации языковая личность и социально-политические институты той или иной страны должны обладать *межкультурной компетенцией*, т.е. способностью преодолеть границы собственной культуры и присущих ей стереотипов. Такая способность формируется в когнитивной области и затрагивает психические и эмоциональные процессы, что обуславливает интегрированный характер заданий, направленных на формирование и развитие межкультурной компетенции.

Согласно концепции Г. В. Елизаровой межкультурная компетенция включает в себя определенные знания, отношения, умения, языковой и текстовый материал [Елизарова 2005: 260]. Рассмотрим предложенную систему, дополнив ее примерами.

Знания: 1. о сущности культуры, природе и наполнении универсалий различных культур; 2. о механизмах отражения культуры в языке и речи; 3. о психологических особенностях межкультурного общения: основах конфликтов культур, природе и функциях стереотипов и предрассудков, о механизмах регулирования собственных эмоций, о сущности эмпатии.

Отношения: 1. открытость новому; 2. желание и готовность воспринять «другого» как равного; 3. толерантность; 4. адаптация к явлениям иной культуры; 5. эмпатическое отношение к ее носителям.

Умения: 1. определить культурный компонент значения реалий и моделей поведения; 2. увидеть ситуацию с двух сторон, учитывая культурные явления и эмпатическое отношение к участникам общения; 3. посреднические умения медиатора между своей культурой и культурой собеседника; 4. умение использовать понятия культурных универсалий как базу соотнесения специфических культурных ценностей и их гармонизации; 5. умение управлять эмоциями; 6. речевые умения: *общаться* в соответствии с культурными нормами собеседников, *вести переговоры* с целью выявления общего значения происходящего, донесения до инокультурных собеседников сведений об особенностях межкультурного общения и ценностях родной культуры и *реагировать* на дискурсные маркеры как на сигналы отклонения от ожидаемого инокультурными собе-

седниками, требующие изменения речевой деятельности.

Языковой материал для реализации целей обучения межкультурной коммуникации должен включать единицы с культурным компонентом значения:

1) на лексическом уровне следует обращать внимание на слова:

- обозначающие культурные реалии. Напр., Эмпайр Стэйт Билдинг (*The Empire State Building*) и Статуя свободы (*The Statue of Liberty*), Большой Бен (*Big Ben*) и Вестминстерское Аббатство (*Westminster Abbey*), Сиднейский оперный театр (*Sydney Opera House*) и вид моста в Сиднейской гавани (*Sydney Harbor Bridge*) как символы США, Великобритании и Австралии, соответственно.

- выражающие специфические культурные ценности, такие как *соборность* и *удача* для русских, *порядок* и *закон* для немцев, *свобода* и *конкуренция* для американцев, *личная жизнь* и *консервативность* для англичан.

- содержащие культурный компонент значения. Показательна в этом отношении знаменитая американская *улыбка*—символ благополучия, успешности и оптимизма нации. Улыбка как знак проявления вежливости, внимания к собеседнику и радости за его успех, улыбка как способ поделиться положительными эмоциями и поднять настроение окружающим – это неотъемлемая часть американской культуры, что объясняет ее присутствие в метафорическом фонде языка. Песня “*You’re Never Fully Dressed Without a Smile*” из классического бродвейского мюзикла «Энни» показывает, как умение американцев улыбаться и вера в лучшее помогли им пережить эпоху Великой Депрессии.

2) на грамматическом уровне следует уделять особое внимание конструкциям, соотносимым с культурными ценностями (напр., превалирующее использование сослагательного наклонения для выражения вежливой просьбы или отказа как средство создания речевой ситуации комфорта для собеседника; ограничение употребления модальных глаголов и повелительных конструкций как воплощение уважения к правам и автономности личности; доминирующее употребление личных конструкций как воплощение личной ответственности за происходящее и контроля над собственной судьбой и происходящим вокруг).

В качестве **текстовых тем** рекомендуется использовать культуру-

но-окрашенные аутентичные образцы речевых актов, в которых выделяются ситуации межкультурного общения.

Систему заданий следует ориентировать на усвоение выше-обозначенных знаний, формирование отношений и умений межкультурной компетенции и освоение культурно-значимых тем. Задания должны быть динамичными, и меняться в зависимости от потребностей обучающихся и условий процесса обучения.

В обучении иностранным языкам целью образовательного процесса должно быть не только обеспечение обучающихся знаниями и формирование их умений в области межкультурной коммуникации. Также необходимо оказывать воздействие на личность обучающегося, в результате которого она преобразуется в саморазвивающийся эмоционально зрелый интеллектуально-познавательный организм, способный справляться с возникающими культурно-специфическими ситуациями общения за счет работы и практического применения полученной информации [Елизарова 2005: 315].

Рассмотренные материалы показывают необходимость дальнейшего, более подробного изучения и систематического описания национальных культур, менталитетов, а также важность разработки методик формирования умений в сфере межкультурной компетенции. Знания о социально-психологических установках других народов и владение различными коммуникативными стратегиями вырабатывают гибкость индивидуального мышления, повышают объективность восприятия и познания. Расширение сферы лингвистического образования за счет феноменов национальной культуры расширяет познавательные горизонты, позволяет взглянуть на себя со стороны и получить представление о существовании «иноного»–культуры, мышления, картины мира. Такой подход к обучению иностранному языку позволит объяснить нестандартность реакций представителей других культур, помочь найти с ними общий язык и добиться успешной коммуникации в диалоге культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дашковский П. К. К вопросу о соотношении категорий "менталитет" и "ментальность" // <http://irbis.asu/mmc/melnik/6.ru.shtml>.

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации /Под ред. А. П. Садохина. – М.: ЮНИ-

ТИ-ДАНА, 2003.

Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005.

Леонтович О. А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград, 2003.

Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004.

Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004.

© Красильникова Н.А., 2007

Олешков М.Ю.

Нижний Тагил

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Прагматический подход к языку использует модели процессов производства и понимания предложений / высказываний как организующих рамок для теорий и детализированных описаний языковых явлений. При этом важную роль играет значение контекста (и языкового, и прагматического) при интерпретации высказываний.

М. М. Бахтин отмечает, что «речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов (этой) речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному построению, они обладают, как единицы речевого общения, общими структурными особенностями и прежде всего совершенно четкими границами» [Бахтин 1996: 170].

Процессы, происходящие в границах транзакции, обусловлены интенцией адресанта как «хранителя» имеющейся информации, его стремлением передать эту информацию адресату, фактически, выводя из состояния равновесия его

«устойчивую систему», изменяя картину мира реципиента. При этом в результате коммуникативного взаимовлияния концептуальные системы индивидов, составляющие подсистемы сложной организации «Человек–Человек» и стремящиеся в процессе своего развития к достижению максимального соответствия одна другой, «синхронизируются» посредством речепорождений концептуальных систем коммуникантов на основе аттракторной организации составляющих компонентов – индивидуальных концептуальных систем [см. Йокояма 2005].

Сущностные характеристики подобной сложной системы несводимы к совокупности концептуальных систем индивидов, но в числе возможных, вероятных, случайных путей развития системы может быть тот, который в большей степени определяется одним из ее компонентов. Общая объединяющая и определяющая отношения между элементами цель системы – стремление к взаимопроникновению компонентов, снятию противопоставленности между ними – может варьироваться в соответствии с частными целями подсистем – стремлением утвердить собственную индивидуальность в концептуальной системе адресата.

Когда роли продуцента и реципиента меняются в диалоге и происходит ответное речепорождение, то последнее отражает старый речевой факт в новой содержательном (смысловом) качестве. Это новое качество приводит, в свою очередь, в неустойчивое состояние концептуальную систему первого продуцента, ставшего в данном случае адресатом речи, и происходит та же ситуация, которая показана выше. Таким образом, в результате коммуникативного взаимодействия возникшие тексты как продукты дискурсивной деятельности, имея общую «форму», существуют в двух (и более) концептуальных мирах.

Продукт речепорождения (текст) как относительно самостоятельная сложная система, существующая наряду с другими системами в рамках целостной концептуальной системы индивида [Герман 2000: 69], также подвижен [Москальчук 2003]. Его движение, а значит, изменение заключается в смыслопорождениях, вносимых концептуальными системами реципиентов в его изначальные содержательные характери-

стики. Эти смыслопорождения приводят к тому, что текст начинает существовать в концептуальной системе реципиента (который становится, в свою очередь, продуцентом). Развитие содержательной стороны текста может быть представлено сопутствующими комментариями либо последующими ответными репликами реципиента, отражающими особенности концептуальной системы последнего, «воспринимающей» новый смысл исходного текста. Этот смысл «включается» в старый текст через новое речепорождение. Таким образом происходит «движение» текста.

Концептуальные системы коммуникантов, обладая структурной общностью, по-разному «распределяют» информацию в своей «индивидуальной» структуре. В процессе продуцирования текста концептуальная система индивида «относит» к какому-либо этапу речи (месту в тексте) строго определенное содержание. В процессе рецепции это содержание (информация), поэтапно транслируемое адресату, вариативно, случайно влияет на его концептуальную систему, занимая определенное местоположение в его сознании.

При этом в тексте как продукте речевой деятельности в качестве точечных аттракторов фактически выступают «пространства смыслов» (ментальные окна [см. Recanati 1996]) – семантические поля, которые обуславливают наличие доминантного варианта развития системы (текста) во времени. Логически определенная последовательность семантических полей, как правило, эксплицируется в материи текста, обеспечивая его когезию. При этом реципиент, воспринимая текст, выделяет в нем элементы (кванты информации), создающие в его ментальной системе временные состояния относительной устойчивости, стабильности, «цепочка» которых и является преимущественным направлением системы смыслов. В целом, этот процесс можно рассматривать как реализацию модели структурного детерминизма П. Горрелла [Gorrell 1994] в виде фразового дерева на уровне высказываний в ходе дискурсивного взаимодействия субъектов речевого общения.

Если рассматривать восприятие текста (продукта дискурса) как процесс обратный процессу порождения речи, то можно говорить о том, что со структурной точки зрения зада-

ча носителя языка при этом состоит в «свертывании» линейной структуры текста в некую модель, которую О.Л. Каменская называет С-моделью [Каменская 1990: 126]. Основные фазы процесса восприятия (фаза «мотивации», интенция, фаза «понимания») характеризуют речемыслительную деятельность реципиента.

Побудительный мотив к восприятию текста реципиентом в дискурсивной практике формируется как решение одной из частных задач того или иного некоммункативного действия. Этот мотив, как правило, включает более или менее осознанное представление о той отрасли знания, к которой должен принадлежать предполагаемый текст, и эксплицируется в сознании реципиента как необходимость получения некоторой информации, отсутствующей у него на момент времени формирования мотива к восприятию текста: мотивация к восприятию текста осознается как необходимость заполнения «информационного вакуума», удовлетворения некоторой информационной потребности в рамках целенаправленного действия, присущего, обычно, другому (некоммункативному) виду деятельности.

Информационно-содержательный и пространственно-временной компоненты текста обеспечивают содержательную сторону воспринимаемой информации в экстралингвистическом «окружении», что, в свою очередь, дает возможность реципиенту антиципационно программировать процесс «предъявления» информации, содержащейся в тексте.

Восприятие речи – своеобразный комплекс двух подпроцессов, следующих параллельно, но с некоторым, как правило, очень малым временным сдвигом (запаздыванием) один относительно другого. Это, в частности, отмечает Н. И. Жинкин: «При декодировании слова располагаются в строчку, следуют друг за другом в порядке времени. Для интеграции их в этих условиях придется каждое текущее слово как-то пристраивать к предшествующему, уже ушедшему. Это можно сделать, если остановить в памяти поток слов и приступить к интеграции. На приеме речи неизбежно возникнут вынужденные остановки, момент появления которых будет очень трудно определить говорящему. Фактически таких остановок не бывает. Вот почему признают, что в процессе приема речи происходит не просто

мимолетное узнавание слов, но и обработка в особой, так называемой операционной, иконической памяти» [Жинкин 1982: 44].

Первый подпроцесс Н. И. Жинкин называет «позлементным восприятием», которое сводится к идентификации реципиентом предъявляемых ему элементов текста. Позлементное восприятие определяется двумя факторами: качеством элементов текста и темпом их восприятия. Под качеством элементов текста понимаются такие их свойства, которые позволяют реципиенту без особых усилий однозначно их идентифицировать в процессе восприятия текста. Таким образом, текст как «порождение» дискурсивного процесса, состоящий из «хороших» элементов—это текст, который проговаривается (диктуется) четко артикулированными звуками.

Темпazoleментного восприятия, по мнению исследователя, может быть измерен количеством элементов (букв или звуков), содержащихся в отрезке текста, воспринятом в единицу времени, причем при восприятии устного текста этот темп, как правило, навязывается реципиенту собеседником.

Второй подпроцесс восприятия текста – «семантическое восприятие» – есть процесс установления значений слов, связей между словами в предложении, предложениями (высказываниями) и т. д. Темп семантического восприятия текста не ниже егоazoleментного восприятия, хотя второй процесс протекает с некоторым запаздыванием по отношению к первому. Количественной мерой темпа семантического восприятия может служить темпazoleментного восприятия текста. «Механизм языка устроен так, что любой человек, усвоивший его в детстве, при самых ограниченных возможностях будет принимать речь точно по ходу ее временного следования... При этом не следует забывать, что слушающий не старается делать никакого грамматического анализа,...а просто принимает мысль, содержащуюся в сообщении», – пишет Н. И. Жинкин [Жинкин 1982: 45].

Процесс восприятия речи на слух связан с выполнением реципиентом сложной мыслительно-мнемической деятельности, которая включает в себя преобразование информации, кодовые переходы, актуализацию связей, способствующих пониманию. Успешность такой умственной деятельности

обусловлена высокой степенью концентрации внимания.

В результате экспериментов установлено, что исходный уровень владения аудированием определяют следующие умения:

- 1) Членить текст на смысловые куски, определять факты сообщения;
- 2) Устанавливать логические связи между элементами текста;
- 3) Отделять главное от второстепенного и удерживать в памяти главное, выделять смысловые вехи, определять смысловый центр фразы;
- 4) Определять тему сообщения;
- 5) Выделять главную мысль;
- 6) Принимать сообщения до конца без пропусков;
- 7) Воспринимать речь в естественном медленном темпе;
- 8) Принимать и удерживать в памяти сообщение, предъявленное один раз. Отсутствие какого-либо из этих умений оказывает негативное влияние на прием и понимание речевых сообщений [Агузарова 2005: 332].

Итак, динамический процесс восприятия текста реципиентом может быть описан следующей схемой: элементы текста воспринимаются аудиовизуальными рецепторами и, преобразованные на основе внутреннего кода, транслируются в кратковременную память реципиента. С другой стороны, туда же поступают из долговременной памяти данные о предшествующем языковом опыте личности. Сопоставление этих двух информационных потоков позволяет реципиенту сначала опознать слова, т.е. идентифицировать последовательность текстовых элементов как слова, затем приписать этим словам соответствующие значения (т.е. осмыслить их). Параллельно, вызывая из долговременной в кратковременную память грамматическую информацию, реципиент устанавливает связи внутри предложения и, на этой основе, осмысливает содержание предложения. Таким образом, в кратковременной памяти в каждый данный интервал времени «присутствует» лишь относительно небольшое количество слов текста, актуализируемых реципиентом. При перцепции последующих отрезков текста предыдущая информация транслируется в долговременную.

По М. М. Бахтину, границы каждого конкретного выска-

звания, как единицы речевого общения, определяются сменой речевых субъектов, т.е. *сменой говорящих*. Так как речевое общение – это «обмен мыслями» во всех областях человеческой деятельности, то любое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет абсолютное начало и абсолютный конец. Таким образом, «высказывание – это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому» [Бахтин 1996: 170].

Итак, каждое высказывание является частью большей последовательности в рамках транзакции, и говорящий в процессе порождения речи, как правило, учитывает факторы, способствующие достижению макроинтенции, т.е. последовательность коммуникативных актов в целом. Более того, т.к. язык функционирует в составе более широкой системы мышления и коммуникации, существенную роль играют и другие аспекты такой глобальной системы: ментальные состояния коммуникантов, обратная связь со стороны слушающего, его экспектации и др., – воздействующие на форму высказывания, так что не все в подобной модели можно непосредственно связать с эксплицитными коммуникативными целями [Олешков 2006].

Рассмотрим модель процесса информирования, т.е. переход информации от продуцента речи к реципиенту. Языковые средства при этом выполняют две основные функции: служат для описания (отражения) реальной действительности и являются средством передачи информации об этой действительности реципиенту в знаках адекватной семиотической системы.

Та информация, которая наличествует у продуцента может быть измерена количественно (имеет определенный «объем») и может быть названа первичной информацией (I^1). Полученная реципиентом информация, также обладающая объемом в количественном выражении, является вторичной (I^2).

В процессе перехода информации от продуцента к реципиенту возникает «проблема адекватности»: насколько совпадают объемы и содержание I^1 и I^2 ?

Степень формального соответствия полученной информации первоисточнику находится в прямой зависимости от способности продуцента эффективно передать имеющуюся информацию, а также от его интенций, реализуемых в данной речевой ситуации, его «фоновых» знаний и некоторых субъективных факторов (уровня «шума», сопутствующего процессу передачи, общности кода, используемого при передаче и др.).

Исходя из теории систем, схему преобразования первичной информации во вторичную (перевод I^1 в I^2) можно представить как процесс (на уровне модели) и результат (на уровне «продукта» – итога). При этом следует учитывать, что формализованный перевод любой семантической информации должен рассматриваться как результат перехода объема I^1 на уровне избыточности использования языковых средств *системы I* в объем I^2 на уровне достаточности *системы II*. Вторичная семантическая информация, как правило, структурно может быть представлена упрощенной схемой по отношению к первичной, причем степень редукции (упрощения) обусловлена намерениями автора и / или конкретными условиями протекания процесса коммуникативного взаимодействия. Таким образом, первичная информация, которая «переводится» от продуцента к реципиенту, как правило, является избыточной по отношению к вторичной (приобретенной реципиентом), но, в то же время, достаточной при успешной реализации процесса передачи.

Вероятно, информация передается и воспринимается «порциями» – смысловыми (семантическими) квантами на уровне пропозиций. В этом случае пропозицией можно считать предикативную единицу, соответствующую кванту когнитивной информации, содержащемуся в высказывании.

Естественно, что «потери», имеющие место в данном процессе, позволяют говорить о «неэквивалентности» переданной и полученной информации. В то же время, уровень «допустимой неэквивалентности» должен быть таким, чтобы транзакция состоялась и реципиент воспринял адресованную ему информацию адекватно.

Эффективность взаимодействия коммуникантов в этом случае, на наш взгляд, обусловлена процессом «пропозицио-

нальной синхронизации» [Олешков 2005], что проявляется в поэтапном восприятии и интерпретации квантов информации реципиентом в рамках «когнитивного резонанса», возникающего в сфере коммуникативного взаимодействия как замкнутой системе. Этот процесс сопровождается обязательной редуccion, «сжатием», компрессией воспринимаемой информации, что и обуславливает необходимую избыточность ее передачи продуцентом речи.

Таким образом, передача, восприятие и интерпретация информации заведомо не может быть адекватной, так как, несмотря на устойчивость и логическую упорядоченность системы языка, когнитивные процессы, осуществляемые коммуникантами в процессе трансакции, сложнее и эпистемологически «богаче» языковой компетенции участников общения.

В качестве примера рассмотрим абстрактную модель процесса коммуникации, основанную на принятом за образец «идеальном» вербальном взаимодействии, когда продуцент речи адресует свои высказывания единственному слушателю в ситуации непосредственного вербального контакта. Подобный подход, по нашему мнению, может быть применен к моделированию процессов в других формах общения, такие, как письменная речь или невысказанная вербализованная мысль.

1. Имеется два участника: «говорящий» (адресант, продуцент речи) и «слушающий» (адресат, реципиент).

2. Каждый из участников вовлечен в процесс вербализации (практического использования языка), являющийся частью более широкого, мыслительного процесса, который включает в себя восприятие и интерпретацию окружения (речевой ситуации), формулирование целей (интенций), а также составление и приведение в исполнение планов (коммуникативных стратегий и тактик) достижения этих целей.

3. Каждый участник, приступая к осуществлению своего коммуникативного намерения (интенции), располагает рядом способностей, включающих 1) общую способность к мыслительной обработке информации, которая предусматривает (помимо всего прочего) наличие системы символов и средства накопления знания в символической форме; 2) «когнитивный»

арсенал различных специфических форм, стратегий и тактик представления, способов обработки информации, используемых при выполнении различных задач восприятия, интерпретации и понимания (с точки зрения языкового употребления здесь существенны представления языковых объектов на различных уровнях анализа, таких, как фонологические последовательности и синтаксические структуры); 3) совокупность специфических представлений (выражаемых символическими структурами на основе особых форм репрезентации), которая составляет индивидуальную «модель мира».

В отношении последнего фактора следует отметить, что в контексте такого анализа существенными являются следующие релевантные части модели: совокупность знаний о языке, включающая синтаксическое структурирование, лексические значения, условия реализации коммуникативного акта и др.; способность осуществлять анализ (на разных уровнях) хода диалога со стороны коммуникантов; модель (образ) собеседника в совокупности таких компонентов, как его знания, ситуативные интенции, способность к обработке данных; уровень коммуникативной компетенции самого коммуниканта.

4. Каждое высказывание является конечным результатом конструктивного процесса, когда говорящий на основе собственной (имеющейся) коммуникативной компетенции «вырабатывает» языковую структуру, адекватную комплексу своих коммуникативных целей (интенций). Вероятно, этот процесс ориентирован на достижение макроинтенции.

5. Отсюда следует, что не существует единого формально представленного объекта, который являлся бы «значением» или «первичным намерением» высказывания. Имеет место обобщенное значение как абстракция, соотносимая с макроинтенцией, т.е. со множеством локальных целей, многие из которых реализуются на метакоммуникативном уровне (т.е. обусловлены личным взаимодействием говорящего и слушающего и прямо не коррелируют с предполагаемым содержанием высказываний).

6. Цели «отдельно взятого» высказывания могут включать:

- передачу информации о фактах, наличие которых в

модели мира слушающего уже имеет место;

- стимулирование говорящим создания у слушателя нового концептуального знания, аналог которого присутствует в модели мира говорящего;
- направление внимания слушающего на некоторое «знание» или на отдельные свойства известной ему сущности с целью создания контекста для последующих высказываний.

Некоторые из этих целей выступают как микроинтенции (напр., номинация какого-либо объекта с целью изложения информации о нем), некоторые—как относительно самостоятельные, независимые (констатация факта, передача личного отношения к адресату и др.).

7. Проектирование высказывания, как любой сложный конструктивный процесс, осуществляется не в виде простой (линейной) последовательности отдельных этапов. Говорящий, непрерывно осуществляя рефлексии на основе «обратной связи», анализируя развитие коммуникативного процесса, может менять решение (на тактическом или даже стратегическом уровне). Скорее всего, это происходит на бессознательном уровне и имеет в основе использование значительной части фонда знаний говорящего (включая представления «образа собеседника» на данный момент времени, продуцируемое «информационное» знание и собственно знание языка).

8. В коммуникативном процессе общая структура речевого потока говорящего иерархически обусловлена использованием языковых единиц различных уровней: языковых объектов (слова, фразы) суждений и дескрипций, а также общим планом коммуникации. Таким образом, интерпретация коммуникативного процесса на уровне статичного «моментального снимка», не является объективным отражением реального речевого взаимодействия.

9. В процессе восприятия и понимания высказывания слушающий не просто декодирует языковые структуры говорящего, но осуществляет более широкий процесс анализа, осмысления и вывода и других (невербальных) данных восприятия.

10. Языковые формы выступают для адресата исходной

точкой процесса анализа (по большей части неосознанного), в ходе которого строится ряд концептуальных сущностей на различных уровнях. Результаты этого анализа включают:

- синхронизацию моделей мира говорящего и слушающего посредством поиска или создания концептуальных сущностей, которые предположительно соответствуют информации, имеющейся в распоряжении говорящего;
- стремление к достижению интенций говорящего в плане выводов, к которым он хотел бы «подвести» слушающего;
- «незапланированный» итог коммуникации в виде выводов, основывающихся на содержании высказывания, но интенционально «не предусмотренных» говорящим;
- осуществление выводов, касающихся состояния говорящего на данном этапе развития речевой ситуации, включая цели высказывания, фокус его внимания, состояние его знания (включая его знание о слушающем).

11. Результаты восприятия со стороны слушающего представляют собой интегрированный продукт анализа:

- *высказываний* (включая такие аспекты, как интонация и тон голоса);
- *знаний*, которыми обладает слушающий, включая его модель релевантного «мира» и модель, описывающую говорящего;
- *состояния слушающего в данный момент*, включая непосредственный фокус внимания и содержание предшествующей данному высказыванию информации (пресуппозиции) с учетом «мощности языкового процессора» адресата (ограниченной способности к обработке информации).

При анализе принимаются во внимание «синтагматический контекст», в котором выступает высказывание, и «парадигматический контекст» (альтернативы всех выборов, которые говорящий осуществил в процессе построения данного высказывания).

Итак, любое высказывание анализируется слушающим с точки зрения того, как оно удовлетворяет одновременно целому набору коммуникативных и межличностных целей, проявляющихся разными способами, которые использует говорящий на уровне механизмов языка и особенностей паралин-

гвистического взаимодействия.

Изучение такого «многомерного» процесса предоставляет возможность осуществлять моделирование на лингвопрагматическом уровне, учитывающем всю совокупность признаков речевой ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агузарова В. М. Аудирование и речевой слух // Вопросы гуманитарных наук, № 3, 2005. С. 331-332.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С. 159-206.

Герман И. А. Лингвосинергетика.–Барнаул: Изд-во Алтай, акад. экономики и права, 2000.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М.,1982.

Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М., 1990.

Москальчук Г. Г Структура текста как синергетический процесс. – М., 2003.

Олешков М. Ю. Пропозициональная синхронизация в дидактическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15.– Екатеринбург.–2005.–С. 201-208.

Олешков М. Ю. Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход // Вопросы филологии, 2006, № 1 (22). С. 39-43.

Gorrell, P., Structural Relations in the Grammar and the Parser // Folia Linguistica, 1994.

Recanati Fr. Domains of discourse // Linguistics and philosophy.– Dordrecht; Boston, 1996.–Vol. 19.–№ 5.–P. 445-475.

© Олешков М.Ю., 2007

Попов Л.Н.
Екатеринбург

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНТОНИРОВАНИЯ

Речевое педагогическое интонирование объекта личностью – это особое, целостное духовно-душевно-телесное, или рациональное, эмоциональное и практически-действенное напряжение-отношение, которое выражается

через речь (голос), жесты и мимику педагога в ходе педагогического общения и взаимодействия (коммуникации). Например, уважительность (уважительный тон), требовательность (требовательный тон) и т.п.

А.С. Макаренко указывал на важную роль особого, педагогического тона (интонации) в процессе педагогической работы с детьми: «Когда общий тон требования, целеустремленность действия воспитаны в коллективе на самом деле, тогда и детский коллектив вас поддерживает» [Макаренко 1950: 87]. «Искренний, требовательный тон» [Там же: 48] (педагогический тон) обладает огромными воспитательными возможностями воздействия на личность: он способен влиять на всю последующую жизнь человека. В терминах «целеустремленность» и «требовательность» сконцентрирована сама суть педагогического процесса, опирающегося на «основной принцип нашей педагогической работы, школьной, внешкольной, дошкольной» – «как можно большее уважение к человеку» [Там же].

Современная гуманитарная наука рассматривает тон (интонацию) «как фундаментальное явление культуры» [Медушевский 1976: 204].

Основанием античной, а затем европейской, русской речевой и педагогической культуры является древнегреческая философия пифагорейцев. Важнейшая категория этой философии – гармония – понимается как «согласие разнообразного», «согласие разногласного». Гармония – это «структура вещи или вещей, которые представлены в четкой реальности и в единстве» [Лосев 1963: 268-270]. Музыкальная эстетика пифагорейцев с ее математическим аспектом определила «*музыкальный числовой тон*», который уравнивает внутренний мир человека в его связи с внешним миром «путем катарсиса-умиротворения и исцеления всей человеческой психики» [Там же: 272]. А.К. Михальская пишет: «Эта музыкально-математическая гармония пифагорейцев, безусловно, положила начало становлению эстетики речевого идеала в европейской культуре, идеала, предполагающего гармонизирующий, умиротворяющий характер взаимодействия участников речевого общения, согласного звучания разных голосов в диалоге жизни, идеала, преломленного затем

культурой христианской и особенно православно-христианской». «Общий «музыкальный числовой тон», соразмерность и ритмическая согласованность акустического взаимодействия – это основополагающие особенности успешной звуковой коммуникации... в человеческом общении» [Михальская 1998: 27].

Огромный вклад в становление и развитие речевой культуры, речевого искусства – риторики – внес Сократ. Эвристическая риторика сократовского диалога, противодействующая монологической риторике софистов (ее родоначальник – Протагор), несет в себе ярко выраженное нравственное, педагогическое начало: совместный поиск истины и справедливости учителем и учеником в процессе устной речевой деятельности. По Сократу, этический смысл искусства красноречия заключается в умении не только убеждать, воздействуя на слушателя, но и воспитывать душу собеседника. Такое искусство требует риторического мастерства, и без большого, сознательного труда оно невозможно. Это искусство приносит людям радость.

Учение великого мыслителя и практика было отражено в диалогах Платона, в классически стройной «Риторике» Аристотеля, в практической деятельности Демосфена по постановке речевого голоса. Важно отметить, что своеобразная и неповторимая риторическая деятельность Сократа, а затем и Платона носила личностный, дополнительно-смысловой, творчески воспитывающий характер: «От Платона его ученикам передавалось нечто большее, чем буквальный смысл слов», – писал Р. Штайнер [Штайнер 1917: 39].

Античные риторические и педагогические традиции получили свое продолжение в концепции знаменитого древнеримского оратора Цицерона, чье риторическое наследие оказало сильнейшее влияние на судьбы речевой культуры нового времени в Западной Европе и в России. «Слово» у Цицерона важнее «знания», эстетика речи – важнее содержания. Эстетический идеал Цицерона – та же гармония (тон) (у Платона – «софросина»), но несколько другого порядка, характеризующаяся сглаженностью противоречий, отстраненностью от безобразного и темного, уходом от страстей – гармония в некотором смысле искусственная. Категория гармонии у Цице-

рона получает название *frugalitas* (от лат. *fruges* – зерно), что означает «годность»: сдержанность, постоянство, умеренность, рациональность. У Цицерона оратор – прежде всего учитель. Учить, доставляя удовольствие слушателю, производя сильное впечатление на него – это обязанность оратора.

Последователь Цицерона Квинтилиан призывал к соблюдению правильности речи, меры. Педагог Квинтилиан большое внимание уделял педагогическому тону, который, по его мнению, должен быть ровным, но не сухим, а тем более суровым и бранчливым. Особое место в трудах Квинтилиана занимает проблема методики воспитания оратора. Его риторические и педагогические взгляды оказали прямое влияние на русскую ораторскую прозу, на деятельность выдающихся русских риторов и педагогов Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.

С наступлением эры христианства понятие «личность» становится одним из важнейших в новом мировоззрении. Человек подобен единому Богу Творцу, он неповторим, он не индивидуальность, как в античной культуре, а личность, и личность духовно свободная. Личность нравственна только в актах творческого отношения к миру и самому себе, отношения, проявляемого в любом виде человеческой деятельности и в этом смысле делающего личность выше общества.

В христианстве любое риторическое высказывание мыслится как высказывание педагогическое. Античные категории гармонии, «софросины», *frugalitas* в христианской риторике и педагогике трансформируются в понятие «кротость», выражающее общий тон речевого высказывания – радостное спокойствие.

В средневековой Западной Европе античные представления о связи нравственного воспитания и речевой деятельности заняли особое место. Совершенствование речи является средством нравственного совершенствования человека. Правильность речи, точность слов, рациональность тона – это гарантия от ереси. Главенствующая роль личности, ее интеллекта, связанная с монологической, субъект-объектной моделью античной риторики и педагогики – основной прин-

цип и тональность речевого и педагогического идеала эпохи (Фома Аквинский).

Эпоха Возрождения обращается к античной, классической культуре живого риторико-педагогического диалога (Эразм Роттердамский, Франсуа Рабле, Мишель Монтень). Вместе с тем продолжают традиции Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана (рациональное, формальное, регламентированное в педагогической риторике иезуитов). В это же время Ян Амос Коменский в своей «Великой дидактике» выступает решительным сторонником равноправных, диалогических, гармоничных отношений человека и мира. Дидактика Коменского строится на основании принципов античной классической риторики как по канону, так и по тону.

В Эпоху Просвещения выделились «английская» (Дж. Локк) и «французская» (Ж.-Ж. Руссо) системы, которые в общем виде представляются как различные риторико-педагогические идеалы. Первая – диалогического типа, вторая – система «естественного воспитания», фактически отрицающая педагогическое слово. В то же время, риторико-педагогические устремления Г. Лейбница (Германия) и К. Гельвеция (Франция) были направлены на гармоничное соединение диалогичности, внутренней глубины педагогического поиска с точной, рациональной формой.

Наиболее известные педагогические системы XIX в. либо умаляли воспитывающую роль слова (И. Песталоцци), либо использовали его в качестве важнейшего инструмента воспитания и обучения, т.е. достижения гармонии, подлинно педагогического тона (Ф. Дистервег, И. Герbart).

В России красноречие явилось результатом слияния народной устной речевой традиции и античных, византийских и южнославянских риторических образцов. Христианские заповеди и античное наследие составили идеал педагогической речи – гармоническую уравновешенность и определенность. Основные этико-риторические принципы – это уважение к собеседнику, кроткий и смиренный тон, положительные эстетические эмоции. Эти принципы последовательно воплощались в памятниках XI-XVI вв.: «Поучении Владимира Мономаха», переводном византийском тексте «Пчела», «Молении Даниила Заточника», «Наставлении отца сыну», «Послании Генна-

дия митрополиту Симону» и др.

В XVII в. русские традиции педагогической риторики развивал Епифаний Славинецкий, который уделял значительное внимание технике речи, голоса, а также Максим Грек и др. Классическая категория гармонии в их деятельности трансформировалась в своеобразную нравственно-смысловую категорию соборности.

В XVIII в. великий русский ученый М.В. Ломоносов создал знаменитое «Краткое руководство к красноречию», в котором указаны конкретные пути и способы к гармоничному единству внутреннего и внешнего (тона – «главного дела, то есть самой силы к возбуждению или утолению страстей и действию красноречия» [Ломоносов 1996: 35]) в риторико-педагогической деятельности.

Необходимо отметить, что в XVIII и в начале XIX вв. появились различного рода регламенты и уставы учебных заведений России, где предъявлялись официальные требования к педагогической речи на основе гуманных отношений учителя к ученику. Сократовское понимание риторики как науки, практики и искусства нравственно-педагогического, интонационно-смыслового воздействия было вполне воспринято педагогикой и школой того времени.

К середине XIX в. наметился кризис риторики как научной и учебной дисциплины, который отразился во взглядах В.Г. Белинского. Антириторическая позиция В.Г. Белинского была вызвана, по-видимому, отрицанием античной риторики, как «науки для господ» [Рождественский 1997: 163].

Большое внимание проблемам педагогической речи уделяли выдающиеся деятели русского образования XIX в. Н.И. Пирогов и К.Д. Ушинский. Концепцию гармонизирующего (интонирующего) педагогического эвристического диалога, глубоко понятую и воспринятую Н.И. Пироговым, К.Д. Ушинский наполнил народным содержанием.

В XX в. традиции русской классической педагогической речи сохранялись в основном в православном церковном красноречии.

Таким образом, античный (европейский) идеал всесторонне и гармонично развитого человека на протяжении всей дальнейшей истории человечества претерпевал значитель-

ные и многообразные изменения в своей структуре (эмоциональное, рациональное, практически-действенное и образное) в пользу того или иного компонента в зависимости от социально-культурных и природных особенностей развития того или иного общества, что выразилось в изменениях самого античного понятия «тон»: «софросина», «*frugalitas*», «кротость», «смирение и соборность», «интонация».

Уважительное и вдумчивое отношение педагога к этим традициям – понимание сущности речевой педагогической деятельности (того самого «музыкального числового тона») и осознание важного значения *вариативной* проявленности (голосовой, мимической и жестовой) этой сущности – является необходимым условием успешной речевой педагогической коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ломоносов, М. В. – М. : Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996. – 224 с.

Лосев, А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика) / А. Ф. Лосев. – М., 1963. – 577 с.

Макаренко, А. С. Некоторые выводы из моего педагогического опыта. – М., 1950. – 100 с.

Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В. В. Медушевский. – М., 1976.

Михальская, А. К. Педагогическая риторика : история и теория : учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов / А. К. Михальская. – М., 1998. – 432 с.

Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1997. – 600 с.

Штайнер, Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности / Р. Штайнер. – разрешенный пер. О. Н. Анненковой. – 2-е изд. – М. : Духовное знание, 1917. – 127 с.

© Попов Л.Н., 2007

Попова Э.Ю.

Екатеринбург

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ В ШКОЛЕ

Деловое общение сегодня проникает во все сферы общественной жизни. Компетенция в сфере делового общения непосредственно связана с успехом или неудачей в любом

виде деятельности: производстве, науке, искусстве, торговле. Коммуникативная компетенция является важнейшей частью профессионального облика современного человека. Особенности инновационных процессов в современном обществе и государстве вызвали необходимость конкретизации образовательных целей, направлений и содержания, что нашло свое отражение в проекте нового образовательного стандарта по русскому языку. Главной идеей проекта стандарта для базового уровня старшей школы является «предъявление русского языка во всем многообразии его функций». Задача повышения уровня речевой культуры учащихся средней школы связывается с формированием умений и навыков, необходимых для обучения в вузе и в будущей профессиональной деятельности выпускников – в ситуациях научно-учебного и делового общения.

В настоящее время стандарт общего образования по русскому языку для школ с родным (русским) языком определяет изучение жанров деловой речи как «содержание, обеспечивающее формирование коммуникативной компетенции» [Ахбарова 2000: 7]. Стандарт предполагает усиление работы по усвоению жанров делового стиля в школе. Какую бы профессию ни выбрал в будущем современный выпускник школы, он должен быть способен реализовать свои знания в различных ситуациях общения, в том числе и в контексте делового общения. Учащийся должен уметь составить собственный текст и выступить с ним публично, провести деловую беседу, самостоятельно составить деловой документ. Составление письменных деловых документов нередко имеет определяющее значение в будущей профессиональной деятельности нынешнего учащегося.

Действующие программы для общеобразовательных учреждений (V-XI классы) предусматривают изучение некоторых жанров деловых бумаг. Однако в современной ситуации делового общения возрастает потребность в составлении разнообразных деловых документов, увеличивается количество деловых бумаг, необходимых для изучения в школе. Учащийся должен освоить новые формы и жанры деловых документов, включая электронные. В настоящее время появляются авторские программы по изучению деловой речи в

школе. Г.Х. Ахбарова предлагает программу «Письменная русская деловая речь» [Ахбарова 2004], в которую включено изучение 16 жанров деловых бумаг: адрес на конверте, почтовый перевод, телеграмма, заявление, объяснительная записка, доверенность, справка, автобиография, резюме, план, протокол, апелляция и различные виды деловых писем. Автор подчеркивает, что изучение деловой письменной речи способствует «совершенствованию устной и письменной речи в целом и письменной русской речи делового стиля в частности» [Ахбарова 2000: 8].

Нами разработана программа и учебно-методическое пособие по обучению письменной деловой речи. Данная программа предназначена для учащихся старших классов общеобразовательных учреждений. Настоящий курс имеет четко выраженную профессионально-практическую направленность, при этом языковая подготовка учащихся призвана решать не только обучающие, развивающие, но и воспитательные задачи. Цель данной дисциплины – помочь учащимся в овладении нормами письменной деловой речи как важнейшим средством общения, сформировать достаточно высокий уровень профессиональной коммуникативной компетенции. Задачи курса: познакомить учащихся с основами письменной деловой речи, одного из самых распространенных видов социальной коммуникации, с особенностями профессионально значимых жанров письменной деловой речи; научить грамотно составлять текст документов; подготовить к созданию и восприятию профессионально значимых речевых жанров.

Программа курса включает следующие темы:

- Официально-деловой стиль – язык документов. История формирования официально-делового стиля в России. Основные черты современного официально-делового стиля.
- Типология служебных документов. Реквизиты и требования к бланкам деловых документов. Некоторые особенности делового письма.
- Личные документы. Распорядительные документы. Информационно-справочные документы. Административно-организационные документы. Деловые письма.
- Лексические нормы, стилистическая окраска слова в деловом стиле. Грамматические нормы. Логика изложения и

законы текстовой организации. Функция волеизъявления и текстовая организация документа.

На занятиях по деловой речи у учащихся формируются различные умения и навыки работы с деловыми бумагами: умение уместно использовать речевые единицы в соотношении с функциональным стилем и типом речи, владеть культурой делового общения; составлять деловые документы с учетом основных требований ГОСТа, совершенствовать навыки собственной письменной деловой речи; умение проводить поисково-аналитическую работу со справочной литературой.

Учебно-методическое пособие «Функциональный русский язык: научная и деловая письменная речь» является средством повышения уровня общей подготовки учащихся старших классов общеобразовательных учреждений, а также средством их подготовки к будущей профессиональной деятельности в аспекте речевой коммуникации и культуры деловых отношений.

Содержание материала, помещенного в пособие, отражает насущную потребность учащихся в первоначальных знаниях способов и форм научного творчества, грамотного оформления деловых (в том числе учебных и научных) отношений, а также в умениях применять эти знания в реальных условиях учебной и жизненной деятельности. В разделах «Научный стиль» и «Официально-деловой стиль» представлены общие нормы написания научных и составления деловых текстов, приведены конкретные правила их оформления, например, требования к оформлению библиографии или правила рубрицирования, помещены образцы научных текстов и деловых документов. Особое место в пособии занимает его практический компонент – разнообразные задания и упражнения, построенные на использовании конкретных образцов языковых средств научной и деловой письменной речи.

Творческий подход к освоению данного учебного материала, просматриваемый в его практической составляющей, позволит учащимся лучше и быстрее овладеть столь нужными для современной культурной личности навыками деловой коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахбарова, Г.Х. Изучение жанров деловой речи в школе / Г.Х. Ахбарова // Русский язык в школе. – 2000 – № – С. 7-11.

Ахбарова, Г.Х. Программа элективного курса «Деловые бумаги на русском языке» / Г.Х. Ахбарова // Особенности преподавания русского языка и литературы в современной школе: материалы научно-практической конф. Москва – Казань 2004 г. / Москва – Казань, 2004. – С. 40-47.

© Попова Э.Ю., 2007

Руженцева Н.Б., Ямбаршева Е.Г.
Екатеринбург

КАЧЕСТВА ХОРОШЕЙ РЕЧИ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ: ДИАГНОСТИРУЮЩИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Обучение деловому общению занимает важнейшее место при формировании профессиональной компетентности в группе сервисных специальностей. Навыки и умения эффективного и незатрудненного общения являются жизненной необходимостью в течение всей будущей профессиональной деятельности сегодняшних студентов. Это умение выстраивать диалоги с разными адресатами (с клиентами, сотрудниками фирмы, деловыми партнерами и т.д.). Это умение создавать и исполнять монологические формы речи, напр. отчеты, план-проспекты, экскурсионную речь. Это умение вести деловую документацию. Это, наконец, умение создавать тексты разных стилей и жанров, реализующие коммуникативные стратегии, объединенные общей интенцией «игры на повышение». К таким текстам в сфере турбизнеса относятся письма клиентам, многочисленные проспекты и буклеты и иные формы рекламной продукции.

Качества хорошей речи, релевантные для делового общения в сфере сервиса и туризма, в целом представляют собой инвариантную совокупность, соотносимую с любой сферой общения, – это правильность, точность, краткость, ясность и понятность, логичность, чистота, уместность, богатство и выразительность, информативность, убедительность. Для диагностики сформированности этих качеств хорошей речи, в целом обеспечивающих эффективное деловое обще-

ние, студентам, обучающимся по специальности «Социально-культурный сервис и туризм», было предложено написать небольшой рекламный текст, приглашающий потенциальных клиентов турфирмы посетить ту или иную страну. Анализ рекламных сообщений с позиций качеств хорошей речи позволил сделать следующие наблюдения:

1. Правильность речи. При составлении рекламных текстов студенты допустили ошибки, связанные прежде всего с нарушением лексической сочетаемости («В Турции и ее ОКРЕСТНОСТЯХ вы можете встретить...», «экскурсии СОПРОВОЖДАЮТСЯ русскоязычными гидами», «БЕСКОНЕЧНОЕ МНОЖЕСТВО памятников архитектуры», «ОЩУТИ ГРАНИЦУ Европы и Азии НА СЕБЕ»), с неточным словоупотреблением («КОМФОРТНЫЕ отели», «Ведь не даром Турцию ЗОВУТ не иначе, как страна неспящих ночей», «большое количество УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ фотографий»), с нарушением лексико-грамматической сочетаемости («Прекрасный ОТДЫХ НА ФОНЕ природы и истории!», «ОТДЫХ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬ, КАЖДОГО», «Можно погулять за ручку с любимым по руинам Карфагена, КОТОРЫЙ УЖАСНО НАДОЕЛ РИМЛЯНАМ, ЧТО ОНИ ВЕЛЕЛИ РАЗРУШИТЬ ЕГО ДО ОСНОВАНИЯ»).

2. Точность речи. Отмечены как отступления от фактической точности («От калейдоскопа впечатлений вы отдохнете в тени МОРСКИХ, пустынных и ГОРНЫХ ОАЗИСОВ», «Сегодня ТУРЦИЯ ПРЕВРАТИЛАСЬ В СОВРЕМЕННЫЙ КУРОРТ», «МОСТ ЧЕРЕЗ БОСФОН»), так и отступления от точности речевой, коммуникативной («Турция – вот КТО думает о твоём отдыхе постоянно, вот КТО ждет тебя каждый день и круглый год»).

3. Краткость речи. Студенты отразили в текстах различные формы избыточности речи, прежде всего повторы; студенческим текстам свойственна и высокая степень плеонастичности: «НЕПОВТОРИМОСТЬ И УНИКАЛЬНОСТЬ пляжей», «После насыщенного дня вас ждет незабываемый РОМАНТИЧЕСКИЙ ужин. Путешествие в Тунис станет лучшим РОМАНТИЧЕСКИМ путешествием в вашей жизни ».

4. Ясность речи. Несформированность этого качества хорошей речи обусловлена как избыточностью речи, так и

нарушениями линейной структуры высказывания, множественными отступлениями от лексико-грамматической нормы: «Природно-богатые (?) и благоприятный климат страны привлекал сюда людей в течение всей истории человечества, которое создало поразительно богатую палитру разнообразных традиций, искусства и фольклора».

5. Логичность речи. Алогизмы в студенческих работах имеют различную природу – это объединение несовместимых понятий в одном логическом ряду, это незнание законов логики (закона тождества, достаточного основания и др.), это незнание правил рубрикации текста, принципов и правил аргументации, ср., напр., формально-смысловое оформление аргументов в пользу поездки в Турцию:

«1. Турция встретит тебя бесконечным множеством памятников архитектуры, сохранившихся еще со времен Римской, Византийской и Османской империй.

2. Ощути границу Европы и Азии на себе, прогуляйся по живописному проливу Босфор.

3. Вас ждет вереница всевозможных развлекательных заведений и уникальная национальная кухня» и т.д.

6. Уместность речи. Неуместность высказывания имеет в представленных работах жанрово-стилистический характер и связана с неудачным введением в рекламный текст иностилевых элементов, главным образом, элементов официально-делового стиля («Понимая все преимущества ДАНОЙ СТРАНЫ, люди все больше мечтают попасть туда...»). Студенческим рекламным текстам иногда свойственен неуместный, излишне настойчивый характер апеллятивов: «И конечно, каждому туристу БОЛЕЕ ЧЕМ НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕТСЯ посетить Стамбул»; «ПОРА ОТКАЗАТЬСЯ ОТ БАНАЛЬНОГО ОТДЫХА НА ДАЧЕ С ШАШЛЫЧКАМИ!». Иногда допускается и нарушение этической стороны рекламы – «игра на понижение» по отношению к возможному адресату: «Если вы устали от повседневной суеты, работы, неотложных дел, то вам необходим отдых. НЕКОТОРЫЕ, ПРАВДА, ПРЕДПОЧИТАЮТ УЕХАТЬ В ДЕРЕВНЮ И РАБОТАТЬ СРЕДИ КАРТОШКИ И СОРНЯКОВ. Но те, кто любят себя, выбирают качественный отдых и незабываемые впечатления».

7. Богатство и выразительность речи. Оппозицией понятий «богатство и выразительность речи» являются понятия «бедность» и «невывразительность». Бедность и невыразительность речи студентов обусловлены прежде всего недостаточной широтой и глубиной лексического тезауруса, неумением выбрать наиболее соответствующее жанру и стилю текста слово из ряда синонимов, незнанием системы риторических фигур и тропов. Следствием этого является огромное количество речевых штампов, напр. выражений с глаголом «окунуться», наречием «удивительно», прилагательным «уникальный»: «ОКУНИТЕСЬ в прелестную природу этого благословенного уголка!», «Окунись в историю!», «УДИВИТЕЛЬНО чистая вода или ясное небо», «УНИКАЛЬНАЯ природа», «УНИКАЛЬНАЯ национальная кухня». Штампом в туристической рекламе стали и такие выражения, как «подлинный рай», «почувствуй вкус (чего-либо, напр., моря)», «заряд бодрости», «прикоснись к...», «чистый лазурный берег», «восточная экзотика», «райский уголок» и некоторые другие.

8. Информативность речи. Информативность студенческих рекламных текстов достаточно велика (сказывается влияние многочисленной рекламной продукции, используемой в этой сфере бизнеса), однако представленная информация нуждается не только в правке-вычитке и стилистической правке, но и в правке-обработке, и прежде всего в сокращении текста и его графической корректуре. Приведем пример явно избыточной для рекламного текста информации в сочетании с фактической ошибкой (стилистика оставлена без изменений):

Турция удивит Вас своей насыщенной природой: четьрьмя знаменитыми морями – Средиземное, Черное, Эгейское, Мраморное.

Приморский субтропический климат позволит наслаждаться лучами жаркого, палящего солнца Турции.

ОСТУДИТЬ СВОЙ ПЫЛ ВЫ СМОЖЕТЕ, ИСКУПАВШИСЬ В МОРСКИХ ВОДАХ, РЕКАХ, ОЗЕРАХ, БАССЕЙНАХ НАШЕЙ СТРАНЫ.

9. Наконец, убедительность речи. Все вышеперечисленные нарушения требований к качествам хорошей речи, без сомнения, снижают убедительность рекламного текста. Кро-

ме того, убедительность последнего снижают отсылки к неизвестному («Вас привлечет выбор четырех морей, а каких – Вы узнаете сами»); неопределенность высказывания («В Турции и ее окрестностях вы можете встретить большое количество интереснейших мест, достойных того, чтобы посетить их»), «размытые» заголовки и эхо-фразы, которые можно соотнести с рекламными текстами о любой стране мира («Сумей насладиться отдыхом!!!», «Почувствуй вкус жизни!», «Райский уголок отдыха»), и ряд других факторов, обуславливающих неудачу рекламного сообщения.

Таким образом, анализ качеств хорошей речи. необходимых для создания сообщения в рамках определенной жанровой формы, показал далеко не достаточную сформированность последних. Мы анализировали лишь письменную форму речи, которая предполагает возможность обдумывания, проверки и исправления написанного. Сделать эффективной спонтанную устную речь, не предполагающую таких возможностей, еще сложнее. Сказанное предполагает разработку и последовательную реализацию методической системы повышения коммуникативной компетенции студентов во всех вузовских курсах, и прежде всего в курсах гуманитарного цикла.

© Руженцева Н.Б., Ямбаршева Е.Г., 2007

Шустрова Е.В.
Екатеринбург

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЕБЕСНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Солнце и Луна – два главных светила, чья природная двойственность является элементами любой культуры. С одной стороны, это символы божественного начала, счастья, добрых начинаний, радостных известий, приятного времяпровождения. С другой стороны, это знаки бессилия, нужды, неудач, переживаний, невзгод и бедствий [Бидерманн 1996: 154–155, 255–256].

Двойная трактовка небесных светил проявляется и в афроамериканском дискурсе, который будет предметом нашего рассмотрения. Здесь двойственность концептуальных

связей объясняется целым рядом исторических и культурных причин, в частности, сохранением части легенд Черного континента и переосмыслением европейской традиции.

В ранних афроамериканских литературных произведениях XVIII–XIX вв. (автобиографии бывших рабов, поэзия Ф. Уитли, романы Ф. Дугласса) в силу стремления их создателей показать свою образованность и знание классических европейских канонов «черные» черты небесной концептосферы остаются в тени. Слияние европейской и африканской трактовок небесной концептосферы впервые проявляется в идиостиле У. Э. Б. Дюбуа, принадлежавшего к авторам начала XX в., человека, получившего прекрасное европейское образование, с одной стороны, и в то же время всегда чтившего афроамериканскую диаспору, стремившегося донести до широкой публики сохранившиеся элементы черной культуры.

Прежде чем представить описание концептосферы оговоримся, что параллельно с понятиями когнитивной лингвистики мы будем использовать терминологию традиционной стилистики. Так, мы используем термины сравнение, метафора, эпитет, олицетворение, метонимия, синекдоха, аллегория, аллюзия. На наш взгляд, это не вступает в противоречие с положениями когнитивного направления и позволяет дать более детальное описание концепта. Все данные выборки, дающие примеры концептуального развертывания образа небесных светил, были поделены на три группы: метафорическую, представленную сравнением, метафорой, эпитетом, олицетворением; метонимическую с выделением в ряде случаев синекдохи как подкласса; и смешанную группу, проявляющуюся главным образом в аллегорических связях.

Итак, в дискурсе У. Э. Б. Дюбуа контекстуальный анализ позволил выделить следующие составляющие небесной концептосферы: *cloud, moon, sky, stars, sun, sunshine*. Их развитие может иметь как положительную, так и отрицательную направленность. Так, облако (*cloud*) может, с одной стороны, при помощи метафорического эпитета быть связано с хлопком и передавать богатство, гордость, величие Юга США.

Have you ever seen a cotton field white with harvest, – its golden fleece hovering above the black earth like a silvery cloud edged with dark green, its bold white signals waving like the foam

of billows from California to Texas across that Black and human Sea? [Du Bois 1989: 94].

С другой стороны, это толпа беженцев, людей, истерзанных войной, печать расовой принадлежности, вечный барьер, беды, тревоги, геноцид, судьба изгоя.

*But to me neither soldiers nor fugitive speaks with so deep a meaning as that **dark human cloud** that clung like remorse on the rear of those swift columns, **swelling at times to half their size, almost engulfing and choking them*** [Du Bois 1989: 14].

*And yet, with a way to the priesthood of the Church open at last before him, **the cloud lingered there**; and even when in old St. Paul's the venerable Bishop raised his white arms above the Negro deacon – even then the burden had not lifted from that heart, for there had passed a glory from the earth* [Du Bois 1989: 155].

Луна (*moon*) при помощи аллегорических связей и библейских аллюзий символизирует в дискурсе У. Э. Б. Дюбуа закат, угасание и грядущее возрождение, вечный круговорот, циклы природы и жизни человека.

*“Oh, the stars in the elements are falling, | And **the moon drips away into blood**, | And the ransomed of the Lord are returning unto God, | Blessed be the name of the Lord”* [Du Bois 1989: 185].

Позднее эта строка войдет в канву одной из новелл Дж. Тумера «Blood-Burning Moon».

Концепт «небо» (*sky*) у У. Э. Б. Дюбуа имеет традиционную европейскую трактовку как символа счастья, удачи. Примечательно, в данном случае, то, что У. Э. Б. Дюбуа использует «белый» символ *blue sky* (который наряду с другим словосочетанием *blue eye* часто носит негативную коннотацию и ассоциируется с белой Америкой) в описаниях своего превосходства над представителем белой расы, а также в качестве аллегории надежды на освобождение от тягот расовой дискриминации.

***That sky was bluest** when I could beat my mates at examination time, or beat them at a foot-race, or even beat their stringy heads* [Du Bois 1989: 2].

The shades of the prison-house closed around about us all; walls strait and stubborn to the whitest, but relentlessly narrow,

*tall, and unscalable to sons of night who must plod darkly on in resignation, or beat unavailing palms against the stone, or steadily, half hopelessly, watch **the streak of blue above** [Du Bois 1989: 2].*

В трактовке концепта «звезда» (*star*) пересекаются две линии: прошлое, история, наследие Черного континента, боги Африки, с одной стороны, и христианство, европейская культура, белый Бог и его окружение, с другой.

*But back of this still broods silently the deep religious feeling of the real Negro heart, the stirring, unguided might of powerful human souls **who have lost the guiding star of the past** and seek in the great night a new religious ideal [Du Bois 1989: 145].*

*I wonder if in that dim world beyond, as he came gliding in, there rose on some wan throne a King, – a dark and pierced Jew, who knows the writings of the earthy damned, saying, as he laid those heart-wrung talents down, “Well done!” while **round about the morning stars sat singing** [Du Bois 1989: 160].*

Применительно к сфере-мишени «человек» данный концепт использован при описании единичных одаренных представителей темной расы, не дождавшихся мирового признания, и негров Юга во время войны, беженцев, ищущих защиты.

*Through history, the powers of single black men flash here and there **like falling stars**, and die sometimes before the world has rightly gauged their brightness [Du Bois 1989: 3].*

Концепт «солнце и его свет» (*sun, sunshine*) также имеет у У. Э. Б. Дюбуа две трактовки. С одной стороны, это символ и часть свободы, безмятежности, радости от красоты природы, счастья. Такое прочтение совпадает с общеевропейским.

*Free, free **as the sunshine** trickling down the morning into these high windows of mine, free as yonder fresh young voices welling up to me from the caverns of brick and mortar below – swelling with song, instinct with life, tremulous treble and darkening bass [Du Bois 1989: 187].*

Во же время согласно африканским легендам Солнце и его зной – это враги человека, всегда готовые нанести урон, посеять гибель, породить тревогу и разлад. В прозе У. Э. Б. Дюбуа эта линия проявляется в контекстах, связанных с неминуемой бедой, приходом смерти.

*And so we dreamed and loved and planned by fall and winter, and the full flush of the long Southern spring, till the hot winds rolled from the fetid Gulf, till the roses shivered and the still **stern sun quivered** its awful light over the hills of Atlanta [Du Bois 1989: 148].*

*He died at eventide, when **the sun lay like a brooding sorrow** above the western hills, veiling its face; when the winds spoke not, and the trees, the great green trees he loved, stood motionless [Du Bois 1989: 148–149].*

Обращаясь к афроамериканскому дискурсу начала XX в. в целом, следует отметить, что в этот временной интервал подавляющее большинство произведений афроамериканцев пишется на афроамериканском варианте английского языка (AAE). Это неслучайно и объясняется тем, что чуть ранее и непосредственно в это время в Америке становятся чрезвычайно популярны так называемые шоу менестрелей (*minstrel shows*), жанр развлекательного представления, в котором белые актеры в черном гриме разыгрывали сценки из негритянской жизни Юга. Этот жанр развился из цирковых номеров начала XIX в., белые исполнители которых обязательно гримировались под негров. В дальнейшем особенности постановок такого рода складывались под влиянием трупп Т. Райса (Rice, «Daddy» Thomas) и Д. Эмметта («Virginia Minstrels of Dan Emmett») [Англо-русский лингвострановедческий словарь 1996: 601]. Действие шоу менестрелей происходило на афроамериканском английском, естественно на стилизованном его варианте, а не на том, который был действительно в ходу в диаспоре. Однако использование коверканного AAE благодаря этим постановкам входит в моду и дает возможность афроамериканским писателям публиковать свои произведения, написанные на AAE.

Для самих же представителей диаспоры публикация произведений на афроамериканском английском была попыткой, с одной стороны, разрушить традиционное представление о простодушном, не расстающимся со своим банджо и вечно улыбающемся негре Юга, говорящем на нелепом английском – образ, созданный постановками менестрелей, и показать настоящий AAE с его ритмичностью, пропорциями, необычным использованием лексики, словом, то, что практи-

чески неизвестно миру и в то же время передает дух диаспоры, черты американского негра.

С другой стороны, использование черного варианта английского языка всегда давало диаспоре чувство защищенности. Этот вариант был и остается символом единения, что особенно важно, когда общество настроено против человека, который пытается добиться экономической независимости – то с чем столкнулось большинство афроамериканцев после освобождения. Это маска, надеваемая в приватной беседе, вариант, передающий сокровенное. И сегодня афроамериканские писатели, включая Т. Моррисон, М. Анджело, А. Уилсона, отмечают, что использование ААЕ в прямой речи позволяет передать такие оттенки значения, которые полностью утрачиваются при переходе на стандарт.

Итак, ААЕ дает приватность и произведения на нем пользуются коммерческим успехом. Однако именно эти два факта и становятся ловушкой. Как позднее напишет Дж. У. Джонсон, он внезапно осознал «искусственность традиционной негритянской поэзии на ААЕ, ее преувеличенные веселость и детский оптимизм, надуманную комичность и приторную сентиментальность, ее способность выражать только два чувства – пафос или юмор, делающие любое произведение либо смешным, либо грустным». Автор, пишущий на ААЕ, «часто выражал то, что имело мало отношения к самой диаспоре, в действительности он описывал только определенный аспект жизни афроамериканцев, тот, что был понятен и приятен американскому обществу», те же, кто не пытался этого сделать, «писали только для себя и своего узкого круга» (J. Johnson) [Цит. по: Rickford 2000: 31].

Это приводит к следующему: все чаще в произведениях ряда афроамериканцев (Ф. Харпер, Топси, А. Нелсона и др.) появляется вариант ААЕ, отвечающий представлениям *белых* о речи негров, использование афроамериканского английского превращается в фиглярство, что справедливо вызывает возмущение диаспоры, потому что напоминает о временах рабства и о перенесенных унижениях. Так, появляется первое течение писателей-«пересмешников» (*Mockingbird School*), о произведениях которых З. Н. Херстон с горечью напишет: «если верить большинству пишущих на ААЕ и акте-

рам, перемазанным жженой пробкой, то негритянская речь – очень странная вещь, полная аms и lses» (Z. Hurston) [Цит. по: Rickford 2000: 30].

Пожалуй, только двум поэтам этого периода удалось «избежать всей вульгарности и ниггеризма, добавить глубокой нежности и законченности формы» [Rickford 2000: 31]. Мы имеем в виду П. Л. Данбара и Дж. У. Джонсона. Тем не менее, и в их произведениях концептосфера небесных светил сворачивается и используется лишь для описания надежды на лучшее, жизни, правды, свободы. Из всех возможных авторы выбирают образы солнца и его света, лучей и реже звезд (*sun, sunlight, star*)

*How would you have us, as we are? | Or sinking 'neath the load we bear, | Our eyes fixed forward on a **star**, | Or gazing empty at despair? | Rising or falling? Men or things? | With dragging pace or footsteps fleet? | Strong, willing sinews in your wings, | Or tightening chains about your feet?* (J. Johnson) [Цит. по: Lauter 1990: 1466].

*A hush is over all the teeming lists, | And there is pause, a breath-space in the strife; | A spirit brave has passed beyond the mists | And vapors that obscure **the sun of life*** (P. Dunbar) [Цит. по: Lauter 1990: 482].

*And he was no soft-tongued apologist; | He spoke straight-forward, fearlessly uncowed; | **The sunlight of his truth** dispelled the mist, | And set in bold relief each dark-hued cloud; | To sin and crime he gave their proper hue, | And hurled at evil what was evil's due* (P. Dunbar) [Цит. по: Lauter 1990: 483].

Течение писателей-«пересмешников» сменило время Гарлемского ренессанса (*Harlem Renaissance*) (1920–1929 г.). Развитие небесной концептосферы в этот период мы проследим в произведениях Л. Хьюза, Дж. Тумера, З. Н. Херстон.

Для Л. Хьюза в группе сравнения наиболее частотным является сопоставление с солнцем и луной. При этом на втором полюсе оказывается человеческое лицо или тело, а так же греза, мечта.

*She was young and beautiful | And golden **like the sunshine** | That warmed her body. | And because she was colored | Mayville had no place to offer her, | Nor fuel for the clean flame of*

joy | *That tried to burn within her soul* [Hughes 1990: 166].

*Look at my face – dark as the night – | Yet shining **like the sun** with love's true light. | I am the child they stole from the sand | Three hundred years ago in Africa's land. | I am the dark girl who crossed the wide sea | Carrying in my body the seed of the free* [Hughes 1990: 288].

*But it was there then, | In front of me, | Bright **like a sun** – | My dream* [Hughes 1990: 11].

Отмечены сравнения физических характеристик других источников света со светом небесных светил.

*The light on the Palmolive Building | Shines **like a star** in the East* [Hughes 1990: 185].

Метафорическая модель строится на проведении аналогий между любимой, чувством нежности к ней, тоски, стремления увидеться вновь и светилами ночного неба. Отметим привычность этого образа, многократно встречающегося в английской литературе.

*You were my **moon** up in the sky, | At night my wishing **star**. | I love you oh, I love you so – | But you have gone so far!* [Hughes 1990: 113].

Солнце же, напротив, призвано передать трудности пути, препятствия, возникающие при достижении цели. Слепящее солнце утомляет путника, делает его равнодушным, безучастным. В данном случае мы встречаемся с элементами традиционной африканской трактовки, унаследованной афроамериканской диаспорой.

*I couldn't read then. I couldn't write. | I had nothing, back there in the night. | Sometimes, the valley was filled with tears, | But I kept trudging on through the lonely years. | Sometimes the road was hot with **sun**, | But I had to keep on till my work was done* [Hughes 1990: 288].

С другой стороны, солнечный свет уничтожает мрак безысходности, в этом образе приходит мечта, исполнившееся желание, свершившиеся надежды. Подобная модель также может быть охарактеризована как полустершаяся структура, заимствованная Л. Хьюзом из европейской литературы.

And then the wall rose, | Rose slowly, | Slowly, | Between me and my dream. | Rose slowly, slowly, | Dimming, | Hiding, | The light of my dream. | Rose until it touched the sky – | The wall. |

Shadow. | I am black. | I lie down in the shadow. | No longer the light of my dream before me, | Above me. | Only the thick wall. | Only the shadow. | My hands! | My dark hands! | Break through the wall! | Find my dream! | Help me to shatter this darkness, | To smash this night, | To break this shadow | Into a thousand lights of sun, | Into a thousand whirling dreams | Of sun! [Hughes 1990: 11–12].

Привлечение эпитета ограничивается противопоставлением «солнце – луна» и описывает неодушевленные или абстрактные предметы, явления [Hughes 1990: 173, 185].

Анализ произведений не выявил примеров олицетворения иных небесных тел или явлений кроме уже упомянутых солнца и луны. При этом луна всегда связывается с женским образом, будь-то образ молодой возлюбленной или пожилой матери, бабушки, что, впрочем, ни в коей мере не противоречит английской лирической традиции.

The moon is naked. | The wind has undressed the moon. | The wind has blown all the cloud-garments | Off the body of the moon | And now she's naked, | Stark naked. | But why don't you blush, | O shameless moon? | Don't you know | It isn't nice to be naked? [Hughes 1990: 60].

The moon, | Like an old grandmother, | Blessed us with a kiss | And sleep | Took us both in | Laughing [Hughes 1990: 63].

Образ солнца не имеет четко выраженного пола, в частности, отсутствуют личные местоимения, которые позволили бы точно его определить. Укажем, что у Л. Хьюза солнце часто выступает в роли страдающего или жертвы, настойчиво повторяется описание багрового заката, действительно характерного для Южных Штатов, призванного усилить впечатление обреченного истекающего кровью существа.

Sometimes a wind in the Georgia dusk | Scatters hate like seed | To sprout its bitter barriers | Where the sunsets bleed [Hughes 1990: 279].

Sometimes there's blood in the Georgia dusk, | Left by a streak of sun, | A crimson trickle in the Georgia dusk. | Whose blood? ... Everyone's [Hughes 1990: 279].

Метонимическое использование небесных светил становится у Л. Хьюза частью образа матери, Юга или Гарлема, при этом два последних так же отчасти приобретают женские

черты.

*The scent of pine wood stings the soft night air. | What's the body of your mother? | **Silver moonlight** everywhere. | What's the body of your mother? | Sharp pine scent in the evening air* [Hughes 1990: 160].

*Cotton and **the moon**, | Warmth, earth, warmth, | **The sky, the sun, the stars**, | The magnolia-scented South. | Beautiful, like a woman, | Seductive as a dark-eyed whore, | Passionate, cruel, | Honey-lipped, syphilitic – | That is the South* [Hughes 1990: 173].

*O, **sweep of stars** over Harlem streets, | O, little breath of oblivion that is night* [Hughes 1990: 188].

Аллегорическое привлечение образа небесных светил у Л. Хьюза дает примеры сопоставления с афроамериканской диаспорой, негроидными физическими чертами, с одной стороны [Hughes 1990: 13, 114-115], и превратностями судьбы американского негра, с другой.

*The blue bayou's | A pool of fire. | And **I saw the sun go down**, | Down, | Down, | Lawd, I saw the sun go down!* [Hughes 1990: 170].

*In times of stormy weather | She felt queer pain | That said, "You'll find rain better | Than shelter from the rain." | Days filled with **fiery sunshine** | Strange hurt she knew | That made | Her seek the burning **sunlight** | Rather than the shade. | In months of snowy winter | When cozy houses hold, | She'd break down doors | To wander naked | In the cold* [Hughes 1990: 84].

В контексте произведений Дж. Тумера, другого писателя эпохи Гарлемского ренессанса, параллельно с небесной концептосферой обязательно задействуются образы растения, голоса или песни и Бога. Часто тема света луны и ночного пейзажа предваряет обращение к образу Христа.

*A false dusk has come early. The countryside is ashen, chill. Cabins and roads and canebrakes whisper. The church choir, dipping into a long silence, sings: My Lord, what a mourning, | My Lord, what a mourning, | My Lord, what a mourning, | **When the stars begin to fall...** Softly luminous over the hills and valleys, the faint spray of **a scattered star...*** (J. Тоomer) [Цит. по: Gates 1997: 1148-1149].

В стихотворных зарисовках Дж. Тумера наибольшей час-

точностью обладают ночные небесные светила и ночное время суток. В поэмах Дж. Тумера особенно часто использует эти понятия для сравнения с ними облика женщины:

Her skin is like dusk on the eastern horizon | When the sun goes down (J. Toomer) [Цит. по: Gates 1997: 1090].

Hair – silver gray, like streams of stars (J. Toomer) [Цит. по: Gates 1997: 1093].

Сама луна тоже может быть наделена женскими антропоморфными чертами:

Full moon ... holding her lips apart (J. Toomer) [Цит. по: Lauter 1990: 1472].

Связь образа луны и женщины представлена особенно ярко в уже упомянутой новелле Дж. Тумера «Blood-Burning Moon», повествующей о любви, соперничестве, убийстве и гибели. В данном случае луна связана с греховной красотой, запретными желаниями и трагичным поворотом событий. Отметим, что здесь мы также наблюдаем слияние образа сумерек и луны с концептами растения, голоса, песни и Бога.

У З. Н. Херстон на первый план выходит прием метафорического олицетворения небесных светил. Так, солнце предстает либо путником, оставляющим свой след в просторах неба, пронсящимся по горизонту в покрове времени, либо стариком, равнодушным к радости и горю. Во втором случае мы имеем дело с аллюзией на африканские легенды о дедушке Солнечной Подмышке, старике Солнце [Сказки Африки 2002: 35–36].

The people all saw her come because it was sundown. The sun was gone, but he had left his footprints in the sky [Hurston 1978: 7].

The sun swept around the horizon, trailing its robes of weeks and days (Z. Hurston) [Цит. по: Lauter 1990: 1551].

The sun, the hero of every day, the impersonal old man that beams as brightly on death as on birth, came up every morning and raced across the blue dome and dipped into the sea of fire every morning. Water ran downhill and birds nested (Z. Hurston) [Цит. по: Lauter 1990: 1551].

Ночь и луна для З. Н. Херстон – это, в первую очередь, символы радости жизни, молодости, стройного тела, здоровья. Как и у Дж. Тумера, эти понятия связаны с образом жен-

щины, ее красотой, взрослением, мудростью, обретением своего «я» [Hurstons 1978: 11].

Отметим, что в случае придания луне женских антропоморфных черт в контексте произведений афроамериканских авторов мы встречаемся с ассоциацией, присущей многим другим мировым культурам. Данная связь луны с женщиной, ее циклами и здоровьем широко представлена и в европейской традиции. «В христианской иконографии Дева и Богоматерь Мария часто сравниваются с луной или изображаются стоящими или восседающими на лунном серпе. ... И богиню мрака Гекату Триодитис (Трехликая) связывают с бросающимися в глаза фазами Луны (молодая Луна, или новолуние, полнолуние, темная Луна, или Луна на ущербе) и тремя жизненными фазами женщины (девичество, материнство, старость)» [Бидерманн 1996: 154–155].

Описанные выше схемы концептуального развертывания частично проявляются и у афроамериканских писателей течения реализма, натурализма и модернизма (1940–960 гг.). Но, в отличие от авторов Гарлемского ренессанса, женские черты концепта, связь с муками любви и Богом отходят на второй план. Несомненно, женская линия присутствует в дискурсе этого периода и представлена целым рядом красивых контекстов, однако главными вновь становятся судьба и история диаспоры в целом и ее отдельного представителя. Р. Райт и Р. Эллисон возвращают нас к концептуальным моделям У. Э. Б. Дюбуа и П. Данбара.

В творчестве Р. Райта концептосфера небесных светил в большей мере рисует зловещий образ. Он связан метафорическими отношениями либо с темнотой, безысходность, внутренним протестом, либо с образом человека без судьбы [Wright 1993: 402, 434, 487–488, 520 и др.].

Недовольство, негодование предстают в образе солнца и тьмы.

*He was like a strange plant blooming in the day and wilting at night; but **the sun** that made it bloom and the cold darkness that made it wilt were never seen. It was his own sun and darkness, a private and personal sun and darkness* [Wright 1993: 31].

Человек, потерявший себя, – это планета, заблудившаяся в Галактике.

*Feeling the capacity to be, to live, to act, to pour out the spirit of their souls into concrete and objective form with a high fervor born of their racial characteristics, they glide through our complex civilization like wailing ghosts; they spin **like fiery planets lost from their orbits**; they wither and die like trees ripped from native soul [Wright 1993: 464–465].*

Прием олицетворения чаще связывается с образом жертвы-Солнца и жестоких, хищных туч.

*Outside his window he saw **the sun dying** over the roof-tops in the western sky and watched the first shade of dusk fall [Wright 1993: 48].*

*All day long it had been springlike; but now **dark clouds** were slowly **swallowing the sun** [Wright 1993: 48].*

В то же время, Солнце это еще и аллегория свободы и будущего. Оно же связано метонимической связью с понятием жизни [Wright 1993: 359-360, 420, 468]. Небо же всегда враждебно и выступает частью или символом равнодушия или недовольства окружающих.

*Why was this eternal reaching for something that was not there? Why this black gulf between him and the world: warm red blood here and **cold blue sky** there, and never a wholeness, a oneness, a meeting of the two? [Wright 1993: 490].*

В романе Р. Эллисона «Человек-невидимка» («Invisible Man») концептосфера небесных светил образует метафорические и метонимические связи с двумя основными понятиями: человек, в частности описание его внешности, и история диаспоры.

В тексте часто проводится достаточно традиционная аналогия между талантливым человеком и восходящим солнцем. Уход из жизни лидера описывается как падение метеорита. Выражение лица чаще передается через аналогию с небом [Ellison 1992: 121, 124, 435].

Отметим, что в романе Р. Эллисона наблюдаются существенные различия между системой концептуальных связей, применяемой в речи белых, или же афроамериканцев, являющихся политическими лидерами, и образной организацией воспоминаний главного персонажа и речи простых членов диаспоры. Речь первой группы отличается значительным количеством стершихся уподоблений и в значительной мере

традиционным подбором образных средств. Напротив, речь главного героя и остальных персонажей, «невидимых» для черной или белой политической элиты построена на значительно большем количестве образных связей, характерных либо для афроамериканского фольклора, либо напоминающих концептуальную организацию текста У. Э. Б. Дюбуа, Р. Райта, Л. Хьюза, Дж. Тумера, З. Херстон.

Так, солнце в речи главного героя, в соответствии с канонами устной афроамериканской традиции, является символом тревог, неприятностей, а придание ему антропоморфных характеристик рисует образ жестокого беспощадного существа.

*Far down the road **the sun glared cruelly** against a tin sign nailed to a barn* [Ellison 1992: 40].

Луна же, напротив, ассоциируется с ласковым, нежным созданием. Иногда этот образ близок образу матери. Луна проливает тихие слезы дождя и звезд и в метонимических моделях выступает частью мира, покоя.

*Oh, long green stretch of campus, Oh, quiet songs at dusk, Oh, **moon** that **kissed** the steeple and flooded the perfumed nights, Oh, bugle that called in the morning, Oh, drum that marched us militarily at noon – what was real, what solid, what more than a pleasant, time-killing dream?* [Ellison 1992: 36].

*“It was as though the very constellations knew our impending sorrow,” he bugled, his head raised to the ceiling, his voice full-throated. “For against that great – wide – sweep of sable night there came the burst of a single jewel-like star, and I saw it shimmer, and break, and streak down **the cheek of that coal-black sky** like a reluctant and solitary tear...”* [Ellison 1992: 125-126].

Подобные образы солнца и луны связаны у Р. Эллисона в большей мере с описаниями истории диаспоры. Довольно часто их дополняет метафорический и инвертированный пространственный эпитет. Напр., картина бегущих на север бывших рабов, чей путь освещает свет плачущей луны, связана с эпитетами «земля тьмы и бедствий», «поля безграмотности и нищеты» (*this land of darkness and sorrow, of ignorance and degradation, an aching land, the plane of history*) и др. [Ellison 1992: 116-131].

Дж. Болдуин делает попытку совместить трактовки небесной концептосферы, уже представленные в афроамериканской литературе, и одновременно дать собственную линию развития этих образов. В контексте его романов («Go Tell It on the Mountain» [1953], «Giovanni's Room» [1956], «Another Country» [1962], «Tell Me How Long This Train's Been Gone» [1968], «If Beale Street Could Talk» [1974], «Just above My Head» [1979] и др.) небесные объекты несут двойную трактовку в зависимости от связи с временем суток. Так, в метафорической группе преобладающим оказывается влияние африканского образа луны и ночи, как друга, защитника, символа культуры предков, наследия диаспоры, попыток обрести его вновь [Baldwin 1985: 166].

Солнце же предстает в роли злого властителя, предвестника бед. У Дж. Болдуина этот символ часто связывается с опасной греховной красотой женщины, запретным половым влечением, любовной тоской, невозможностью быть вместе, иным чувствам, ведущим к общественному осуждению, неприятию.

*She was associated in his mind with flame; with fiery leaves in the autumn, and **the fiery sun** going down in the evening over the farthest hill, and with the eternal fires of Hell* [Baldwin 1985: 116].

Роль метафоры и сравнения усиливается использованием эпитетов *cruel* и *freezing (sun)*.

***The cruel sun**, and the indifferent air, and the two of them burning on a burning field. She knew that, yes, she must now surrender, now that she had him; she knew that she could not let him go* [Baldwin 1993: 368].

*When I was with Fonny, the eyes looked straight ahead, into **a freezing sun**. When I was alone, the eyes clawed me like a cat's claws, raked me like a rake* [Baldwin 1988: 186].

Олицетворение в данном случае рисует образы воина, недруга, нападающего, осуждающего, бездушного, злобного существа, а так же спящего (просыпающегося), полного неведомых сил, пугающей мощи, непредсказуемого создания, тоскующего и рыдающего, если человек обрел покой и счастье.

The white houses, with their blank front doors, their blackly

*shadowed porches, seemed to be in battle with **the sun**, laboring and shuddering beneath the merciless light* [Baldwin 1993: 201].

*And he wanted to say, Vous êtes très jolie, but it was too late, he had hit the light, **the sun glared** at him, and everything wavered in the heat* [Baldwin 1993: 435].

*The sun **had come full awake**. It was **waking** the streets, and the houses, and **crying** at the windows* [Baldwin 1985: 221].

Так же задействуются образы неба и облака (*sky, cloud*). В группе сравнения, метафоры и эпитета преобладают мрачные описания и связь с чувством неприязни, человеком (его разумом), полным суровой решимости, нескончаемыми бедами [Baldwin 1979: 163, 175; 1985: 156; 1988: 22; 1993: 145]. Олицетворение, параллельно с упомянутым, дает и иной образ неба, как существа, готового внимать, сочувствовать человеку, что приближает этот символ к традиционной европейской трактовке неба, как одного из проявлений Бога.

*When he heard this singing, which filled all the silent air, which swelled until it filled all the waiting earth, the heart within him broke, and yet began to rise, lifted of its burden; and his throat unlocked; and his tears came down as though **the listening skies** had opened* [Baldwin 1985: 97].

В метонимической группе в ряде контекстов луна и солнце меняют свою коннотацию на полностью противоположную – солнце здесь выступает символом прихода к Богу, обретением утешения, спасения [Baldwin 1985: 71-72]. Одновременно и небо связывается с освобождением из плена былых сомнений, началом нового дня [Baldwin 1985: 215-216]. Луна же бледнеет и исчезает, уходит прочь ночь душевных терзаний. С одной стороны, в этих образах явно преобладает европейский элемент. В то же время, здесь необходимо помнить о существовании в афроамериканском варианте английского языка таких значений лексемы *midnight* как «час, когда человек погружен в молитву и созерцание в поисках ответа на свои вопросы» и «время депрессии и поиска выхода из трудностей» [Smitherman 1994: 160-161], когда изначально ночь (полночь) была временем единения с Богом, обретением успокоения, защиты. Впоследствии путем метонимии в ААЕ были получены уже упомянутые добавочные значения с негативной коннотацией, приблизившие понимание ночи к

европейской трактовке.

Продолжается и линия связи солнца с отчуждением, осуждением, горем отдельного человека (необязательно афроамериканца) и тревогами, лишениями афроамериканской диаспоры [Baldwin 1988: 186; 1993: 366-368].

Примеры аллегии вполне укладываются в рамки традиционного библейского прочтения концепта «солнце» как символа Творца и концепта «облака» как символа сомнений [Baldwin 1985: 110-112, 129].

В отличие от прозы в афроамериканской поэзии и драме 1940-1960-х гг. – в первую очередь это произведения Г. Брукс, Р. Дункана, М. Толсона, Л. Хансберри и Р. Хейдена – небесная концептосфера представлена довольно тривиально. Отличия наблюдаются лишь в сужении объекта высказывания до афроамериканца и диаспоры в отличие от человечества в целом. В метафорической и смешанной группах отсутствию света уподобляются беды, настоящее диаспоры [Hansberry 1988: 82]. Ожидание лучшего сравнивается с залитыми лунным светом лесами [Там же: 38]. Достичь совершенства – значит обнять звезды [Hansberry 1969: 41]. С этим же понятием сравниваются уважение, почитание, благоприятный поворот судьбы, а также неизменность мира.

В работах авторов движения «Черного искусства» (*Black Arts Movement*) периода 1960-1970 гг. (А. Барака, Н. Дживанни, М. Кинг, Э. Найт, С. Санчез) проявления небесной концептосферы можно считать окказионализмами.

Если следовать теории волн в физике, то изменения в афроамериканском дискурсе можно сравнить с затуханием и возобновлением колебаний среды. В случае с концептами небесной сферы первый пик приходится на прозу У. Э. Б. Дюбуа (1900-1910 гг.), в творчестве поэтов-«пересмешников» связи концептосферы упрощаются, начинают терять наполненность. Появляется течение Гарлемского ренессанса и небесные образы получают новое развитие, продолженное в прозе 1940–1960 гг. Второй период затухания проявляется в поэзии и драме конца 1960-х и движении «Черного искусства». Третья волна развития связана с творчеством М. Анджело, Т.К. Бамбары, Т. МакМиллан, К. Мейджора, Т. Моррисон, Г. Нейлор, Э. Уоркер, М. Харпера

и многих других. При этом небесная концептосфера получает равноправное развитие и в прозаическом и в поэтическом жанре. Рассмотрим реализацию концептуальных связей на примере дискурса М. Анджело, представленном и прозой и стихами.

Основным полюсом метафорического развертывания концептов неба и небесных светил у М. Анджело становится, в первую очередь, сам человек. При этом автор концентрируется на развитии образов (молодого) мужчины и женщины, всегда принадлежащих к негроидной расе. Мужское начало отождествляется с солнечным светом, восходом солнца, символизирующими силу и красоту возлюбленного, его желанность.

*Then you rose into my life | **Like a promised sunrise.** |
Brightening my days with the light in your eyes [Angelou 1994: 129].*

Уподобление любимого осторожному солнечному зайчику, ласковому лучу на половице или циновке построено на реализации потенциальных сем «уют, тепло, забота, защита» – т.е. качеств, важных для любой женщины [Angelou 1994: 10]. В то же время семы «хрупкость, ранимость, обреченность на гибель» лежат в основе переноса «зимний солнечный свет – афроамериканский подросток».

*A young body, light | **As winter sunshine,** a new | Seed's
bursting promise, | Hung from a string of silence | Above its future
[Angelou 1994: 152].*

Если в мужском образе заложены характеристики молодости, то женщина – это либо пожилая афроамериканка, либо персонаж, замещающий автора, и не имеющий выраженных возрастных параметров. Превалирующими здесь оказывается связь с луной (месяцем) и указание на красоту, сияние глаз, мудрость, спокойствие, внутренний свет, постоянство, силу, привлекательность для мужчины. Подобная трактовка возвращает нас к романам З. Н. Херстон.

*Her face was **a brown moon that shone** on me. She was
beautiful [Angelou 1969: 32].*

*If you are Black and for me, | press steady, as the weight | of
night. And I will show | cascades of brilliance, astrally. | If you are
Black and constant, | descent importantly, | as ritual, and I **will***

arch / a crescent moon, naturally [Angelou 1994: 204].

При описании способности преодолеть себя, судьбу, покорить мужчину образы луны и солнца употребляются параллельно, в качестве единого концепта.

Why are you beset with gloom? | 'Cause I walk like I've got oil wells | Pumping in my living room. | Just like moons and like suns, | With the certainty of tides, | Just like hopes springing high, | Still I'll rise [Angelou 1994: 163-164].

Образ солнца применительно к женщине подкрепляется и инвертированным эпитетом *the sun of my smile*, реализующим сему «обаяние».

Если образ солнца у М. Анджело больше напоминает европейскую трактовку, то само небо описывается с позиций традиционных африканских понятий, связывающих солнечный свет и дневное небо с напастями разного рода. У М. Анджело негативная коннотация проявляется особенно ярко в метафорической связи цвета неба с глазами евроамериканца. При переносе имплицитируются потенциальные компоненты значения «ненависть, угроза, тревога нового дня».

Breathing | slaughter on the Malcolm X | Institute. | Whole fist | balled fingers pressing | palm. Shooting up through | Honky's blue-eyed sky [Angelou 1994: 95].

Антропоморфные характеристики концепта неба и небесных светил автор развивает путем метафорического олицетворения. Эмоциональная маркированность в большинстве случаев сохраняет положительную направленность. Солнце предстает либо как непокорный бунтарь, неприемлющий заведенного порядка и устоев прошлого, либо как капризное существо, высекающее искры света из оков ожидания. Образ наездника в золоченой повозке напоминает об античных мифах.

His lupin fields sprun old | Deceit and agile poppies dance | In golden riot. Each day is | Fulminant, exploding brightly | Under the gaze of his exquisite | Sires, frozen in the famed paint | Of dead masters. Audacious | Sunlight casts defiance | AT their feet [Angelou 1994: 142].

As the sun, capriciously, | Struck silver fire from waiting | Chains where I was bound [Angelou 1994: 210].

С другой стороны, солнце – это нерешительный, застен-

чивый танцор, пытающийся подбодрить человека, и некто бледный, жалкий, запинаящийся, еле идущий, но чья миссия вновь утешение и помощь.

*Even **sunlight dares** | and **trembles** through | my bars | to shimmer | **dances** on | the floor* [Angelou 1994: 103].

*Then **pale sun stumbles** | through the poles of | iron to **warm the horror** | of grey guard men* [Angelou 1994: 103].

Контекстуальный анализ позволяет говорить, что, как правило, в дискурсе М. Анджело концепт «солнце» имеет мужские гендерные характеристики.

Концепт «небо» реализуется в данном случае при помощи двух лексем: *sky* и *heaven*. Это позволяет автору усилить оппозицию «мужчина – женщина». Так, небо (*sky, skies*) – становится страдающим и плачущим влюбленным или пресыщенным любовью, беспокойно ворочающимся, ищущим отдохновения ночным гостем. Его подругой выступает закат или восход солнца, реже звезда.

*No sound falls | from **the moaning sky** | No scowl wrinkles | the evening pool | **The stars** lean down | A stony brilliance | While birds fly. | The market leers | its empty shelves | Streets bare bosoms | to scanty cars | This bed yawns | beneath the weight | of our absent selves* [Angelou 1994: 21].

*Carefully | the leaves of autumn | sprinkle down the tinny | sound of little dyings | and **skies** sated | of ruddy sunsets | of ro-seate dawns | **roil ceaselessly** in | cobweb greys and turn | to black | for comfort* [Angelou 1994: 11].

Небеса (*heaven*) – это женский образ. *Even a laugh | that tickled **the tits of | heaven*** [Angelou 1994: 101].

Из ночных небесных светил олицетворению подвергаются звезды, ассоциирующиеся с влюбленными (или с существами, сочувствующими паре) или с рыбками, пытающимися ускользнуть из сетей мрачной беспомощности – символ прошлых бед Африки.

*Father, | I wait for you in oceans | tides washing pyramids high | above my head. | Waves, undulating | corn rows around my | black feet. | The heavens shift | and **stars** find holes set | new in dark infirmity* [Angelou 1994: 110].

В группе метонимии ведущим становится образ луны, как синекдохи тихой жизни на плантации, покоя, мирных ра-

достей прошлого и в то же время предчувствия радостного будущего, нового дня, полного надежд [Angelou 1994: 187–188].

Подобная линия развития концепта подкрепляется и рядом метафорических связей по вполне устойчивой для американской лингвокультуры модели «солнце – надежда». Для создания эффекта оппозиции автор привлекает концептуальную модель «пропасть – опасности, трудности, крушение надежд».

В смешанной группе один из наиболее интересных образов – это осенняя багряная луна, символизирующая конец любви, обреченность надежд, угасание женщины, закат молодости, а так же природу Юга США, память о минувшем. Одновременно автор возвращает нас к образам Дж. Тумера и новелле «Blood-Burning Moon» (см. выше).

My hopes | dying slowly | rose petals falling | beneath an autumn red moon | will adorn your unmarked graves | My dreams | lying quietly | A dark pool under the trees | will not carry your name | to a forgetful shore | And what a pity | What a pity | that pity has folded in upon itself | an old man's mouth | whose teeth are gone | and I have no pity [Angelou 1994: 44].

Мелодия афроамериканской литературы на этом не прерывается и вместе с ней развивается тема небесной концептосферы, добавляя к уже знакомым мотивам новые нотки, обретая новое языковое и образное воплощение – достойное продолжение традиций У. Э. Б. Дюбуа, Л. Хьюза, Дж. Тумера, З. Н. Херстон, Дж. Болдуина...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Англо-русский лингвострановедческий словарь / *под ред.* Г. В. Чернова. – Смоленск : Полиграмма, 1996. – 1185 с.

Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; *пер. с нем. / под ред.* И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с.

Сказки Африки / *сост.* Н. А. Егорова. – М., М. I Know Why the Caged Bird Sings / M. Angelou. – N. Y. : Bantam Books, 1969. – 290 p.

Angelou, M. The Complete Collected Poems of Maya Angelou / M. Angelou. – N. Y. : Random House, 1994. – 273 p.

Baldwin, J. Another Country / J. Baldwin. – N. Y. : Random House, 1993. – 436 p.

Baldwin, J. Go Tell It On The Mountain / J. Baldwin. – A Laurel

Book, N. Y., 1985. – 253 p.

Baldwin, J. *If Beale Street Could Talk* / J. Baldwin. – A Laurel Book, N. Y., 1988. – 197 p.

Baldwin, J. *Just Above My Head* / J. Baldwin. – N. Y. : Dial Press, 1979. – 597 p.

Du Bois W. E. B. *The Souls of Black Folk* / W. E. B. Du Bois. – Bantam Books, N. Y. ; Toronto ; London-Sydney ; Auckland, [1903] 1989. – 187 p.

Ellison, R. *Invisible Man* / R. Ellison. – N. Y. : The Modern Library, 1992. – 572 p.

Gates, H. L., jr. (*ed.*) *The Norton Anthology of African American Literature* / H. L. Gates, jr., N. McKay. – N. Y., London : WW Norton & Company, 1997. – 2665 p.

Hansberry, L. *Raisin in the Sun : a drama in three acts* / L. Hansberry. – N. Y. : Random House, 1988. – 151 p.

Hansberry, L. *To Be Young, Gifted, and Black ; Lorraine Hansberry in her own words* / L. Hansberry. – Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1969. – 266 p.

Hughes, L. *Selected Poems of Langston Hughes* / L. Hughes. – N. Y. : Random House, 1990. – 297 p.

Hurston, Z. N. *Their Eyes Were Watching God* / Z. N. Hurston. – Urbana : University of Illinois Press, 1978. – 231 p.

Lauter, P. (*ed.*) *The Heath Anthology of American Literature* / P. Lauter. – U.S.A : D. C. Heath & Company, 1990. – V. 2. – 2765 p.

Rickford, J. R., Rickford, R. J. *Spoken Soul. The Story of Black English* / J. R. Rickford, R. J. Rickford. – U.S.A : John Wiley & Sons, Inc., 2000. – 267 p.

Smitherman, G. *Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner* / G. Smitherman. – N. Y. : Houghton Mifflin Company, 1994. – 243 p.

Wright, R. *Native Son and How "Bigger" Was Born* / R. Wright. – N. Y. : Harper Perennial, 1993. – 594 p.

© Шустрова Е.В, 2007

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

АЛЫМОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА – преподаватель Астраханского филиала Южно-Российского гуманитарного института

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии

ВОЛКОВА НИНА ИЗОСИМОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и коми языков Коми государственного педагогического института

ВОРОШИЛОВА МАРИЯ БОРИСОНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ГРИГОРЬЕВА НАДЕЖДА ИГОРЕВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ДЗЮБА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ДОКУЧАЕВА РАИСА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского и коми языков Коми государственного педагогического института

ДОЦЕНКО ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета

ЕРМИНА СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА - кандидат

филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ЖЕ ЛИ – аспирант Симферопольского государственного университета (Украина)

ЖУРАВЛЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

КАРИМОВА РИММА ХАТИПОВНА – кандидат филологических наук, доцент Стерлитамакской государственной педагогической академии

КРАСИЛЬНИКОВА НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета

ПОПОВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета

ПОПОВА ЭЛЬВИРА ЮРЬЕВНА - кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

РУЖЕНЦЕВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, докторант кафедры межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета

ЯМБАРШЕВА ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА – преподаватель Уральского филиала Московского государственного университета сервиса